

Петр Иванович Рыков.

Ф.Н. Мильков
П.И. РЫЧКОВ

ЖИЗНЬ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТРУДЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА — 1955

Редактор Я. Г. Фрадкин
Художественный редактор В. В. Щукина
Технический редактор С. М. Кошелева
Корректор Е. А. Беляева
Обложка и заставки художника В. М. Лисевича

Сдано в производство 21/III 1953 г. Подписано к печати 20/V 1953 г. Т-0395
Формат 84x108¹/₃₂.. Тираж 25.000 экз. Печатных листов 7,38+0,42 вкл. Учет
издательских 8,02 л. Заказ № 2020. Цена 2 р. 50 к.

3-я типография «Красный пролетарий» Союзполиграфпрома Главиздата
Министерства Культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<u>Предисловие</u>	
<u>Глава 1. На пути к науке</u>	
<u>Глава 2. Член-корреспондент Академии наук</u>	
<u>Глава 3. «Топография Оренбургская»</u>	
<u>Глава 4. Сотрудничество в Вольном Экономическом обществе</u>	
<u>Глава 5. Последние годы жизни. Последние труды</u>	
<u>Заключение</u>	
<u>Приложение 1. Важнейшие даты жизни и научной деятельности П. И. Рычкова</u>	
<u>Приложение 2. Описание города Оренбурга по неопубликованной рукописи П. И. Рычкова «Лексикон или словарь топографической Оренбургской губернии» (1777)</u>	
<u>Литература</u>	

ПРЕДИСЛОВИЕ

Труды Петра Ивановича Рычкова занимают видное и почетное место в истории науки. Географы знают и ценят Рычкова как автора классического страноведческого сочинения «Топография Оренбургская» и многих других оригинальных работ по географии Оренбургского края. Историкам труды Рычкова известны в качестве одного из основных источников по истории Заволжья в XVIII веке. Экономисты заслуженно считают П. И. Рычкова выдающимся представителем экономической науки XVIII века, Имя его известно также в ряде прикладных отраслей знания. Он один из основоположников научного пчеловодства, первый исследователь медных руд Южного Урала, первооткрыватель каменного угля в Оренбургском крае. Современник М. В. Ломоносова, ученик И. К. Кирилова и В. Н. Татищева, он оставил яркий след в истории нашей отечественной науки. Научное наследство Рычкова еще мало изучено. До недавнего времени единственным источником о жизни и научном творчестве П. И. Рычкова оставался труд П. Пекарского «Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова». Но это исследование П. Пекарского имеет почти столетнюю давность (1867) и не дает анализа географических трудов П. И. Рычкова.

В последние годы появились статьи и очерки, характеризующие П. И. Рычкова как географа и экономиста. Таковы статьи И. С. Бака и Н. К. Каратаева о Рычкове-экономисте и автора настоящих строк о Рычкове географе и лесоводе. Все они из-за своей краткости не дают ни полной биографии, ни развернутого анализа научных трудов этого выдающегося ученого. Однако исследование и оценка разностороннего научного наследия П. И. Рычкова едва ли под силу в данное время одному человеку. Для этого требуется большая предварительная работа многих специалистов. В значительной мере это — дело будущего. Вот почему и предлагаемый очерк не содержит всесторонней характеристики Петра Ивановича Рычкова как ученого. Задача очерка: дать наряду с биографическими сведениями анализ и оценку важнейших географических трудов Рычкова. Автором были использованы, помимо печатных трудов Рычкова, некоторые его рукописи, в частности долгое время считавшийся затерянным «Лексикон Оренбургской губернии».

Все известные печатные и рукописные труды Рычкова лишены иллюстраций. Исключение составляет рукопись «Известие о начале и состоянии Оренбургской комиссии», снабженная карандашными рисунками. Часть этих рисунков воспроизведена в настоящей книге.

Глава 1. НА ПУТИ К НАУКЕ

Жизненный путь П. И. Рычкова нельзя считать обычным для ученого XVIII века. П. И. Рычков не был богатым человеком и не имел знатных предков; он не кончал ни школы, ни какого-либо специального учебного заведения; наконец, длительное время научные изыскания он вынужден был совмещать с работой чиновника.

Относительно своих предков П. И. Рычков в семейных «Записках», предназначавшихся для детей, сообщает следующее: «Вам, дражайшие мои дети, предками своими тщеславиться нельзя и не должно, однакож и стыдиться причины нет, хотя бы кто и подлостью, хотя бы кто, от незнания и подлости, вас попрекнул. Меня самого иногда тем безрассудные люди попрекали, но от скромности моей всегда сами устыдяся отходили. Подлинно в предках наших (сколько я сведом) не только бояр и генералов, но и полководцев не было, однако не все генералы от генералов рождаются»¹.

Родился Петр Иванович Рычков 1 октября 1712 года², в городе Вологде, в семье купца Ивана Ивановича Рычкова. Петр был у него единственным сыном, так как остальные дети умерли в раннем детстве. Иван Иванович Рычков торговал хлебом и, выполняя подряды на казну, разорился в 1720 году, после чего переехал в Москву. «В таких наших обстоятельствах, — пишет про свою юность Рычков, — принужден я был не только мое ученье, но и, родителей моих оставляя, сыскивать способ к их облегчению и где б себя употребить, что как мне, так и им было не без печали, тем наипаче, что они, покойные, никакого беспутства во мне не видели, но еще и годность нарочитую с немалою и всегдашнею охотою к наукам примечали; а где и как меня пристроить, по тогдашнему своему состоянию, способов не находили»¹.

Несмотря на материальные затруднения, Иван Иванович Рычков сделал все возможное, чтобы дать образование своему единственному сыну. К тому же ученье молодому Петру Рычкову давалось легко, он рос живым, любознательным ребенком. Ко времени переезда в Москву, когда Петру Рычкову еще не исполнилось и 8 лет, он «читать и писать по-русски умел уже нарочито»². В Москве он быстро выучился голландскому языку и арифметике, после чего был отдан на обучение иностранным языкам, бухгалтерии и коммерции к директору полотняных фабрик И. П. Тамесу, с которым отец Рычкова находился в давней дружбе.

Разорение отца вынудило молодого П. И. Рычкова очень рано пойти на службу. В этом помогло ему знание иностранных языков — немецкого и голландского, а также арифметики и бухгалтерии, что в то время ценилось очень высоко. 18-летним юношей П. И. Рычков был назначен правителем казенных стекольных заводов в Ямбурге (под Петербургом), а несколько позже он получает должность переводчика и помощника бухгалтера Санкт-Петербургской таможни.

Зачисление на работу в Санкт-Петербургскую таможню состоялось при участии обер-секретаря Сената И. К. Кирилова. Знакомство с последним и определило в

¹ Записки Петра Ивановича Рычкова. Русский архив, кн. 3, М., 1905, стр. 292—293.

² Здесь и ниже даты даны по старому стилю.

¹ Записки Петра Ивановича Рычкова. Русский архив, кн. 3, М., 1905, стр. 299.

² Там же, стр. 298.

значительной мере дальнейшую судьбу Рычкова. И. К. Кирилов, будучи сам незнатного происхождения, обратил внимание на трудолюбие и незаурядные способности молодого Рычкова. И в 1734 году, когда для Оренбургской экспедиции потребовался бухгалтер, И. К. Кирилов пригласил на эту должность Рычкова, которому тогда не было еще и 22 лет.

Заслуживает внимания дошедший до нас отзыв И. К. Кирилова о молодом Рычкове. 3 июня 1734 года И. К. Кирилов направил в Сенат Представление о личном составе Оренбургской экспедиции. В самом конце Представления И. К. Кирилов писал: «Бухгалтера ныне достойного еще не приискал, токмо в бухгалтерском деле знающего из русских Петра Рычкова нижайше прошу на первый случай со мною отпустить, который был здесь при портовой таможне у бухгалтерских дел и по-немецки читать и писать умеет, а жалованье он получал по сту по пятидесяти рублей, токмо для сей посылки не соизволено ль будет прибавить рублей сто»¹.

Оренбургская, или, как она называлась вначале, Известная, экспедиция мало походила на экспедицию в нашем современном представлении. Свое наименование она получила по названию города, которого еще не существовало в природе и который она должна была построить на берегах Яика², у устья реки Орь. Постройка этого города приобретала важное государственное значение. Она помогала упрочить, закрепить наметившийся к тому времени переход казахского народа в русское подданство. С появлением Оренбурга государственная граница Российской империи на юго-востоке отодвигалась на берега Урала и южнее. Одновременно Оренбург рассматривался как основной центр торговли не только с казахами, но и с другими среднеазиатскими народами, и даже с Индией.

Решение об организации Оренбургской экспедиции было принято правительством в 1734 году, через 9 лет после смерти Петра I, в царствование Анны Ивановны.

Однако идея создания экспедиции принадлежала Петру I, а претворение в жизнь этой идеи — сподвижникам Петра I. Поэтому не случайно организатором и инициатором Оренбургской экспедиции оказался И. К. Кирилов — обер-секретарь Сената, долгое время бывший близким сотрудником Петра I. По словам Рычкова, И. К. Кирилов в своих донесениях Анне Ивановне о необходимости организации Оренбургской экспедиции «не новую, но прежнюю материю по тогдашнему времени и по возможности сил своих представлял»¹.

Первым начальником Оренбургской экспедиции был назначен И. К. Кирилов — ее инициатор. И. К. Кирилов не был простым чиновником; занимая видные административные посты, он одновременно много и плодотворно работал как ученый. Бесспорно, И. К. Кирилов — одна из наиболее ярких фигур среди географов первой половины XVIII века. Особенно велики заслуги И. К. Кирилова в развитии картографии. Большую известность получили его Атлас Российской империи, изданный в 1734 году, и географический труд «Цветущее состояние Всероссийского государства...», законченный в 1727 году, но опубликованный много лет спустя (СПб., 1831).

В «Истории Оренбургской» Рычков так написал о своем начальнике и учителе: «Что касается до происхождения оного Кирилова, то он хотя незнатной природы был, но прилежными своими трудами и острым понятием в канцелярии Правительствующего сената, из самых нижних чинов порядочно происходя, еще при жизни... Петра Великого в чин сенатского секретаря произведен, и при разных случаях имел счастье достоинство

¹ Добросмыслов А. И. Материалы по истории России, т. 1, Оренбург, 1900, стр. 90.

² Река Яик переименована в Урал в 1775 г. после крестьянской войны 1773—1774 гг. во главе с Е. И. Пугачевым. Переименование преследовало цель вытравить из народа всякое воспоминание о Яике — главном очаге крестьянской войны.

¹ Сб. «Оренбургские степи в трудах П. И. Рычкова», Э. А. Эверсманна и С. С. Неуструева. М., 1949, стр. 105. (Далее ссылки на это издание даны сокращенно: Сб. «Оренбургские степи...»)

свое со многим его императорскому величеству удовольствием засвидетельствовать, а особливо имевшеюся у него натуральною охотою к ландкартам и географическим описаниям... Сиенции схолатической хотя никакой не учил и основательно не знал, но был великий рачитель и любитель наук, а особливо математики, механики, истории, экономии и металлургии, не жалея при том никакого своего труда и иждивения»².

И. К. Кирилов всячески стремился к тому, чтобы привлечь к участию в Оренбургской экспедиции ученых. С этой целью он связался с Академией наук и сделал попытку пригласить в экспедицию ботаника — академика Иоганна Аммана и архитектора К. Ф. Шеслера. Но и тот и другой отказались от поездки, почему И. К. Кирилов вынужден был взять по собственной инициативе ботаника И. Г. Гейнцельмана.

Собранный И. Г. Гейнцельманом гербарий насчитывает несколько сот названий растений. По мере сбора гербарий пересылался в Академию наук, где он обрабатывался И. Амманом. Большую и ответственную работу выполнили в экспедиции картографы и геодезисты. Еще при жизни И. К. Кирилова Оренбургская экспедиция провела значительные исследования по разведке руд и минералов Оренбургского края.

Оренбургская экспедиция направилась на Яик, к устью реки Ор, длинным и тяжелым путем через Казань и Уфу. О существовании более короткого и легкого пути по долине реки Самары И. К. Кирилов узнал позже, во время первого похода к Оренбургу.

В августе 1735 года город Оренбург был заложен. Однако вскоре выяснилось, что устье реки Ор — неудачное место для крупного города, предназначавшегося быть и крепостью, и административным центром для обширного края. Оказалось затруднительным обеспечить удобные транспортные связи с городом, кроме того, он страдал от весенних разливов рек Яика и Ори. Возникла необходимость перенесения города в другое место. В 1740 году его пытались основать ниже по реке у урочища Красной горы (сейчас село Красногорское), присвоив городу у устья реки Ор название Орской крепости (ныне город Орск). Но и это второе место было признано непригодным для Оренбурга, и в 1742 году последовало решение построить город Оренбург у устья реки Сакмары, т. е. там, где он стоит и сейчас.

Инициатор экспедиции не дожил до момента основания Оренбурга на новом месте. И. К. Кирилов умер в 1737 году, в городе Самаре (Куйбышев). И хотя знакомство П. И. Рычкова с И. К. Кириловым не было ни длительным, ни близким, тем не менее оно сыграло большую роль в его жизни. Под влиянием И. К. Кирилова у молодого Рычкова развивался интерес к научным изысканиям, в частности к составлению ландкарт (географических карт) и географическим описаниям.

После смерти И. К. Кирилова начальником Оренбургской комиссии (так тогда именовалась Оренбургская экспедиция) был назначен В. Н. Татищев — видный государственный деятель и крупнейший историк и географ первой половины XVIII века. В. Н. Татищев является составителем первого русского географического словаря «Географический, исторический, политический и гражданский лексикон». Словарь этот, доведенный до буквы К, был издан только в 1792 году, 42 года спустя после смерти В. Н. Татищева. В. Н. Татищев вел непримиримую борьбу с засилием иностранцев в Академии наук и временщиком Анны Ивановны — Бироном.

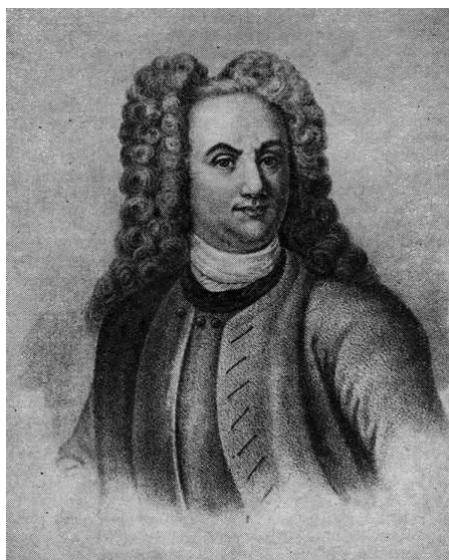
Управлять Оренбургской комиссией Татищеву пришлось очень непродолжительное время. В 1739 году он был уже отстранен от этой должности. Но и этого непродолжительного срока было достаточно, чтобы между начальником Оренбургской комиссии и Рычковым возникли тесные, до известной степени дружеские отношения. Развитию таких отношений способствовало служебное положение Рычкова, на которого было возложено ведение всех канцелярских дел. В лице Татищева Рычков встретил разносторонне образованного, доброжелательного учителя, горячо

² Рычков П. И. История Оренбургская по учреждению Оренбургской губернии, Оренбург, 1896, стр. 28.

заинтересованного в развитии отечественной истории и географической науки.

Составление подлинно научной географии России Татищев признавал срочной и важной государственной задачей. Такую географию, указывал он, могут написать только русские ученые, а не иностранцы.

Насколько большое значение придавал Татищев составлению географии России, можно судить по его донесению Сенату от 30 апреля 1739 года. «Российского же государства дондесь никакой географии не сочинено, — писал он, — и в школах младенцы учатся по сочиненным от иностранцев; но понеже оные частию неполны, частию неправдами и поношениями наполнены, и для этого их переводить или в школах употреблять более вреда, нежели пользы. Для которого вечно достойные памяти его императорское величество Петр Великий в переведенной гибнеровой географии Российскую главу повелел выкинуть, а совершенное описание вновь сочинить; токмо оное дондесь невидимо, и более мне для того, что из русских мало к тому охотников, а иноземцам главнейшего обстоятельства, т. е. Российской истории, недостает»¹.

Василий Никитич Татищев

«Гибнерова география», на которую ссылается Татищев, это очень популярный в первой половине XVIII века труд немецкого географа Иоганна Гюбнера. В 1719 году его книга была переведена на русский язык и напечатана в Москве под таким названием: «Земноводного круга краткое описание из старья и новья географии по вопросам и ответам чрез Ягана Гибнера собранное и на немецком диалекте в Лейпцике напечатано. А ныне повелением великого государя царя и великого князя Петра Первого всероссийскаго императора при наследственном и благороднейшем государе царевице Петре Петровиче на российском напечатана в Москве. Лета Господня 1719, в апреле месяце».

Книга Гюбнера, предназначавшаяся для учебных целей, была составлена в форме вопросов и ответов. Географии России в ней уделялось всего девять страниц (глава «О ландкарте Российской»). Эти страницы не принадлежали самому Гюбнеру: оригинал главы о России был настолько далек от действительности, в такой степени изобилдовал ошибками и фантастическими домыслами, что по указанию Петра I глава была заново написана русскими географами.

Но и в улучшенном виде «Гибнерова география» могла дать лишь очень смутное представление о природе и населении России. На вопрос «Какова состояния... земля тамошняя?» следовал краткий ответ: «Земля ж оная есть во многих местах не жила, а

¹ Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века, М.—Л., 1946, стр. 134.

особливо к самой Азии много лесов и болот». И это, по существу, все, что было сказано в книге о природе России, если не считать крайне скудных сведений о реках. Рек в «Гибнеровой географии» названо всего четыре: Волга, Обь, Дон, Двина. Описание их дано в таком виде: «Река Дон, лат. Танаис, течет гораздо криво в великую морскую заливу, тож и Азовское море, лат. Палус Меотис имянуемое».

Таков был уровень страноведческих географических работ в тот период, когда Рычков начинал свою научную деятельность.

В этих условиях вполне естественной представляется та поддержка, которую встретил Рычков у Татищева в своей научной работе по географии и истории Оренбургского края. Эта поддержка не прекратилась и после отстранения Татищева от дел Оренбургской экспедиции. Между Татищевым и Рычковым после 1739 года завязывается переписка. Рычков пересылает Татищеву свои первые научные работы. Татищев становится для Рычкова консультантом, а также рецензентом по написанным статьям, он исправляет встречающиеся в рукописях Рычкова ошибки, дает справки и методические указания.

Среди этой переписки привлекает внимание письмо Татищева к Рычкову, написанное в конце декабря 1749 года. Письмо явилось ответом на присланную Рычковым рукопись «Краткое известие о татарах, и о нынешнем состоянии тех народов, которые в Европе под именем татар разумеются».

В письме Татищев пишет Рычкову: «Ваше присланное описание народов многое мне удовольствие принесло, ибо в нем много того, чего доднесь или не знали или весьма смятно разумели. Однакож как оное есть первое сочинение, так много требует дальшего и внятнейшего уведомления»¹.

В том же письме Татищев дает оценку карте Оренбургской губернии, составленной под руководством Рычкова: «Ваша ландкарта хотя преизрядно сочинена, не взирая на малые недостатки и погрешности, довольно служит, а современем одно место по другому исправлять можно. Мой совет вам, если годится, чтоб не делать одну, но разделить на три или четыре и все по одному масштабу, то вам легче переправлять и дополнять»².

И далее следует еще один важный совет: «Другое: весьма нужны при оных описания, ибо все изобразить в картах неудобно».

Советы Татищева падали на подготовленную почву. Проходит несколько лет, и Рычков представляет в Академию наук атлас Оренбургской губернии, составленный И. Красильниковым, а к этому атласу в качестве приложения дает текст «Топографии Оренбургской».

К письму Татищев прилагает «Напомнение на присланное описание народов, что в описании географическом наблюдать нужно». «Напомнение» (напоминание) представляет краткую программу географического описания территории и состоит из ряда пунктов; некоторые из них сохранили интерес до настоящего времени. «В землеописании или географии, — говорит «Напомнение», — главные два обстоятельства, яко: собственно география и гидрография. Первая описует земли, вторая воды со всеми принадлежностями. Однако они так связаны, как земля и вода един шар составляют; так, описуя одно, не можно другого не коснуться, а особливо воды на (и) более границами положений, и все жилища великие и малые строятся при водах, яко морях, заливах, озерах и реках, а некоторые на островах, и кругом обняты. А для сочинения обстоятельств и правильных ландкарт нужно реки так описать, чтоб их исток и устье, по малой мере тех, которые для жилищ положить нужно, а притом и долготу течения объявить»¹.

Другой пункт «Напомнения» гласит: «Качества географии иногда кратки, иногда пространны со всеми принадлежащими обстоятельствами, яко астрономическое,

¹ Татищев В. Н. Избранные труды по географии России, М., 1950, стр. 234.

² Там же, стр. 235.

¹ Татищев В. Н. Избранные труды по географии России, М. 1950. стр. 230.

физическое, политическое и историческое.

В астрономическом нужно по верным наблюдениям, а в недостатке того по вычетом расстояний, градусы широты и долготы объявить.

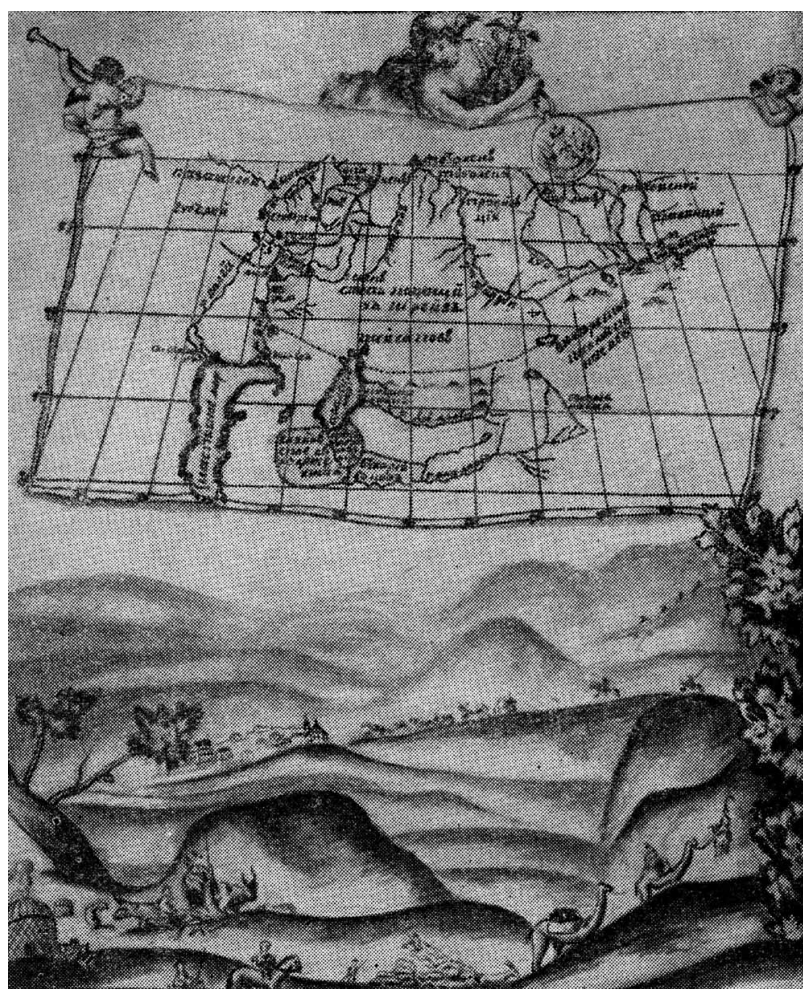
В физическом состоянии воздуха и земли, от которых происходят все довольства, обилие и недостатки, как от подземных, так и верхних плодов; в подземных не токмо руды крушцов, но камни и земли во что либо полезные...

Политическое описание представляет порядок правительства гражданского, духовного и пр. Потом народы, их нравы, рукоделия и промыслы, сила военная, селения и укрепления...

Историческое описание от начала все премены и приключения, счастливые или напастенные, касающиеся точно описанного»².

В следующем пункте Татищев нарисовал подробную схему описания города.

Эти документы убеждают нас в том, что взгляды Рычкова-географа формировались в значительной мере под влиянием Татищева. Однако переписка Рычкова с Татищевым не носила характера простого обмена мнениями между учителем и учеником. Татищев был настолько высокого мнения о научных познаниях Рычкова, что иногда высылал ему свои рукописи с просьбой просмотреть их и сделать критические замечания.

Картосхема Оренбургской губернии и степной ландшафт Заволжья.

Карандашный рисунок из рукописи П. И. Рычкова — «Известие о начале и состоянии Оренбургской комиссии».

² Там же.

Еще в 1741 году Татищев ставил перед Академией наук вопрос о присуждении Рычкову серебряной медали. Позже Татищев добивался присвоения Рычкову звания почетного члена Академии наук. И то и другое ходатайства Татищева успеха не имели.

Из ранних историко-географических работ Рыčkова, дошедших до нас в рукописном виде, заслуживает внимания объемистая рукопись «Известие о начале и состоянии Оренбургской комиссии по самое то время, как она комиссия целой губернией учинена, с некоторыми историческими и географическими примечаниями». Она закончена была в 1744 году. В отличие от всех других известных работ Рыčkова данная рукопись иллюстрирована хорошо выполненными карандашными рисунками ряда городов, в том числе только что застроенного Оренбурга¹.

К тому же 1744 году относится составление Рычковым для служебных целей подробного описания Оренбурга, которое, по Пекарскому, «впоследствии послужило основанием последующих его трудов об Оренбургском крае»².

Исполнительность, трудолюбие, знание языков, умение составлять грамотные докладные записки — эти и другие положительные качества способствовали сравнительно быстрому продвижению Рыčkова по службе — сначала в Оренбургской экспедиции, а потом и в губернской канцелярии. Бухгалтерией ему почти не пришлось заниматься. В первые же годы службы в Оренбургском крае, еще при И. К. Кирилове, на него было возложено ведение канцелярских дел. Позже он вспоминал об этом времени в следующих словах: «Будучи в той экспедиции, как от него, Кирилова, так и от бывших после его генералитетов, употребляем я был всегда (кроме одного первого года) и почти безотлучно к нужнейшим воинским делам. Они, по тогдашним башкирским безпокойствам, о том, как бы счетные книги по регуле бухгалтерской установить, почти и думать уже перестали, но усмотря, что я в таких строгих случаях к управлению канцелярских дел других был способнее, все канцелярское правление на меня одного положили. При таких обстоятельствах имели они меня всегда и во всех походах безотлучно при себе и подлинно содержали меня в отменной милости»¹.

Оренбургский край становится родным для Рыčkова, он прожил здесь почти безвыездно около 43 лет. В Оренбургском крае провели последние дни своей жизни самые дорогие для Рыčkова лица — отец, Иван Иванович Рычков, и мать, Капитолина Ивановна.

Иван Иванович Рычков был приглашен в Оренбургскую экспедицию Кириловым «для установления и утверждения новой комерции». Он прибыл в Самару в 1737 году, не застав в живых Кирилова. «Первые об Оренбургской комерции учреждения чрез него учинены и ему к исполнению были поручены»², сообщает Рычков об отце. Но деятельность И. И. Рыčkова в Оренбургском крае продолжалась недолго. В 1738 году, на 56-м году жизни, он скончался в Орской крепости, называвшейся тогда городом Оренбургом. В том же 1738 году в городе Самаре скончалась мать Рыčkова.

В 1743 году Рыčkова за успешную службу в Оренбургской губернской канцелярии награждают землей, на которой он позже выстроил село Спасское. Село и земли расположены в 15 км от города Бугульмы, в живописной лесостепной части Оренбургского края. В 1751 году, по представлению губернатора И. И. Неплюева, высоко ценившего Рыčkова, ему присваивают чин коллежского советника.

Ведя канцелярские дела, Рычков принимает участие в большинстве походов И. К. Кирилова, В. Н. Татищева, И. И. Неплюева и других главных начальников Оренбургского

¹ Экземпляр этой рукописи П. И. Рыčkова хранится в Ленинградской публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (№ 276/47).

² Пекарский П. П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рыčkова, СПб., 1867, стр. 28.

¹ Записки Петра Ивановича Рыčkова. Русский архив, кн. 3, М., 1905, стр. 301.

² Там же, стр. 297.

края. Он видит не тронутые плугом землепашца ковыльные степи, высокие сырты, увенчанные причудливыми шиханами, скалистые сопки и светлые березовые рощи Южного Урала, богатые рыбой реки, высокотравные луга и сырые уремы на поймах, сожженную солнцем пятнистую полупустыню и безжизненные глинистые солончаки Прикаспия. В своих поездках он не забывает осмотреть ни одного достопримечательного места. Его интересуют в равной мере и редкие животные, обитающие в Оренбургском крае, и руды, и минералы, встречающиеся в нем. Он знакомится с бытом и хозяйством казахов, башкир, татар и других народов, населяющих Оренбургскую губернию. При его участии происходит закладка первых русских городов и крепостей в степном Заволжье. На его глазах на берегу Урала зарождается и успешно развивается город Оренбург — новый крупный торговый и административный центр России; вырастают десятками русские села, и безбрежную степную даль начинают прерывать возделанные поля с пшеницей.

Живое, личное знакомство с природой и населением Оренбургской губернии возбудило у Рычкова глубокую любовь к этому краю. Служба в Оренбургской экспедиции и в губернской канцелярии явилась хорошей школой, без прохождения которой Рычков едва ли смог бы создать впоследствии «Топографию Оренбургскую».

Глава 2. ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ АКАДЕМИИ НАУК

Вторая четверть XVIII века ознаменовалась важными географическими событиями. В это время на крайнем севере и востоке России вела работу Великая Северная, или Вторая Камчатская, экспедиция (1733—1743). По числу участников, сложности и объему выполненных работ, по своим научным результатам Великая Северная экспедиция не имела себе равных ни в России, ни за границей. Участники ее описали северное морское побережье России, открыли северо-западную Америку, изучили природу Камчатки и многих районов Сибири.

После Великой Северной экспедиции на географических картах появились близкие к действительности изображения севера и северо-востока Азии. Россия в результате работ Великой Северной экспедиции впервые получила ясное представление о своих северных и восточных морских границах. В итоге работ Великой Северной экспедиции стало возможным правдивое картографическое изображение России, что и было сделано Академией наук в известном Атласе Российской империи (1745). Полное название атласа было «Атлас Российской, состоящей из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю, с пограничными землями, сочиненной по правилам географическим и новейшим обсервациям, с приложенною притом генеральною картой великий сей империя, стараниями и трудами императорской Академии наук».

Основанная в 1724 году Петром I Академия наук успешно развывала свою деятельность по географическому изучению России. В 1739 году при Академии наук был открыт особый Географический департамент, на долгое время ставший научным географическим центром в России. С 1758 года во главе Географического департамента Академии наук становится М. В. Ломоносов. В середине XVIII века — в период формирования научных взглядов Рычкова — русская географическая наука обогатилась выдающимися сочинениями Ломоносова: «Слово о рождении металлов от трясения земли» (1757) и «О слоях земных» (1763).

Атлас Российской империи, изданный Академией наук, несмотря на ряд недостатков, представлял выдающееся картографическое достижение. Карты атласа, охватившие огромную территорию, стояли на более высоком научном уровне по сравнению с картами и атласами, имевшимися в Западной Европе. Знаменитый математик Л. Эйлер справедливо указывал, что в результате издания атласа «География Российская приведена гораздо в исправнейшее состояние, «ежели география Немецкой земли»¹.

Знакомство с академическим атласом, и особенно с предисловием к нему, в котором читатели призывались к исправлению напечатанных карт, а также переписка с В. Н. Татищевым натолкнули Рычкова на мысль о составлении специального географического атласа Оренбургской губернии. Нужда в таком атласе была большая. Управление Оренбургским краем, освоение его огромной территории требовали достоверных и точных знаний о природе и населении страны, а это последнее было

¹ Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века, М. — Л., 1946, стр. 329.

невозможно осуществить без прочной картографической основы.

Это хорошо понимали уже первые начальники Оренбургской экспедиции — Кирилов и Татищев. Еще при их жизни в разные места Оренбургской губернии были направлены геодезисты для сбора материала и составления ландкарт. В 1741 году при канцелярии Оренбургской комиссии был создан географический департамент, в задачу которого входили рассмотрение и оценка поступающих от геодезистов ландкарт, а также составление общей «генеральной» ландкарты Оренбургской губернии.

Составленная таким образом «генеральная» ландкарта Оренбургской губернии имела самое широкое употребление, однако вскоре она оказалась уже устаревшей, так как в канцелярии Оренбургской губернии быстро накопился новый и никем не обобщенный картографический материал. По инициативе Рычкова в 1752 году принимается решение о составлении новой генеральной карты Оренбургской губернии и прилегающих к ней с юга среднеазиатских земель. Генеральная карта должна была сопровождаться десятью «партикулярными» — частными — картами, детализирующими отдельные части губернии.

Составление карт, точнее атласа Оренбургской губернии, было возложено на геодезиста прапорщика И. Красильникова. Благодаря его усилиям составление карт шло сравнительно быстро, и в 1755 году атлас И. Красильникова был готов.

Рычкова, ведавшего делами Оренбургской губернской канцелярии, не удовлетворяли одни ландкарты губернии. Вслед за Татищевым, он считал, что ландкарты, даже самые исправные, не могут ответить на все запросы практики; необходимым дополнением к ним должны служить географические описания территории. Эта мысль очень ясно высказана им в предисловии к первому рукописному варианту «Топографии Оренбургской». «И хотя употребление исправно сочиненных ландкарт, — пишет Рычков, — во всяком правлении, а особливо в политических и в воинских делах, производит немалую пользу, ибо всякий командир, имея при себе исправную ландкарту тех мест, кои ему в дирекцию и правление поручены, может из нее видеть, в которую сторону и сколь далеко простирается его команда, в какой ситуации и где находятся подчиненные ему города и жительства, где море или озеро, отколь и куда текут реки и пр.; наисовершенному сведению и к добропорядочному управлению поручаемых дел нужно каждому командиру сверх того знать еще разные обстоятельства, яко то: народное и натуральное состояние подчиненных ему мест, где какое людство и на каком основании находится, что где натура произвела и произвести может, которое место чем избыточествует или оскудевает, откуда, когда и как награждать недостатки и чрез, что превозмогать имеющиеся или быть могущие затруднения и пр., — без чего командующему, хотя бы он и снабжен был исправнейшими ландкартами, и имел бы притом рассуждение самое тонкое и проницательное, во всех его делах и предприятиях порядочное учреждение и управление иметь не только трудно, но и едва возможно ль»¹.

В дополнение к ландкартам Красильникова Рычков решил написать топографию Оренбургской губернии.

Во времена Рычкова топографией именовали страноведческие сочинения, посвященные географии какой-либо ограниченной территории — отдельной части страны, чаще всего губернии. В топографию тогда включались не только сведения о рельефе, но и характеристика всех других элементов природы — рек, озер, климата, животного мира и т. д., а также данные о населении, его занятиях, торговле, городах и пр. В отличие от топографии географические сочинения, описывающие весь мир, принято было называть космографией, а описание крупной страны, например России, — географией.

К началу 1755 года первая часть «Топографии Оренбургской» была написана. В феврале 1755 года Рычков высылает рукопись «Топографии» Ломоносову, с которым

¹ Сб. «Оренбургские степи...», стр. 387.

познакомился во время поездки в Петербург в 1751 году.

Высылая рукопись, Рычков писал Ломоносову: «В том моем намерении, по предвоспринятому от меня плану, сочиняя первую часть, признаю я не токмо за сходно, но и за должно послать ее на Ваше, милостивого государя моего, просвещенное рассмотрение, надеясь, что Вы, означенное мое намерение почтя за справедливое по имеющемуся в Вас об общих пользах рачению, сего труда не отречетесь»².

Через несколько месяцев, в июне 1755 года, рукопись «Топографии Оренбургской» Рычков пересылает непосредственно в Академию наук. В сопроводительном письме он указывает, что как при составлении карт, так и при написании «Топографии» он руководствовался правилами, изложенными в предисловии к академическому атласу (1745).

Карты Красильникова и первая часть «Топографии Оренбургской» Рычкова дважды — 31 июля и 2 августа 1755 года — рассматривались в Академии наук и были одобрены к изданию. В обсуждении «Топографии» и карт активное участие принял Ломоносов. Рукопись «Топографии» произвела на него очень хорошее впечатление, и он стремился к тому, чтобы труд Рычкова был как можно скорее опубликован в печати.

Позже, в 1760 году, Рычков в письме к Г. Ф. Миллеру с гордостью писал о своем знакомстве с Ломоносовым. «Михайло Васильевич Ломоносов, — сообщал он, — персонально меня знает. Он, получив первую часть моей «Топографии», письмом своим весьма ее расхвалил; дал мне знать, что она от всего академического собрания апробована; писал, что приятели и неприятели (употребляю точные его слова) согласились, дабы ее напечатать, а карты вырезать на меди»¹. Примерно с 1757 года Рычков вступил в переписку с академиком Миллером и стал сотрудником академического журнала «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие».

В 1755 году в «Ежемесячных сочинениях» был напечатан интересный труд Рычкова «Переписка между двумя приятелями о комерции».

«Переписка между двумя приятелями о комерции» сразу же привлекла внимание академических кругов к неизвестному до того автору, жившему вдобавок в глухой провинции. «Переписка» сопровождается обстоятельным описанием истории развития «комерции». По мнению И. С. Бака, Рычков был первым русским автором, давшим очерк истории «комерции»². Но главное значение статьи Рычкова заключается не в этом очерке истории «комерции», а в тех идеях, которые высказаны Рычковым относительно дальнейшего развития и процветания русской «комерции». Надо оговориться, что под «комерцией» Рычков, как и многие другие ученые того времени, понимал не просто внутреннюю и внешнюю торговлю, но и всякие ремесла и промыслы; точнее, «комерция» Рычкова включает, помимо торговли, вопросы промышленного и вообще хозяйственного развития страны.

По И. С. Баку, в «Переписке между двумя приятелями о комерции» изложены ранние экономические воззрения Рычкова, которые будто бы не отличались новизной и своеобразием. «В своей «Переписке», — утверждает И. С. Бак, — Рычков развивает господствовавшие тогда в России меркантилистские идеи»¹. Отход от идей меркантилизма наблюдается у Рычкова будто бы значительно позже, с момента появления его работ в Трудах Вольного Экономического общества (с 1765 года и позже). Едва ли с этим можно согласиться. Как известно, главное богатство страны меркантилисты видят в

² Ломоносов М. В. Сочинения, т. 8, АН СССР, М. — Л., 1948, стр. 186.

¹ Пекарский П. П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова, СПб., 1867, стр. 35.

² Бак И. С. Экономические воззрения П. И. Рычкова. Исторические записки, 16, АН СССР, 1945, стр. 132.

¹ Бак И. С. Экономические воззрения П. И. Рычкова. Исторические записки, 16, АН СССР, 1945, стр. 134.

накоплении золота и серебра, а средством достижения этой цели считают всемерное развитие внешней торговли, усиленное производство товаров, вывозимых на внешний рынок. Между тем уже в своей «Переписке» Рычков многие экономические вопросы решает самостоятельно, отлично от меркантилистов. Считая производство товаров и развитие промышленности основой благосостояния государства, он на первое место ставит не внешнюю торговлю, как меркантилисты, а внутреннюю, внутригосударственный товарооборот. Рычков в отличие от меркантилистов очень рано, задолго до сотрудничества в Вольном Экономическом обществе, обратился к изучению сельского хозяйства, к выяснению его громадной роли в экономике страны.

Очень важной работой Рычкова является «Письмо о земледельстве в Казанской и Оренбургской губерниях», опубликованное в 1758 году в «Сочинениях и переводах к пользе и увеселению служащих». По словам Н. К. Каратаева, «Этой статьей впервые на страницах печати были поставлены конкретные задачи по улучшению сельского хозяйства страны на основе весьма тщательно собранного материала двух больших губерний»².

«Письмо о земледельстве в Казанской и Оренбургской губерниях» Рычков рассматривал как материал для будущего полного экономического описания страны. В первой части «Письма» он описывает важнейшие сельскохозяйственные орудия (сабан, косулю), во второй — посев, обработку земли и уборку по каждой возделываемой культуре в отдельности. Характерно, что в этой статье, как и во многих других, Рычков с глубоким уважением отзывается о народном опыте. «Ибо в сих делах нередко случается, — утверждает он, — что самые простые люди в деревнях живущие, по их в земледелии практике, имеют в том основательные сведения»¹.

Сказанное никак не позволяет видеть в ранних экономических работах Рычкова простое повторение господствовавших тогда идей. Наоборот, есть основания считать, что, уже начиная с «Переписки между двумя приятелями о комерции» (1755), у Рычкова намечался явный отход от широко принятых тогда меркантилистских идей. В более поздних работах этот отход от меркантилизма проявился еще резче.

Меркантилистская политика была особенно характерна для эпохи Петра I. Во второй половине XVIII века, в новых исторических условиях, она из стимула превратилась в тормоз развития производительных сил. В связи с этим у русской общественной мысли с середины XVIII века намечается тенденция к отказу от идей меркантилизма. Большую положительную роль в этом вопросе сыграли труды Рычкова. По признанию современных экономистов, «В отказе от меркантилизма, в переходе к анализу процессов общественного производства большая заслуга принадлежит первому члену-корреспонденту Академии наук П. И. Рычкову»².

В 1759 году в том же академическом журнале «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие» печатается новое крупное произведение Рычкова — «История Оренбургская по учреждению Оренбургской губернии». Участник Оренбургской экспедиции, свидетель важных исторических событий, располагая к тому же богатыми архивными материалами, Рычков подробно и со знанием дела описывает в нем историю организации и проведения Оренбургской экспедиции, начиная со времен Петра I и кончая моментом официального учреждения Оренбургской губернии (1744). Естественным продолжением «Истории Оренбургской» послужило «Прибавление к Оренбургской истории», напечатанное в том же 1759 году. «Прибавление к Оренбургской истории»

² Каратаев Н. К. П. И. Рычков — выдающийся русский экономист XVIII века, Вестник АН СССР, № 3, 1950, стр. 90.

¹ Рычков П. И. Письмо о земледельстве в Казанской и Оренбургской губерниях, Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие, СПб., 1758, стр. 521—522.

² Каратаев Н. К. П. И. Рычков — выдающийся русский экономист XVIII века, Вестник АН СССР, № 3, 1950, стр. 87.

охватывает события, протекавшие с 1744 по 1751 год.

К 1759 году Рычков был хорошо известен в академических кругах. Опубликованные труды по истории и экономике края, рукопись первой части «Топографии Оренбургской», инициатива в составлении ландкарт — все это ставило уже тогда Рычкова в один ряд с наиболее известными учеными того времени.

Официальным признанием научных заслуг Рычкова явилось избрание его в начале 1759 года в члены-корреспонденты Академии наук.

Своим избранием в члены-корреспонденты Академии наук Рычков в значительной мере обязан Ломоносову. Правда, первые ходатайства о присвоении Рычкову звания почетного члена Академии наук принадлежат не Ломоносову, а Миллеру, преследовавшему при этом определенные личные цели. Выступая в роли покровителя Рычкова, Миллер стремился привязать его к себе, направить его научные интересы в нужном для себя направлении. Рычков для Миллера был не просто сотрудником журнала, но и деятельным корреспондентом, сообщения которого он мог использовать в своей работе.

Ходатайства Миллера не встретили поддержки в академической канцелярии, в которой было засилье иностранцев, относившихся с прямой враждой к каждому новому русскому имени. К тому же и ходатайства Миллера не были настойчивыми, они скорее носили характер красивого жеста, чтобы успокоить Рычкова, видевшего в этом избрании одобрение и моральную поддержку в своей научной работе. Помогло избранию Рычкова прямое вмешательство в это дело Ломоносова.

Хорошо известно, как много энергии и сил тратил Ломоносов на выдвижение в Академию наук русских ученых. Не без основания он не доверял иностранцам, многие из которых были настоящими проходимцами, смотревшими на русскую Академию наук, как на богатую кормушку, где можно было получать высокие оклады, не перегружая себя работой. К тому же находились среди них и такие, что умудрялись служить сразу двум хозяевам: получая русское жалованье, переправляли за границу материалы, не подлежащие оглашению. Не всегда Ломоносов выходил победителем. Нередко явные авантюристы, пробравшиеся в Академию наук, находили высоких покровителей при дворе. Перед смертью, находясь в опале у Екатерины II, Ломоносов с горечью писал: «За то терплю, что стараюсь защитить труд Петра Великого, чтобы выучились россияне, чтобы показали свое достоинство»¹.

Стремясь привлечь к участию в работе Академии наиболее широкий круг русских ученых, Ломоносов предложил ввести почетное звание члена-корреспондента Академии наук. Первым кандидатом Ломоносов назвал Рычкова.

21 января 1759 года Ломоносов направляет президенту Академии наук собственноручно составленную им докладную записку об учреждении звания члена-корреспондента².

Докладная записка Ломоносова была утверждена президентом Академии наук К. Г. Разумовским, и 28 января 1759 года Канцелярия Академии наук направляет в Конференцию Академии наук указ об учреждении звания корреспондентов. Указ во многом повторяет докладную записку Ломоносова. В нем говорится о решении президента «учредить по примеру некоторых других Академий класс академических корреспондентов», причем далее отмечается, что следует «начать сие учреждение принятием в такие корреспонденты с данием дипломы господина коллежского советника

¹ Морозов А. В. Михаил Васильевич Ломоносов, М., 1950, стр. 923.

² См. Модзалевский Л. Б. Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР. Научн. описание, АН СССР, М. — Л., 1937, стр. 327—328.

Докладная записка М. В. Ломоносова была подписана также И. И. Таубертом и Я. Я. Штелином.

Петра Рычкова»³.

На следующий день, 29 января 1759 года, состоялось официальное избрание Рычкова в члены-корреспонденты Академии наук.

Избрание в члены-корреспонденты Академии наук явилось радостным событием в жизни Рычкова. Связи его с Академией наук упрочились и получили официальное признание, что одно уже имело для него большое значение. Совмещать научную работу со службой чиновника по условиям того времени было нелегко. Даже и после избрания в члены-корреспонденты Рычкову, как увидим ниже, приходилось бороться и не раз вступать в открытый конфликт с начальством, отстаивая свое право на научные занятия.

Таким образом, та заинтересованность, которую Рычков проявлял к своему избранию в Академию наук, объясняется не честолюбием Рычкова, которого он был не лишен, и понятно не материальными выгодами, которых он не получал, а тем, что такое избрание предоставляло, как ему казалось, широкие возможности для продолжения научной работы, ограждало его от нападков со стороны начальства. Перед избранием в одном из писем он писал: «Критика и негодование, которым новые дела часто подвержены бывают, и у нас в тех моих стараниях не редко самые лучшие случаи из рук у меня отнимают, ибо почитается то иногда за ненадобное, а иногда к должности моей не принадлежащее». Рычков просил в случае избрания его в члены Академии наук уведомить об этом Оренбургскую канцелярию, благодаря чему «не только б подались мне лучшие и удобнейшие способы все то свободно и охотно исполнять, что в нашей стороне она Академия признает и меня определит (sic), но и от всякого нареkania и негодования совершенно б уже свободен я был»¹.

Насколько ценил Рычков свое избрание в члены-корреспонденты, можно видеть по его семейным «Запискам», где подробно говорится об этом событии и приводится полный текст диплома.

При пересылке диплома об избрании в члены-корреспонденты Миллер в качестве секретаря Академии наук пишет Рычкову поздравительное письмо. В письме он умалчивает, что избрание Рычкова в члены-корреспонденты произошло по инициативе Ломоносова, и одновременно, не страдая излишней скромностью, дает понять, что своим избранием Рычков в значительной мере обязан той корреспонденции, которую он вел с ним, Миллером. Текст сопроводительного письма гласит: «Высокоблагородный господин советник! При сем получите вы диплому о принятии вас в число академических корреспондентов; оно служит в доказательство, коим образом Академия, в одну сторону уважая заслуги вашего высокоблагородия, которые вы к поспешствованию наук и к пользе отечества уже учинили, а в другую, сколько желает она впредь иметь пользы от прилежания и искусства вашего. Вы еще первые в России, которому от нее сия честь отдается; оную получаете вы не через звание ваше, ниже по представлению ваших друзей, ибо вы сами персонально Академии незнаемы, но сведомы единственно по вашим письмам, которые вы для распространения наук и для поспешствования общей пользе сочинили, также и чрез вашу бывшую до сего со мною корреспонденцию, через которую Академия различными образами пользы свои имела. Сии обстоятельства и объявляют ныне сущее достоинство той дипломы...»¹.

После избрания в члены-корреспонденты переписка Рычкова с Академией наук приобретает регулярный характер. Он отвечает на многие письменные запросы со стороны Академии наук, высылает чучела редких животных, сообщает о наиболее

³ Модзалевский Л. Б. Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР. Научн. описание, АН СССР, М — Л., 1937, стр. 328—331.

¹ Пекарский П. П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова, СПб., 1867, стр. 41.

¹ Записки Петра Ивановича Рычкова, Русский архив, кн. 3, М., 1905, стр. 315.

Перевод письма с немецкого языка на русский выполнен самим Рычковым.

интересных местах и природных явлениях края. Большая часть его корреспонденции направлялась в Академию наук через Миллера.

В 1759 году Рычков высылает в Академию наук краткое описание и чучело выхухоли, три гнезда ремеза — лучшего гнездостроителя среди наших птиц; в 1761 году — экземпляр оляпки (водяного воробья *Cinclus cinclus* L.); в 1763 году сообщает об открытии им в Оренбургском крае кошенили на клубнике; в 1764 году в адрес Ломоносова — описание медных руд Оренбургской губернии; в 1767 году — описание и чучело земляного зайца (*Alactaga jaculus* Pall.) и др.

Характер писем и сообщений свидетельствует об острой наблюдательности Рычкова, его умении подметить и выделить то, чего не замечали до него другие.

Например, в письме от 22 июля 1761 года Рычков сообщает о своих наблюдениях за сравнительно редкой в Оренбургском крае оляпкой (водяным воробьем). «В Топографии Оренбургской, — пишет он, — означено уже от меня, что в здешней губернии есть особый род воробьев, которые гнезда свои имеют и детей выводят в береговых норах, куда они не иначе входят, как сквозь воду, и для того избирают такие реки, которые зимою или все не мерзнут или большие полыньи имеют и быстрого течения. Я сам, в 1760 году в январе месяце будучи в Башкирии, на одном месте долго на них смотрел, удивляясь, как они то из воды вылетали и сидели при берегах и на закраинах льда, то паки в воду, власно как бы брошенный камень, повергались и уходили в свои норы. Некоторые же и в берегу под водою на сучьях имевшегося тут валежника сидели, так что их тут не очень глубоко сквозь чистую и прозрачную воду видеть было можно. Величина их побольше обыкновенного воробья, но перья темнее и издали почти черными кажутся; подзобок, на груди и на брюхе перья у них сероваты»¹.

В другом письме, от 29 июня 1762 года, Рычков писал: «После дождливых погод, продолжавшихся здесь с месяц, на полях появилось здесь такое множество червей, что прежде никогда их столько не видано. Они шли и по дорогам стадами в таком множестве, что почти всю землю в некоторых местах покрывали. Сперва напали они на посеянные конопля, на горох и на мак, и где нападали тут все начисто поедали. Усматриваны уже были они и на другом хлебе, особливо на ячмене, на овсах и полбе, а частично и на рже, и всех здешних обывателей привели было в отчаяние хлебов (*sic*), да инаково и быть не могло б, ежели б сия многочисленная гадина с такою ж алчною и без разбору все пожирать стала, как сперва начала. После того как миновались мокрые погоды и сильные дожди, оставя хлебы, стала она жрать траву лебеду, осот и другие мягкие. А понеже сих трав и между посеянных хлебов было весьма много, то оставляя хлеб в целости, оную траву на многих десятинах всю пожрала и хлеб так, как выполола. Я сам с великим удивлением смотрел на одну десятину посеянного у меня проса, кое было еще не полото и заросши травою, кою крестьяне называют осот. Сей десятины одну половину оные черви так чисто выпололи, что ни одной травинки в ней не осталось, а просо все в целости. Одним словом — руками так чисто нигде не выполото; а другая половина осталась с травою и выполота бабами. Ныне оный гад почти весь уже пропал — видно, что от сухих и жарких дней... Величина оных червей с небольшим в дюйм, цветом темносерые с желтоватыми полосками вдоль их, а некоторые были и зеленые...»².

Описываемые Рычковым «черви» являются, несомненно, гусеницами различных вредителей полей, скорее всего лугового мотылька и совки-гаммы. Еще в недавнем прошлом, до коллективизации и освоения колхозами травопольной системы земледелия, эти и другие вредители, размножаясь в отдельные годы в массовом количестве, наносили большой ущерб посевам в степном и лесостепном Заволжье.

Рычков был лишен возможности принимать участие в длительных научных

¹ Пекарский П. П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова, СПб., 1867 стр. 93—94.

² Там же, стр. 96—97.

экспедициях, которые в то время иногда снаряжала Академия наук. В своей научной работе он не имел грамотных помощников, у него не было самых необходимых приборов, нехватало времени и, главное, денег, так как его научные изыскания никем не финансировались. Его поддерживали только неутолимая страсть к познанию, к поискам нового, и горячее стремление отдать все знания и ум на благо отечества. Он не пропускал ни малейшей возможности и ни одного случая — было ли это пребывание в собственном имении или служебная поездка, чтобы не ознакомиться с природными или хозяйственными достопримечательностями посещаемых мест. Очутившись в первых числах января 1760 года на Вознесенском медеплавильном заводе в Башкирии, Рычков узнает о существовании крупной пещеры, расположенной на правом берегу Белой, в 12 верстах от завода вниз по реке. Несмотря на глубокий снег и отсутствие всяких дорог к пещере, он решил заняться ее изучением. Результаты изучения пещеры были опубликованы Рычковым в том же 1760 году в статье «Описание пещеры, находящейся в Оренбургской губернии при реке Белой, которая из всех пещер, в Башкирии находящихся, за славную и наибольшую почитается». Статья эта, получившая вскоре широкую известность, была напечатана, как и многие другие труды Рыčkова, в журнале «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие».

Пещера, по данным Рыčkова, имеет очень крупные размеры, из нее вытекает речка, впадающая в Белую. Вблизи нее разбросаны провальные ямы (воронки), достигающие 12 сажен в глубину. Несмотря на аильный мороз на открытом воздухе, в пещере было тепло. Обнаружив в пещере следы пребывания человека, Рычков высказывает мнение, что в образовании пещеры, помимо природных сил, принимал участие человек.

«Когда я спрашивал у башкирцов: от кого б сие толь удивительное здание построено? Все мне ответствовали, что то творение божие; руками и силами человеческими того сделать никому не возможно. Но сие башкирское мнение основано на их невежестве; все расположение сие пещеры довольно значит, что она когда-нибудь, и всемерно в самые древнейшие времена, к первобытному и натуральному ее состоянию, ежели не вся, то по большей части, руками человеческими строена, для жительства людского, или паче для убежища, может быть, во время каких ни есть бывших гонений и опасностей»¹. Отводя человеку столь большую роль в создании пещеры, Рычков все же считал, что в основе возникновения как этой пещеры, так и других лежат природные факторы. Пещеры, по его мнению, образуются «от подземного огня и от протоков подземных вод»², человек же в данном случае лишь изменил внешний вид пещеры.

Эта пещера, под именем Каповой, в 1896 году была осмотрена членами Оренбургского отдела Русского Географического общества, которые сопоставили свои наблюдения с описанием пещеры, данным в работе Рыčkова. Участники осмотра сочли нужным печатно отметить факт удивительно точного и правдивого описания пещеры Рычковым³.

Статья Рыčkова представляет большой интерес в том отношении, что она является первой научной работой по карсту России. Правда, упоминание о карсте можно встретить и в более ранних печатных изданиях, но все они носят характер случайных, отрывочных сведений, в то время как у Рыčkова мы имеем дело с крупной статьей, специально посвященной карсту — описанию и выяснению генезиса пещеры, а частично и других карстовых форм рельефа. Если к сказанному добавить еще сведения о других пещерах, собранные Рычковым в его «Топографии», то станет понятным, почему карстоведы отводят Рычкову почетное место в истории своей науки. «С полным правом П. И. Рыčkова можно считать, — пишет М. А. Зубашенко, — первым исследователем карста России, тем

¹ Рычков П. И. Описание пещеры, находящейся в Оренбургской губернии при реке Белой..., Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие, 1760, стр. 215.

² Там же, стр. 219.

³ Изв. Оренбургского отдела Географического общества, вып. 10, 1897, стр. 71.

более, что он не только собрал обширный фактический материал о карсте, но пытался уже дать объяснение наблюдаемым фактам»¹.

Ведя переписку с Академией наук, усиленно работая над различного рода историко-географическими трудами, Рычков одновременно собирал материалы для второй части «Топографии Оренбургской». Это была трудная и кропотливая работа, требовавшая бесчисленного количества справок, выписок, ссылок на источники и т. д. К тому же для составления ее Рычков не видел большого стимула: первая часть «Топографии», одобренная Академией наук еще в 1755 году к изданию, продолжала лежать в рукописи. Несмотря на это, в апреле 1760 года вторая часть «Топографии Оренбургской» была закончена.

Через полтора года в январском номере журнала «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие» печатаются первые главы «Топографии Оренбургской». Вслед за этим, непрерывно в каждом номере журнала главы «Топографии» появляются одна за другой. В ноябрьском номере журнала увидела свет последняя глава важнейшего географического сочинения Рычкова.

¹ Зубашенко М. А. К истории исследования карста Восточно-Европейской равнины, Изв. Воронежского гос. пед. института, т. 10, вып. 2, Воронеж, 1948, стр. 92.

Глава 3. «ТОПОГРАФИЯ ОРЕНБУРГСКАЯ»

«Топография Оренбургская» занимает в научном творчестве Рычкова особое место. Это — капитальный труд, в котором автор подводит итоги своим многолетним наблюдениям над природой, населением и хозяйством огромного края, тогда еще совсем не описанного в литературе.

Новое сочинение Рычкова очень быстро получило признание и самую высокую оценку читателя. «Топография» привлекла к себе всеобщее внимание. Интерес к ней был настолько велик, что уже в 1762 году, после опубликования в журнале, она выходит в Санкт-Петербурге отдельной книгой. Полное название книги гласит: «Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым».

Академик П. С. Паллас, ознакомившись с «Топографией», приступил к переводу ее на немецкий язык, чтобы издать труд Рычкова со своими комментариями в Берлине. Надобность в такой работе скоро отпала. До Палласа дошли сведения, что перевод «Топографии Оренбургской» уже напечатан в издании Бюшинга (1771), а еще год спустя она выходит в новом переводе в городе Риге.

К сожалению, ни в одном из перечисленных изданий ландкарты Оренбургской губернии И. Красильникова не были напечатаны. Они впервые увидели свет в 1880 году, пролежав, таким образом, в академических архивах 125 лет. Изданы карты фотолитографским путем вместе с рукописью первой части «Топографии Оренбургской», заметно отличающейся от печатного варианта. Заслуга издания их принадлежит Оренбургскому отделу Русского Географического общества.

Карты И. Красильникова с большой для того времени точностью передают изображение Оренбургского края и значительной части среднеазиатских земель. На картах нанесены реки, озера, горы и холмы, леса, города и крепости.

Важное историко-географическое значение карт Красильникова несомненно. Особенно интересны данные о былом распределении лесов. Например, на карте Красильникова долины рек Ори и Илека (от нижнего течения до верхнего) показаны лесистыми, в то время как сейчас они безлесны, если не считать долины Илека в нижнем течении.

Существование лесов в этих долинах, а, следовательно, и правдивость ландкарты И. Красильникова находят подтверждение и в других историко-географических материалах.

Рукописные оригиналы ландкарт И. Красильникова сохранились до наших дней. Они, как и некоторые рукописные труды Рычкова, хранятся в архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР.

Вскоре после опубликования карт Красильникова была вновь издана и «Топография» Рычкова. В 1871 году Оренбургский отдел Географического общества вынес решение о переиздании этого труда. Предполагалось, что новое издание «Топографии» будет снабжено подробными комментариями члена Отдела Р. Г. Игнатьева.

Смерть помешала Р.Г. Игнатьеву выполнить эту работу, и в 1887 году Оренбургский отдел Географического общества переиздал «Топографию Оренбургскую» без комментариев, «ибо и в этом виде, — справедливо говорится в предисловии к оренбургскому изданию, — она нисколько не утратила своего ученого достоинства, несмотря на слишком столетнее существование: можно безошибочно утверждать, что ни один исследователь Оренбургского края не может обойтись без того, чтобы не почерпнуть чего-либо из этого замечательного для своего времени труда».

Последнее по времени Переиздание «Топографии» осуществлено в 1949 году¹.

Успех, выпавший на долю «Топографии Оренбургской», не случаен. Он обусловлен как характером темы, так и многими достоинствами самой книги.

«Топография» впервые знакомила мир с природой и хозяйством новой, обширной части Российской империи. В основу ее легли многолетние личные наблюдения автора и наиболее достоверный оригинальный картографический материал — ландкарты И. Красильникова. Подобных работ, помимо опубликованного в 1756 году сочинения С. П. Крашенинникова «Описание Земли Камчатки», русская и мировая географическая наука тогда еще не знала.

«Топография Оренбургская» опубликована на несколько лет раньше академических экспедиций 1768-1774 годов, в результате которых «Академия, — по словам Л. С. Берга, — можно сказать, открыла всему свету новую часть мира — Россию»². Труд Рычкова в значительной мере облегчал, а по некоторым вопросам и делал излишней работу участников академических экспедиций — И. И. Лепехина, П. С. Палласа, И. П. Фалька — в Оренбургском крае. В связи с этим заслуживает внимания следующее признание Палласа, сделанное им в предисловии к первой части «Путешествия по разным провинциям Российской империи» (1809): «Вообще должен я объявить, не хотел тратить времени на описание лежащих ближе к главному Городу [Санкт-Петербургу. — Ф. М.] мест; ибо я был бы принужден повторять по большей части известные вещи. По той же причине и в описании некоторых стран Оренбургской губернии иногда ссылался на достохвальную г. статским советником Рычковым сочиненную Оренбургскую топографию..., а ссылался я наипаче для того, чтобы не описывать внесенные в оную исправные известия».

¹ В сборнике «Оренбургские степи в трудах П. И. Рычкова, Э. А. Эверсмана, С. С. Неуструева» была напечатана в сокращенном виде и «Топография Оренбургская». Поскольку «Топография Оренбургская» в издании 1762 года стала библиографической редкостью, почти недоступной для читателя, мы в дальнейшем большую часть ссылок делаем на «Топографию Оренбургскую» в издании 1949 года.

² Берг Л. С. Очерки по истории русских географических открытий, АН СССР, М. — Л., 1946, стр. 334.

Часть карты геодезиста И. Красильникова.

«Топография Оренбургская» состоит из двух частей. В первой части дана общая характеристика природы, населения и хозяйства Оренбургской губернии, вторая часть представляет своеобразный районный обзор территории по провинциям и дистанциям. У Рычкова был замысел составить третью часть, в которой он намеревался описать страны, лежащие к югу от Оренбургской губернии, а также все достопримечательные места, расположенные внутри губернии. Замысел этот остался неосуществленным. Однако эту идею Рычков не оставлял и много позже, о чем свидетельствует его переписка с академиком Я. Я. Штелиным. Из переписки со Штелиным видно, что Рычков собирался опубликовать под видом третьей части «Топографии Оренбургской» описание «киргиз-кайсацких орд и разных областей, в полуденной Азии находящихся»¹.

Опубликованной в 1762 году «Топографии Оренбургской» не предпослано никакого предисловия. Между тем в рукописи первой части «Топографии», написанной в 1755 году, имелось обширное «Предизвещение» к «Топографии Оренбургской», представляющее большой интерес. В «Предизвещении» Рычков разъяснял практическое значение топографии — географических описаний отдельных стран или губерний, служащих необходимым дополнением ландкарт, рассказывал историю создания ландкарт Оренбургской губернии И. Красильникова и рисовал план обеих частей «Топографии».

Из «Предизвещения» видно, что Рычков, приступая к созданию «Топографии», отчетливо представлял себе все своеобразие и оригинальность будущего сочинения, ясно видел не только его задачи и план, но и метод исследования. Он сознает трудности составления «Топографии» и поэтому оговаривается, что предлагаемое читателю сочинение, как и ландкарты, далеко от совершенства, «тем паче, — добавляет он, — что оно такое, какого прежде здесь не бывало, новое же и первое дело всегда требует дополнений и поправления, чего ради и употреблен в нем нарочно такой план и метод,

¹ Пекарский П. П. О переписке академика Штелина, хранящейся в императорской публичной библиотеке. Записки АН, т. 7, СПб., 1865, стр. 127.

чтобы ведомого здесь и к примечанию достойного ничего не пропустить, с тем намерением и желанием, дабы охотники, особливо же искуснейшие в гистории, собранные ныне рассмотрев, удобнее могли исправить и впредь собирая еще требующиеся к тому известия от времени до времени дополнять и приводить в такое совершенство, какого повсеместное Оренбургской губернии состояние требует»¹.

Этот новый план и метод заключался прежде всего в подразделении «Топографии» на две части — общую и районную, что было новым, необычным для страноведческих сочинений того времени. До некоторой степени новым был также сам сравнительный метод отбора материала — давать в «Топографии» только то, что наиболее существенно и примечательно по сравнению с другими губерниями.

Первая часть «Топографии Оренбургской» открывается небольшой главой «О звании Оренбурга и Оренбургской губернии от чего и когда началось». В ней говорится о происхождении названия города Оренбурга, сначала построенного у устья реки Ор, затем перенесенного вниз по реке к Красногорской крепости, а впоследствии на его современное место у устья Сакмары. Здесь же описывается образование в 1744 году Оренбургской губернии, сформировавшейся на юго-востоке России в результате успешной деятельности Оренбургской экспедиции И. Кирилова.

Вторая глава носит название «О пределах и об окружности Оренбургской губернии и о смежных с ней местах и народах».

Внешние границы Оренбургской губернии на юге и юго-востоке Рычков проводит от Гурьева городка в устье Яика на нижнее течение Эмбы и северную часть Аральского моря у устья Сыр-дарьи, отсюда он ведет границу к реке Сары-су и далее к верхнему течению рек Ишима и Тобола. На западе, севере и северо-востоке с ней граничат Астраханская, Казанская и Сибирская губернии. Большая часть главы посвящена описанию территории и народов Средней Азии и Казахстана за пределами Оренбургской губернии. В числе народов, обитающих в смежных с Оренбургской губернией местах, названы тухменцы, хивинцы, аралыцы, верхние кара-калпаки, киргиз-кайсаки Большой Орды, зюнгоры (джунгары).

Вторая глава по существу представляет краткую географию среднеазиатских земель, на границе с которыми лежала только что образованная Оренбургская губерния. Содержание главы показывает, что в распоряжении Рычкова имелись богатые материалы относительно истории, хозяйства, городов и быта народов, заселявших Среднюю Азию. Уже тогда, в середине XVIII века, русским географам были достаточно хорошо известны особенности природы и хозяйства Средней Азии, чего никак нельзя сказать про ученых Западной Европы, у которых о Средней Азии были самые смутные, превратные представления.

О подробности и ценности сообщаемых в главе сведений можно судить по описанию города Ташкента.

«Ташкент город весьма людной в полуденной стороне от Оренбурга легкой езды дней двадцать, построен по большей части на ровном месте, величиною в длину и ширину версты на четыре. Реки в нем нет никакой, а имеется верстах в десяти от одного называемая Чирчик, впадающая в Сыр-дарью, из которой в город проведены небольшие и неглубокие каналы, коих есть не малое число. Сверх того, поделаны колодцы и пруды. Домов в Ташкенте тысяч шесть или более, все глиняные, и по одному только окошку в хоромене, да и то наверху. Крышки из камыша, которые служат токмо от ветру, а когда дождь случится, то все пробивает. Снаружи оные дома обмазывают глиною, а внутри выделывают известью, наподобие штукатурной работы разными фигурами». Перечислив восемь главных улиц города, Рычков описывает далее базар: «Главный базар по средине города, и называется Игистан, где есть сделанный пруд выложен диким камнем, в длину и поперек по десяти сажен, а поверх земли аршина на два, наполнен водой, и обсажен

¹ Сб. «Оренбургские степи...», стр. 390.

великими тузовыми деревьями. Кроме оного есть и другие малые базары, на которых сделаны малые глиняные лавки, и продают хлопчатую бумагу, пестреди и другие бумажные парчицы»¹.

В третьей главе «О провинциях и дистриктах Оренбургской губернии» сообщается административное деление губернии. Она подразделялась тогда на четыре провинции: Оренбургскую, Уфимскую, Исетскую и Ставропольскую. Кроме того, сама Оренбургская пограничная линия — ее крепости и форпосты — подразделялись на восемь линейных дистанций.

Следующая, четвертая, глава названа «О разности народов внутри Оренбургской губернии находящихся, по древнему и нынешнему их состоянию».

Все народы, населяющие Оренбургскую губернию, подразделены Рычковым на две группы. К первой группе отнесены народы, живущие в Оренбургской губернии с давнего времени: русские, татары, башкиры, киргиз-кайсаки (казахи), кара-калпаки, мордва, черемисы (марийцы), вотяки (удмурты), чуваш. Ко второй группе он причисляет выходцев из Средней и Передней Азии, поселившихся в крае недавно вследствие пожалованной городу Оренбургу привилегии. Это — бухарцы, хивинцы, арабы, персы и др. Много места отведено описанию каждого народа в отдельности, причем здесь можно найти сведения о размещении того или иного народа, его численности, занятиях, обычаях и т. д.

Бесспорно, основной и наиболее ценной для географа главой не только первой части, но и всей «Топографии Оренбургской» следует признать пятую главу — «Сокращенное описание местоположения всей Оренбургской губернии, о поверхностях и внутренних земли». Велик удельный вес этой главы и по объему — свыше $\frac{1}{5}$ всего текста «Топографии». Но дело понятно не в объеме главы, а в ее содержании. Пятая глава представляет образец блестяще составленного очерка природы Оренбургской губернии. В ней широко использованы личные наблюдения автора и со всей полнотой раскрывается присущий Рычкову талант географа-страноведа.

В самом начале главы Рычков останавливается на особенностях географического положения города Оренбурга и Оренбургской губернии в целом. Затем, прежде чем приступить к описанию природы, он ставит и по-своему решает исключительно важный для географа вопрос о принципах отбора, генерализации фактического материала. «Теперь, — говорит он, — следует описать по возможности то, что в упомянутой губернии поверхность и внутренность земли имеет и производит; но поскольку всего того обстоятельное описание требует достаточного знания в физике и в вещах натуральных, и если все то подробно описать, то одно это может составить особую и немалую книгу, то поэтому, оставляя его искусным в физике, *здесь то одно для сведения сообщается, что Оренбургская губерния против прочих имеет особенно знатное и примечания достойное, а что против других мест одинаково, это все для сокращения будет оставлено*» [Подчеркнуто мною. — Ф. М.¹].

Нетрудно видеть, что уже тогда, в середине XVIII века, Рычков правильно подходил к решению вопроса о принципах генерализации фактического материала. Из массы сырого фактического материала он выбирает только главное и характерное, только то, что отличает описываемую территорию от других мест. А именно в этом, «...в умении отобрать главное как раз и заключается настоящее мастерство географического описания»².

Описание природы губернии Рычков начинает с климата, который он справедливо считает одним из важнейших элементов природы. «Из всей поверхности земной, — пишет

¹ Рычков П. И. Топография Оренбургская..., СПб., 1763, стр. 31—32.

² Сб. «Оренбургские степи...», стр. 53.

² Баранский Н. Н. Генерализация в картографии и в географическом текстовом описании. Ученые записки МГУ, вып. 119, География, кн. 2, М., 1946, стр. 180.

Рычков, — выше всего и повсюду распространяется воздух, который, как материя самая тонкая и проницательная, всю нашу атмосферу наполняет и к содержанию жизни нашей и всех тварей за самую нужнейшую вещь почитается... А поскольку при всегдашних переменах его в нас самих и в природе всех вещей разные действия происходят, из которых тепло и стужа, следовательно и дожди, снега, ветры и громы, всем известнее и чувствительнее, поэтому по принятому плану, означив Оренбургской губернии ситуацию, между природных ее обстоятельств, на земной поверхности имеющих, во-первых, воздух с вышеупомянутыми его переменами по состоянию той губернии просто и кратко описать не неприлично»³.

При характеристике климата Рычков сумел удивительно верно установить многие его главные особенности.

Относительно «тепла и стужи» им замечено, что летом наблюдается сильная жара, но температуры не отличаются устойчивостью и часто имеют место резкие похолодания. Приводится интересный факт очень раннего наступления зимы в 1735 году, когда уже в конце августа (ст. стиль) в районе Орска (тогда Оренбурга) наступили морозы, а с 7 сентября «великий снег пошел и зима началась»⁴.

Правильно намечена Рычковым география атмосферных осадков: хорошая увлажненность северо-западных районов Предуралья и бедность ими Зауралья и юго востока. «Что до дождей надлежит, — сообщает Рычков, — то по северо-западную сторону Уральских гор везде их не оскудевает, и как там почти во всех местах земли тучные и хлебородные, потому из всяких жит родится там с избытком... По другую же сторону Уральских гор, а особенно близ Оренбурга и около линейных крепостей¹, дождливые дни хотя и случаются, но изредка, а больше бывают дни теплые и сухие, отчего всякий хлеб родится против внутренних и по эту сторону Урала лежащих мест гораздо хуже...»². Ценный материал приводится также о снежном покрове, его большой глубине на севере, около Уральских гор, и уменьшении глубины в юго-восточном направлении.

Таким образом, главная черта климата Оренбургских степей — резкая континентальность — была в достаточной мере показана Рычковым. Не забыл он отметить и другую важную особенность климата Оренбургского края — сильные ветры, переходящие зимой в бураны страшной силы.

«Ветры по рассуждению физиков признаются за такой воздух, который происходящими из земли и из воды парами будучи приведен в движение, наподобие реки течет, или волнуется; а так как в Оренбургских местах, для многих гор и минералов как из земли, так и из воды происходят многие пары и воскурения, от которых воздух, лишаясь своего равновесия, производит частые ветры, то по состоянию тамошних безлесных и степных мест нередко так сильно случаются, что едва на ногах можно устоять, и не по одни сутки продолжаются; особенно же зимой, в декабре и январе месяцах, бури, по тамошнему названию бураны, бывают со снегом и при самом жестоком морозе, что от того многие люди замерзают и пропадают, которые тем более опаснее, что иногда при весьма тихой и умеренной погоде в один час такая туча, или буран, наступит, и такой шторм причинит, что при сильном снеге сверху и лежащий на земле несет, и тем весь воздух столько сгустит, что в трех саженьях ничего видеть невозможно»¹.

Последняя цитата характеризует своеобразный метод изложения материала, принятый Рычковым во всей «Топографии». Рычков не просто описывает тот или иной процесс или явление, он не ограничивается одной констатацией того или иного факта, но

³ Сб. «Оренбургские степи...», стр. 53.

⁴ Там же, стр. 54.

¹ К Уральским горам в данном случае причисляется Рычковым и Общий Сырт.

² Сб. «Оренбургские степи...», стр. 54—55.

¹ Сб. «Оренбургские степи...», стр. 55.

дает ему тут же материалистическое объяснение, вскрывает его генезис. Его интересуют причины сильных и частых ветров в Оренбургских степях, и он находит им разгадку не в таинственных силах, а в особенностях подстилающей поверхности — вывод, с которым не могут не согласиться и современные климатологи.

Обращает на себя внимание и другая важная особенность в изложении материала. Природа, в том числе и такие ее элементы, как климат, рассматривается Рычковым в неразрывной связи с хозяйственной деятельностью человека. Эта вторая особенность становится особенно заметной при описании озер, рек, полезных ископаемых.

За климатом следует описание морей — Каспийского и Аральского, «знатнейших» озер и рек. Сообщаемые здесь сведения о Каспийском и Аральском морях приобретают тем большую ценность, что природа их тогда еще во многом оставалась неясной, а порой казалась и совершенно загадочной.

Описывая Каспийское море, Рычков указывает на колебания его уровня. Сведения Рычкова о том, что в 1715 году наблюдался наинизший уровень Каспия, после чего вода в нем стала прибывать², находят подтверждение у современных исследователей этого вопроса. «Притом же, — добавляет Рычков про Каспийское море, — если не обманываются обыватели (которые не имея никакой науки, легко погрешить могут), при высокой воде в море стужа, а при низкой жары около него умножаются». О похолодании климата в годы высокого уровня воды в море передавали позже Палласу жители города Гурьева. По этому поводу Г. И. Танфильев справедливо замечает, что «жители, очевидно, видели в понижении и в повышении морского уровня не следствие, а причину холодов и жары»³.

Некоторые соображения Рычкова о Каспийском и Аральском морях ошибочны. Таковы его высказывания относительно подземной связи залива Кара-Богаз-гол с Северным или Восточным морями, Аральского моря с Каспийским, или ссылка на рассказы местных жителей о существовании посредине Аральского моря горла, или пучины, «куда в близость никакому судну не можно подходить, ибо, втянув в себя, затопляет».

Но таких высказываний, во-первых, немного, и, во-вторых, они обусловлены общим уровнем науки того времени. В частности, гипотеза о подземном сообщении Аральского моря с Каспийским, как и залива Кара-Богаз-гол с Северным или Восточным морями, заимствована им у В. Н. Татищева. Последний в 1749 году, в «Напомнении на присланное описание народов, что в описании географическом наблюдать нужно», писал Рычкову: «Арал морце еще недостаточно описано, а знание его весьма нужно, особливо как из Каспийского, так из оною видимых протоков нет, однакож в описании Соймонова Каспийского моря на восточной стороне в залив Карабугас сильное течение, великое и непрестанное, следственно оно не инуда, как в Северное или Восточное под землю. Потому потребно наведываться о Аральском, не имеет ли где такого знака на западной стороне или между островами»¹.

Что касается Каспийского моря, то при описании его Рычков использовал «Лексикон» Татищева. Это видно из его слов: «А вышеозначенное Каспийского моря описание сочинено часто упоминаемым господином тайным советником Татищевым и находится в историческом и географическом его лексиконе»². Татищев закончил рукопись «Лексикона» (с буквы А до «Ключник») в 1745 году, но напечатан он был впервые только в 1793 году под таким названием: «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской, сочиненной господином тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым». Следовательно,

² Там же, стр. 57.

³ Танфильев Г. И. Моря, М. — Л., 1931, стр. 9.

¹ Татищев В. Н. Избранные труды по географии России, М., 1950, стр. 232.

² Сб. «Оренбургские степи...», стр. 57.

«Лексикон» Татищева был знаком Рычкову по рукописи.

Следует отметить, что вообще при составлении «Топографии Оренбургской» Рычков широко использовал рукописи Татищева и среди них особенно «Введение к историческому и географическому описанию Великороссийской империи». Описания некоторых озер и урочищ, например Индерского озера и Рын-песков, приводимые Рычковым¹, совпадают с описаниями Татищева². Правда, не исключена и другая возможность, а именно: Татищев и Рычков при характеристике ряда урочищ Оренбургской губернии пользовались одними и теми же не дошедшими до нас материалами, например донесениями геодезистов. Это тем более вероятно, что в бытность свою начальником Оренбургской экспедиции Татищев имел неограниченный доступ к подобного рода материалам и, невидимому, уже тогда приступил к работе над «Введением к историческому и географическому описанию Великороссийской империи», которое было закончено не позже 1744 года³.

Переходя к описанию озер и других элементов природы, Рычков останавливается на принципах отбора, генерализации фактического материала. Он напоминает читателям, что «для сокращения объявляется здесь только то, что за знатнейшее почитается, и в рассуждении всех губерний подлежит особому примечанию; прочие же обстоятельства предоставляются во вторую часть, где они в провинциальных разделах по уездам и местам своим могут быть описаны»⁴.

В тексте много частных замечаний, имеющих большой историко-географический интерес. Например, заслуживают внимания данные о размерах Наурзым-Карагайского бора — этого примечательного острова северных хвойных лесов, зеленеющего на юге ковыльных степей Казахстана. По словам Рыčkова, бор тянется «в длину верст на двадцать, а в ширину верст на десять». За последние два столетия размеры бора мало изменились: бор и в настоящее время имеет в длину 24 км, в ширину — от 3 до 10 километров⁵.

Озера подразделены Рычковым на две группы: озера киргизские и знатные озера в Башкирии. Помимо местоположения и размеров, приводятся данные о качестве воды, растительности и хозяйственном использовании (разработка соли) озер.

Из рек отмечены главнейшие: Волга, Кама, Яик, Эмба, Сыр-дарья, Сары-су, Ишим, Тобол, Самара и др. Для большинства из них показаны истоки и устье, характер течения, состав растительности по берегам, важнейшие промысловые рыбы и др.

На примере рек видно, насколько полными и разносторонними сведениями о природе тогда еще таинственной Средней Азии располагал Рычков. Вот, например, описание одной из величайших рек Средней Азии — Сыр-дарьи:

«Сыр-дарья, вершины ее взялись из-под Зюнгурского [Джунгарского. — Ф. М.] владения, где сначала живет по ней ходжайтский народ, за которым верхние каракалпаки, но к устью, которым она впадает в Аральское море, находятся при ней нижние каракалпаки, считающиеся между российскими подданными; а нередко и киргиз-кайсаки Меньшей Орды по ней располагаются. Этого ради, как и по вышеизображенной Оренбургской губернии окружности, ко внесению здесь она приличествует. Имя ее Сыр, значит красный цвет, или краску. Течение ее, сказывают, быстрое, шириной и глубиной почитается против Яика, берега у нее низкие и песчаные, и по обеим сторонам находятся солонцы и великие камыши; по ней же есть и острова. Лес к устью находится изредка тальник, а к вершинам, с одной стороны, ветла, осокорь, тополь, джадовник, яблоня,

¹ Сб. «Оренбургские степи...», стр. 61, 76.

² Татищев В. Н. Избранные труды по географии России, М., 1950, стр. 150-151.

³ Там же, стр. 195.

⁴ Сб. «Оренбургские степи...», стр. 59—60.

⁵ Михеев А. В. Наурзумский заповедник. Сб. «Заповедники СССР», т. 2, М., 1951, стр. 284.

черемуха, крушина, жимолость, тал; а с другой, то есть с левой, саксеул. Бродов по ней нет, а переправляются на судах, которые тамошние жители делают наподобие барок. Рыбы в ней, осетров, белуг, стерлядей и других родов весьма довольно»¹.

Трудно что-нибудь выбросить из этой живой и полной характеристики Сыр-дарьи. Она кажется тем более замечательной, что и тогда, в начале 60-х годов XVIII века, имела хождение географическая литература типа упоминавшейся ранее географии Гюбнера. Сравнивая географию Гюбнера с топографией Рычкова, можно подумать, что отделяют их не десятки лет, а целые столетия. Добавим, что описания рек, ближе знакомых Рычкову, например Яика, Самары и др., Сделаны еще точнее и разностороннее.

Раздел «О горах» начинается с описания Уральского хребта. По М. С. Боднарскому, Рычков в «Топографии Оренбургской губернии» впервые в литературе название Урала относит ко всей горной системе, вытянутой от берегов Ледовитого океана до реки Яика и южнее¹. Замечание Боднарского не совсем точно. Такая же широкая трактовка Урала встречается у Рычкова в «Истории Оренбургской», опубликованной в 1759 году, на три года раньше «Топографии». Но еще раньше в этом же смысле понимал наименование Урал Татищев, с трудами которого был хорошо знаком Рычков.

В Оренбургской губернии Уральские горы, согласно Рычкову, разделяются на три части.

«Первая лежит на вершине Белой и Яика рек и через всю Башкирию, между рек Яика и Самары, где от русских Общей Сырт слывет, и разделяясь снова надвое, одна часть продолжается до Волги, а другая от вершин речек Салмыша и Каргалы, впадающих в Сакмару, идет через Башкирь же на Казань, между рек Белой и Самары на Заянские и Кичуйские вершины»².

Вторая часть от вершин Яика идет на юг, через водораздел рек Ори и Эмбы, к Каспийскому морю.

Третья часть — «наибольшее тех гор отделение» — направляется на восток, к Алтайским горам.

Трудно ожидать, чтобы в работе середины XVIII века не было фактических погрешностей. И они есть. Например, в одном месте Рычков утверждает, что на вершинах Иремель и Яман-тау встречаются вечные снега, в другом он говорит, что в Эремейских горах, лежащих в истоках реки Ишима, есть такие высокие вершины, каких нет и в Уральских горах, и т. д. Однако таких погрешностей у Рычкова встречается немного.

Рычков лучше чем кто-либо до него и многие десятки лет после него представлял рельеф Оренбургского края. Южный Урал, Мугоджары, Казахская складчатая страна, Общей Сырт (в тексте иногда он называется Уральским сыртом) и даже Бугульминско-Белебеевская возвышенность — все они, часто под другими наименованиями, нашли правдивое отображение на страницах «Топографии».

Ценность и значение этого раздела возрастают благодаря встречающимся в нем дополнительным сведениям о растительности, животном мире и полезных ископаемых гор. Иногда описания гор принимают характер комплексных географических характеристик отдельных мест. Интересны указания на значительную облесенность Казахской складчатой страны (Эремейские, Кучкинские и другие горы), причем Рычков несколько раз подчеркивает отсутствие в Казахской складчатой стране широколиственных пород — дуба и липы. Так, про Эремейские горы у него сказано: «По этим горам находится сосновый, березовый и прочий лес, кроме дуба и липы»¹. Про Кучкинские горы, расположенные на водоразделе Иртыша и Ишима, говорится: «Они

¹ Сб. «Оренбургские степи...», стр. 64—65.

¹ Боднарский М. С. Очерки по истории русского землеведения, т. 1, АН СССР, 1947, стр. 235.

² Сб. «Оренбургские степи...», стр. 68.

¹ Сб. «Оренбургские степи...», стр. 69.

хотя не столь высоки, как Эремейские, но лесов всяких (кроме дуба и липы) на них весьма довольно»². В настоящее время дуб на восток не доходит до меридионального отрезка долины верхнего Урала выше города Орска. Основываясь на «Топографии» Рычкова, можно со всей определенностью говорить, что современная восточная граница дуба является границей климатической, чего нельзя сказать о южной границе этой породы, встречавшейся в недавнем прошлом южнее долины Урала.

Из отдельных форм рельефа специально описанию подверглись одни пещеры. Названы преимущественно пещеры Южного Урала — Уфимской и Исетской провинций, что и понятно, так как именно в этом районе наблюдается наибольшее развитие карстовых процессов.

Много места Рычков отводит полезным ископаемым губернии. Песчаники, известняки, мел, алебастр, гипс, «слюда»³, пески, глины, каменная илецкая соль, сера, нефть, минеральные краски, медные и железные руды, — таков неполный перечень полезных ископаемых, описанных в «Топографии». Про каждый вид минерального сырья сообщается: местонахождение, приблизительная оценка запасов, хозяйственное использование.

Раздел о полезных ископаемых служит наглядной иллюстрацией того, как быстро, за очень короткий срок русскими был собран богатый материал о недрах Оренбургского края. Рычков, составляя «Топографию Оренбургскую», хорошо знал, чем богат Оренбургский край.

Интересны высказывания Рычкова о золоте, относительно распространения и запасов которого на территории России тогда еще почти ничего не знали. Известно, что колыбелью русской золотопромышленности является Урал. Однако и на Урале золото было открыто сравнительно поздно. Первая находка жильного золота была сделана около Екатеринбурга в 1745 году. Золотые же россыпи на Урале были открыты еще позже — только в 1814 году. И хотя золота в Оренбургской губернии долгое время не находили, заявки на него, при проверке не подтверждавшиеся, непрерывно поступали с мест. Рычков с присущей ему прозорливостью высказывает предположение о возможности нахождения золота в Оренбургской губернии и в то же время предостерегает от излишней доверчивости к поступающим непроверенным заявлениям о находке золота. «Золота и серебра, — говорит он, — во всей Оренбургской губернии поныне еще не изобретено, а хотя с самого Оренбургской губернии начала по делам и значится, что разные люди и из разных мест под именем золотой и серебряной руды камни объявили, но по пробам ничего в них, кроме горючей серы, не являлось; разве окажется, что-либо впредь, а особенно когда вышеописанные в киргиз-кайсацких ордах находящиеся горы... знающими людьми будут осмотрены. Ибо хотя и сказывают, якобы в них золотые и серебряные руды находятся, но без осмотра и свидетельства увериться в том невозможно»¹.

Очень богат оказался Оренбургский край медью и железом. «Медных руд в Башкирии, в Уральских горах и по обеим сторонам их, также и в других разных местах, находится множество». С 30-х годов XVIII века, т. е. с приезда на Южный Урал Оренбургской экспедиции, началось строительство медеплавильных заводов. К концу 50-х годов XVIII века количество их в губернии достигло 18, включая несколько недостроенных заводов.

Южный Урал — Уфимская и Исетская провинции Оренбургской губернии — на глазах Рычкова менял свое лицо, превращаясь вместе со Средним Уралом в крупный металлургический центр мирового значения. В глухой непролазной тайге задымили Каслинский, Кыштымский, Златоустовский и многие другие чугуноплавильные и железоделательные заводы. Общее число их в Оренбургской губернии достигало 13, в то

² Там же, стр. 70.

³ «Слюдой» Рычков называет кристаллический гипс.

¹ Сб. «Оренбургские степи...», стр. 84.

время как по всей России в 1766—1777 годах железоделательных заводов насчитывалось 120 (из них 76 было на Урале)¹.

Отметив богатство края железными рудами, встречающимися «как по ту, так и по эту сторону Уральских гор», Рычков тут же и совершенно правильно называет самое богатое железорудное месторождение: «но из всех тех самая лучшая [железная руда. — Ф. М.] есть в Магнитной горе, на той стороне реки Яика, близ Магнитной крепости»².

В дореволюционной России остались неиспользованными многие сокровища недр Урала и среди них — замечательное Магнитогорское месторождение. Советский народ построил на базе этого месторождения гигантский Магнитогорский металлургический комбинат.

Много места отвел Рычков описанию илецкой каменной соли, тогда еще совсем не изученной. Рычков был очень высокого мнения о качестве илецкой соли. «Что до ее доброты принадлежит, то чистотой и твердостью едва ли сыщется где подобная ей, ибо истолченная бывает она так бела, что по виду от чистого толченого сахару распознать ее не можно»³.

В оценке илецкой соли мнение Рычкова совпадало с высказываниями Ломоносова. К сожалению, Рычкову осталась неизвестной большая работа, проделанная в 1745 году Ломоносовым по изучению химических и физических свойств илецкой и других солей из Оренбургского края. В противном случае он не преминул бы сослаться на авторитет Ломоносова, считавшего илецкую соль лучшей в мире.

Хорошее представление имел Рычков также о нефтеносности Оренбургского края. Впервые в научной литературе, почти на десять лет раньше участников академических экспедиций, в частности академика И. И. Лепехина, он отмечает присутствие нефти в Среднем Поволжье. По сообщению Рычкова, «Нефтяные ключи около упомянутого же Сергиевска в разных местах имеются, где и нефтяные заводы раньше бывали. По определению государственной Берг-коллегии, июня 16 дня 1754 года, на прошение татарского старшины Надыра Уразметева, дан ему, Надыру, с сыном его Юсупом, указ около закамской же линии, на речке Карамале, завод завести, для которого они поблизости четыре нефтяных ключа сыскали, и ту материю той Коллегии на пробу объявили, которая, по учиненному в той Коллегии опыту, явилась действительна»¹.

Следовательно, о наличии нефти на территории Заволжья знали со времен Рычкова и раньше. Но долгое время считалось, несмотря на известные в ряде мест проявления нефтеносности, что территория между средней Волгой и Уралом не содержит и не может содержать крупных промышленных запасов нефти. И лишь советским геологам удалось доказать наличие огромных запасов нефти, скрытых не в верхних, молодых, а в очень глубоких и древних, включая девон, горизонтах земной коры. Ныне уже освоен крупнейший нефтеносный район, простирающийся от средней Волги до Урала. Бугуруслан, Туймазы, Сызрань, Жигули и др. — это новые центры нефтедобычи, входящие в район «Второго Баку».

Рычков знал о существовании нефти не только в Среднем Поволжье, но и в бассейне реки Эмбы. «На Заяицкой же степи, от Оренбурга в полуденную сторону верховой езды дней двенадцать, в вершинах речки Сагыз (которая впадает в реку Эмбу), на степи, в полуверсте от той речки, сказывают, есть нефтяное место, которое по-тамошнему смоляным называют, в длину сажень на полтора, а в ширину до ста сажень. Эта материя завсегда поднимается, опускается и расплывается, так, как бы кипела, но не горяча; и если верблюд, или лошадь, зайдет в это место, то так увязнет, что и вытащить не

¹ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР т 1 изд. 2-е, 1960, стр. 450.

² Сб. «Оренбургские степи...», стр. 85.

³ Там же, стр. 81.

¹ Сб. «Оренбургские степи...», стр. 83.

можно. Такой тяжелый тут дух, что никакая птица этого места перелететь не может»².

Раздел о полезных ископаемых местами принимает характер геологического очерка, в особенности там, где Рычков говорит «о камнях», «о песках», «о глинах». Рядом с песками, встречающимися в обнажениях, он описывает и «степные пески», как Рын-пески, Большие и Малые Барсуки, Приаральские Кара-кумы и т. д. И здесь опять нельзя не отметить замечательную способность Рычкова выделять главное и характерное, его умение оттенять те черты природы, которые имеют хозяйственное значение. Например, про Рын-пески он не забывает упомянуть, что пески представляют «наилучшее и славное кочеванье», что они, в противоположность глинистым солончакам, богаты пресной грунтовой водой, которая, вдобавок, лежит вблизи поверхности¹.

В известной мере Рычкова можно назвать также и археологом. В пятой главе у него выделен особый раздел: «Развалины старинных городов и строений». В нем Рычков перечисляет развалины городов — следы различных народов, заселявших территорию Оренбургской губернии в далеком прошлом.

В заключительном разделе пятой главы в алфавитном порядке описаны представители животного мира. Последний во времена Рычкова был богат и разнообразен. В Оренбургском крае встречалось тогда много таких животных, которые в настоящее время очень редки или даже полностью истреблены. Многие виды в XVIII веке имели или другое распространение, чем сейчас, или несколько отличную от современной экологию.

В степях огромными стадами паслись антилопы-сайгаки. На севере, в лесостепной части края (Башкирия) сайгаки встречались редко, главной областью распространения их оставались степи в районе Яика и южнее. В ряде случаев, повидимому, проводились удачные опыты по приручению сайгаков. «Молодые ягнята в домах легко привыкают, и так ручными делаются, что и выращенный не уходит, хотя бы и на степь был выпущен»². Сайгаки скоро подверглись беспощадному истреблению, а в настоящее время они известны только в малонаселенных полупустынных районах.

Не менее характерны были для Оренбургских степей дикие лошади — тарпаны. «Тарпаны ростом против средней лошади, только круглее, шерстью саврасые и голубые, а хотя и другими шерстями бывают, но редко. От киргизских лошадей отменны они головами, потому что головы у них больше, и на лбу имеют западины. Киргиз-кайсаки, собираясь человек по двадцати о-дву-конь, их ловят и привязывают к своим лошадям за шеи арканами, и так привязанных держат по месяцу и более и, тем приобыча их, употребляют к езде, как и своих лошадей»¹.

Тарпанов ждала еще более печальная участь, чем сайгаков. Уже с середины XIX века тарпаны, по Э. А. Эверсманну, на пространстве между Волгой и Уралом встречались только в зоне полупустынь и пустынь. Позже тарпаны были истреблены и там, и мы можем сейчас судить о них только по дошедшим до нас литературным описаниям этих животных.

Куланы (дикие ослы) известны были преимущественно на Заяицкой степи, в бассейне реки Сары-су и Эмбы. «Ростом они выше тарпанов, поджарые, уши имеют длинные стоячие, но хвосты короче, нежели у обыкновенных, гривы небольшие, шерсть на них густая и немалая, схожа с мышьяей, ходят великими табунами, так что по тысяче и больше случается. Киргизцы, стреляя их, употребляют себе в пищу»².

В настоящее время куланов нет ни в бассейне Эмбы, ни в бассейне Сары-су. Небольшие косяки их сохранились на юго-востоке Туркменской ССР.

Дикие свиньи, или кабаны, к северу от Яика и в Башкирии встречались редко,

² Там же, стр. 83.

¹ Сб. «Оренбургские степи...», стр. 76.

² Там же, стр. 91.

¹ Сб. «Оренбургские степи...», стр. 91.

² Там же.

больше их было к югу от Яика, по реке Илек и степным озерам, заросшим камышом. Иногда случалось, что убитых кабанов привозили в Оренбург для продажи. «Из них так велики бывают, что в одной туше от пятнадцати до двадцати пудов мяса случается. Вепри, или борова, имеют обыкновенно клыки, то есть зубья кривые, которые изо рта наружу вырастают, подобием серпа, вершка на три, а у больших и на четверть, и так остры, что они ими деревья в оглоблю и толще одним разом пересекают»³.

Во второй половине XIX века кабаны в бассейне Среднего Урала перестали встречаться и до недавнего времени наблюдались лишь случайные забеги их в этот район. Имеются сведения, что в последние годы кабан вновь появился в нескольких местах Чкаловской области.

Обыкновенным животным во времена Рычкова считался бобр. «Бобр есть такое животное, которое живет на сухом пути и в воде, видом несколько похож на свинью, только имеет шерсть остистую, и вместо хвоста лопатку с чешуею. Гнездо обыкновенно делают они в берегу, так чтобы всегда сквозь воду в него проходить; а ежели вода обмелеет, то деревьями и хворостом подпруживают воду, чтобы вход в нору всегда был под водою»¹. Бобры водились по башкирским рекам, где их ловили капканами.

Выхухоль была редким зверем уже в середине XVIII века. В Оренбургской губернии она чаще всего встречалась на западе, в бассейне Волги.

Рычковым было хорошо изучено это животное, тогда почти неизвестное в науке. «Выхухоль, зверок водяной, видом и величиною с большую мышь, хвост имеет подобен бобровому, с шелухою, треугольный. Кожа его для одного духу употребляется, и предполагают, якобы от нее моль не вредит платью». В 1759 году, когда в Академии наук заинтересовались выхухолью, то за чучелом и описанием ее было решено обратиться к Рычкову.

Рычков не кладет резкой грани между дикими и домашними животными. В разделе «О скотах и зверях» он рядом с архаром описывает породы домашних овец, а после тарпанов очень подробно рассказывает о домашних лошадях. Такое объединение диких и домашних животных, какое мы встречаем у Рычкова, едва ли целесообразно. Описание домашних животных должно быть выделено в особый раздел или главу и следовать после обзора всей дикой — естественной — фауны.

Переходя к насекомым, Рычков прежде всего останавливается на пчелах, приносящих человеку большую пользу. Пчеловодством занималось русское и башкирское население. В Башкирии преобладали дикие, бортевые, пчелы, «к чему содержатели их выдалбливают наподобие ульев сосны, дубы, липы и другие толстые деревья, отчего тем деревьям никакого вреда не делается, и к тому времени, как роятся пчелы, вычищают, а к зиме их закрывают, чтобы мокрота и снег не вредили. Башкирцы, у которых лесные места, от этих бортовых пчел получают себе великий доход, и в размножении их так искусны, что много таких, из которых у одного по несколько тысяч бортовых деревьев имеется, и потому почти целые бортовые леса у них находятся, и на одном дереве бывает по две, а иногда и по три борты с пчелами»¹.

Среди насекомых и «гадин» Рычкову были известны многие типичные обитатели среднеазиатских пустынь. Описывает он их со слов казахов и русских толмачей (переводчиков), побывавших в Средней Азии. Несмотря на это, он сумел из этих рассказов составить такие точные характеристики, что по ним без труда удастся определить, каких животных имел в виду Рычков. «По сказкам толмача Арапова, — сообщает Рычков, — около Туркестана, где киргизцы Средней Орды нередко кочуют, есть гадина наподобие паука, величиной немного меньше грецкого ореха, цветом черная и мохнатая, живет в норе, над которой делает она тенета, и выходит из норы больше по

³ Там же, стр. 90.

¹ Сб. «Оренбургские степи...», стр. 88.

¹ Сб. «Оренбургские степи...», стр. 94.

ночам, а днем редко. Когда она укусит человека или скотину, тогда выпускает из себя яд белый, как молоко, от чего человек и скотина, распухнув, дрожит и умирает; только овец вредить не может»².

Под гадиной наподобие паука Рычков довольно точно описывает каракурта (*Lathroectus tredecimguttatus* Ross) — ядовитого паука, распространенного в Средней Азии и Казахстане. Укусы каракурта, действительно, являются смертельными для крупного рогатого скота и безвредными для овец.

Запоминаются слова о змее ок-джилян. «Про них говорят, якобы они, как стрела бросаясь на человека, насквозь его пробивают; почему и называются они ок-джилян, то есть стреляные». Под змеей ок-джилян Рычков подразумевает стрелу-змею (*Taphrometiopan lineolatum*). Обращает внимание живучесть и широкое распространение легенды, приводимой Рычковым о стреле-змее. В наше время ее почти в тех же самых выражениях приводит Д. Н. Кашкаров. «В Закаспийской области, — читаем мы у Кашкарова, — туркмены рассказывают, будто ок-илан (стрела-змея) внезапно убивает людей, лошадей, верблюдов, мулов, одним прыжком пронзая им сердце»³. Что послужило основанием для возникновения этой странной легенды о стреле-змее, — сказать трудно. Во всяком случае стрела-змея для человека и крупных животных не ядовита и не представляет какой-либо опасности.

В одном только случае рассказы очевидцев вводят в заблуждение Рычкова. Со слов казахов он сообщает о существовании около реки Сыр-дарьи таких змей, которые будто бы имеют с обоих концов по голове. При той полной неосведомленности о фауне Средней Азии, которая наблюдалась в середине XVIII века, приходится удивляться не фантастичности рассказа о двуглавой змее, а тому, что этот рассказ составляет единственное исключение из всего правдивого очерка о животном мире.

Богатым и разнообразным изображает Рычков птичье население Оренбургского края. Дикie гуси к осени размножались в таком количестве, что становились опасными вредителями хлебных посевов, повсюду на озерах гнездились лебеди, на крупных реках встречалась птица баба.

Птица баба — хороший рыболов, причем ловит рыбу она «удивительным образом, а именно: собравшись их несколько около песчаного места, плывут к берегу рядом, а когда в близость берега приплывут, то сплывают свои крылья, и, запуская их вглубь, делают полуциркуль, и таким образом, как бреднем, сгоняют рыбу в место; пригнав же ее к берегу, нападают на нее все и пожирают»¹.

Птица баба, описанная Рычковым, — это розовый и кудрявый пеликан (*Pelecanus onocrotalus* L., *P. crispus* Bruch.), гнездящийся сейчас по берегам Каспийского моря. Кудрявый пеликан изредка встречается в низовьях Илека. Как видно из других мест «Топографии», пеликан в середине XVIII века был обычной птицей в бассейне Среднего Урала и на озерах Западной Сибири, т. е. там, где он ныне совершенно неизвестен.

В реках и озерных водоемах Оренбургской губернии водилось много ценной промысловой рыбы. Состав ее за последние два столетия изменился мало. Как и сейчас, редко встречалась белорыбица, белуга поднималась по Яику только до Оренбурга, да и то в немногих случаях, сравнительно обыкновенным видом в районе Оренбурга был шип.

Большое хозяйственное значение имел белужий и осетровый промысел у яицких казаков. Массовый лов белуги и осетра производился только в нижнем течении Яика, ниже Яицкого казачьего городка (Уральска). К белужьему промыслу допускались исключительно одни казаки, для которых этот вид промысла представлял своеобразную плату за службу. Лов белуги проводился в зимнее и летнее время: зимой — багрение с помощью багров, летом — плавление, для которого применялись неводы.

² Там же, стр. 95.

³ Кашкаров Д. Н. Животные Туркестана, изд. 2-е, Ташкент 1931, стр. 84.

¹ Сб. «Оренбургские степи...», стр. 95—96.

Для багрения у яицких казаков были выработаны особые правила, соблюдение которых было обязательно для всех. До назначенного к багрению дня лов рыбы запрещался, а за местами скопления рыбы — глубокими плесами и ямами — устраивался строгий надзор. «Когда же к багренью назначенный день придет (что обыкновенно бывает у них после Рождества Христова), то все яицкие действительно служащие и жалованные казаки (ибо отставных и неслужащих действительно к багренью не допускают.) собираются к войсковой канцелярии на лошадях, запряженных в сани; и когда дается сигнал выстрелом из пушки, то каждый из всей мочи поскачет на то место, где багренью быть, и прискакав, пробив прорубь, багрят, и сколько кто пожелает, столько прорубей пробивает; только бы всяк про себя в одной проруби багрил, не употребляя к тому работников. К сему багренью употребляется у них острый крюк, который посажен на длинном шесте, и прикреплен к вершине, то есть к тонкому концу шеста, а толстый конец остается всегда в руках у ловца; и так ловец, запустив его в воду, подобно как уду, во все стороны обращает. А так как стадо рыб на той ямине от многих прорубей и ловцов бывает тогда потревожено и, плывя вниз по течению воды, вся рыба ходит врознь, то осетры и белуги на те крюки попадают; и так их ловцы теми баграми вытаскивают на берег и многие тут же на месте приезжающим из Великороссийских городов купцам, а другие, отвозя в городок, продают»¹. При удачном багрении на одного казака приходилось до 20 и 30 рублей, что составляло тогда значительную сумму.

Заключает первую часть глава «О внутренних и внешних обстоятельствах комерции прежней, нынешней и впредь быть могущей». Целесообразность постановки этой главы в качестве заключения к первой части не вызывает сомнений. Соображения и выводы автора о «комерции» — торговле и промыслах — основываются на богатом фактическом материале предыдущих глав.

«Комерция», по Рычкову, играет большую роль в жизни государства. В то же время он признает, что «от благосостояния государств происходит и благосостояние комерции». В нашествии татар он справедливо видит причину упадка торговли и промыслов на территории Оренбургской губернии, в частности у волжских болгар. Хозяйственное освоение края русскими послужило причиной нового оживления и подъема промыслов и торговли.

Организация Оренбургской экспедиции и строительство города Оренбурга коренным образом изменили состояние торговли и промыслов на юго-востоке России. Русские купцы получили возможность наладить прямые сношения со среднеазиатскими народами. Городу Оренбургу при его основании были пожалованы необычайные для того времени привилегии: право свободного поселения и ухода для всех иностранцев и русских, кроме беглых, отсутствие ограничений в религии, снятие пошлин на первые годы существования города, а затем взимание их в уменьшенном, по сравнению с другими городами, размере и многие другие.

О росте торговли в городе Оренбурге можно судить по размеру казенных доходов, которые составляли: в 1738 году — 1 375 руб. 64 коп., в 1745 — 10 719 руб. 13,5 коп., в 1751 — 106 569 руб. 2,25 коп., в 1754 — 65 912 руб. 54,5 коп.¹

Среди товаров, доставлявшихся в Оренбург бухарскими, кашгарскими, ташкентскими и хивинскими купцами, преобладали: золото и серебро, бумажные и полущелковые парчицы, занавесы и полотна, «известные бухарские серенькие и черные овчинки» (каракуль), камень ляпис-лазурь. Некоторые из перечисленных товаров имели своей родиной далекую Индию.

Больших размеров достиг «киргизский торг». Ежегодно русские купцы в Оренбурге и Троицкой крепости выменивали у «киргизцев» от десяти до пятнадцати тысяч лошадей, от сорока до пятидесяти тысяч и более баранов и овец, большое

¹ Сб. «Оренбургские степи...», стр. 97—98.

¹ Сб. «Оренбургские степи...», стр. 104.

количество овчины с молодых ягнят, шерсти верблюжьей, волчьих и лисьих шкур.

Русские купцы сбывали в обмен сукна, краски, олово, котлы медные и чугунные, меха (бобры, выдры, лисицы чернобурые), бархат, иглы, наперстки и др.

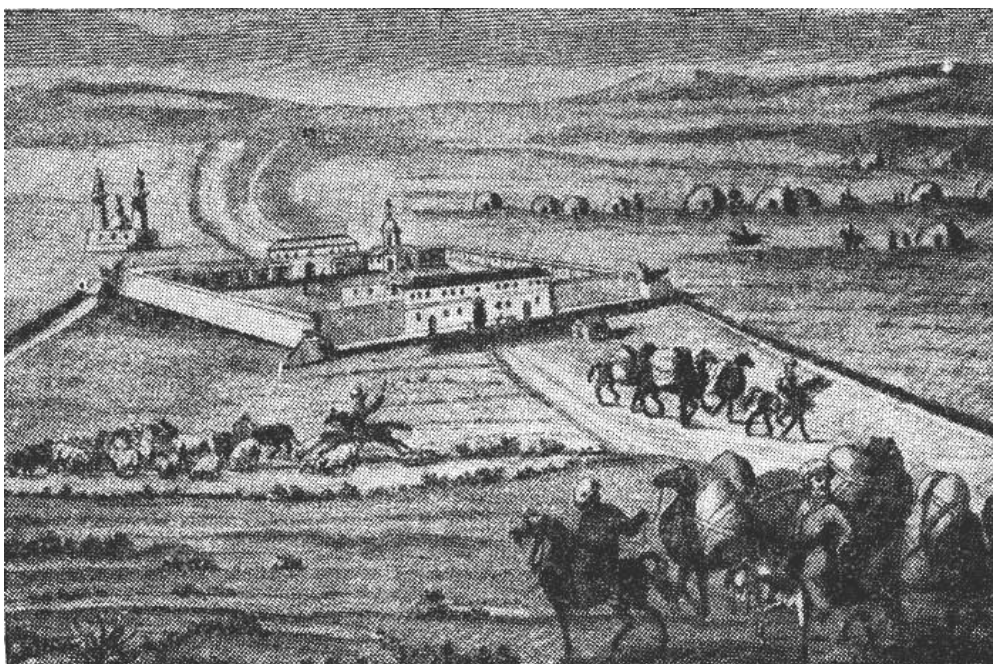
Во внутренние районы России Оренбургская губерния поставляла лошадей, пушнину, башкирский бортевой мед и воск, продукты рыбного промысла в Яике.

По объему вторая часть «Топографии Оренбургской» меньше первой. На ее долю приходится около 40 процентов общего текста «Топографии». Назначение второй части состоит в описании отдельных провинций и дистанций губернии.

По современным представлениям, это районный обзор Оренбургской губернии. Подобные описания были тогда совершенно новым делом, Рычков не имел перед собой готового образца и вынужден был многие вопросы, и в частности вопросы структуры описания, решать самостоятельно.

Рычков хорошо понимал трудности, стоявшие перед ним, и видел недостатки своего труда. В «Предисловии» ко второй части он писал: «Представляя ныне вторую часть «Оренбургской Топографии», должен объявить здесь и признаться, что она, как новая и самая первая, а больше по недостаткам моим, не только от совершенства, но и от надлежащей исправности весьма еще далеко отстоит, и служит только к тому, чтобы подать повод и некоторые способы искуснейшим в истории и географии описание здешней губернии когда-нибудь сделать исправное и совершенное».¹

В другом месте того же «Предисловия» Рычков признает, что в «Топографии» он не следует за существующими шаблонами и отступает «от обыкновенного порядка, употребляемого учеными людьми в таковых описаниях». В оправдание он ссылается на разработанный им в «Предизвещении» к первой части план сочинения, который был одобрен Академией наук. «Намерение мое состояло в том, — говорит далее он, — чтобы, сочиняя описание здешних мест, указывать притом имущества и недостатки их, да и способы нынешние и впредь быть могущие, что я и ввещал по сходству и приличности на разных местах, сколько было мне ведомо и понятно».²

Меновой двор под Оренбургом.

Примечательны заключительные слова «Предисловия»: «Дай, боже! чтобы главные

¹ Сб. «Оренбургские степи...», стр. 109.

² Там же, стр. 110.

правители здешних дел и народов с их помощниками всегда просвещаемы были совершенным знанием всего того, что внутри и вне этой обширной губернии для государственных интересов надобно и полезно, и здешняя бы азиатская комерция действительно распространялась и умножалась во всей полуденной Азии до самой Индии, по известным намерениям... Петра Великого, а через то бы и описание Оренбургской губернии от искуснейших людей приведено было в полное совершенство, чего я, как верный раб и сын отечества, всеусердно желаю». В этих словах — и правильный взгляд на практическое значение «Топографии», и горячий патриотизм Рычкова, никогда не забывающего об интересах своей родины.

План второй части, изложенный в «Предизвещении», заслуживает большого внимания. Это не простой перечень глав, — содержание плана глубже; он предусматривает круг вопросов, освещение которых необходимо сделать во второй части при характеристике провинций и других подчиненных мест. Приводим ниже этот план в том виде, как он дан в «Предизвещении».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

в рассуждении провинций и прочих подчиненных мест.

1. Великость и обширность оных, состояние внутреннее и смежное вообще.
2. Города, крепости и знатные жительства, когда начались, какое где людство, на каком основании и пр.
3. О состоянии уездов и уездных обывателей порознь, чем избыточествуют или оскудевают.
4. Какие где промыслы есть, или быть могут.

Опираясь на эту схему, Рычков на протяжении 12 глав дает характеристику городов, крепостей, заводов и других населенных пунктов губернии. Помимо исторического материала, читатель найдет во второй части «Топографии» разнообразные статистические и экономические сведения о каждом из населенных пунктов, получит представление об особенностях местоположения их, встретит ценные данные о занятиях жителей, их нравах и обычаях.

Порядок описания губернии во второй, районной части «Топографии» виден из ее оглавления:

Предисловие.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая.	О городе Оренбурге и о тех местах, которые непосредственно к сему городу принадлежат и составляют Оренбургскую провинцию.
Глава вторая.	О ведомстве войска Яицкого и о их обстоятельствах.
Глава третья.	О нижней Яицкой дистанции.
Глава четвертая.	О Ставропольском ведомстве, о его окружности и о прочих касающихся до него обстоятельствах.
Глава пятая.	О Самарской дистанции и о ее обстоятельствах.
Глава шестая.	О дистанции Сакмарской.
Глава седьмая.	О дистанции Красногорской.
Глава восьмая.	Об Орской дистанции и о принадлежащих до нее крепостях.
Глава девятая.	О крепостях Уйской линии, простирающейся до Сибирского ведомства.
Глава десятая.	О Исетской провинции и о принадлежащих к ее ведомству местах.
Глава одиннадцатая.	О городе Уфе и о всей Уфимской провинции.

Глава двенадцатая. О ведомстве Оренбургского горного начальства.

Торговым, административным и военным центром всего Оренбургского края был город Оренбург. В 1760 году, когда Рычков заканчивал вторую часть «Топографии», город Оренбург на его современном месте вступал в восемнадцатый год своего существования.

Из всех намечавшихся для Оренбурга мест (устье реки Ор, урочище Красная гора, устье реки Сакмары), последнее — у устья реки Сакмары — оказалось, по Рычкову, наилучшим. К числу преимуществ последнего местоположения Оренбурга относится: близость к обжитым районам России, наличие сплавного по реке Сакмаре леса, удобное для застройки города ровное место и т. д. На новом месте город развивался с необычайной быстротой и за несколько лет Оренбург выдвинулся «в число самых крупных городов тогдашнего Урала»¹. С момента застройки Оренбург стал городом военных купцов и чиновников. Внешне город выглядел внушительной военной крепостью, опоясанной высоким валом протяжением свыше 5 км. Въехать в город можно было только через специальные ворота, именовавшиеся Сакмарскими, Орскими, Яицкими и Самарскими. К 1760 году город насчитывал 9 церквей и 2 866 домов, «внутри и вне города построенных». В черте города был расположен четырехугольный каменный гостиный двор со 150 лавками и амбарами.

На южной окраине город примыкал к крутым обрывам правого берега Яика. Отсюда, с обрыва, на десятки километров вокруг виднелась равнинная, одетая ковылями, Заяицкая степь.

В степи, на виду города, на очень ровном месте (надпойменной террасе Яика) возвышался Меновой двор — место летне-осеннего торга с кочевниками и среднеазиатскими купцами. Меновой двор составлял одну из важнейших достопримечательностей старого Оренбурга, ныне уже не сохранившуюся. Это было громадное сооружение с двумя воротами для въезда и выезда, церковью, 344 лавками и 148 амбарами; на двух углах его, обращенных в сторону Заяицкой степи, стояли пушки. Про Меновой двор Оренбурга Рычков не без гордости писал: «В рассуждении пространства и хорошества сего строения можно объявить, что внутри государства для купечества толь великое здание едва где имеется ль».

В «Топографии» и в других своих сочинениях Рычков уделяет особое внимание хозяйственным запросам и нуждам Оренбургского края. Горячий патриот родины, он всюду находит возможным и нужным придать географическому описанию практическую направленность. Говоря про Оренбург, он указывает на то обстоятельство, что город, вследствие безлесия окружающих мест, уже в первые годы своего существования стал испытывать острую нужду не только в строевом лесе, но и в топливе. Чтобы избежать полного истребления лесов, Рычков предлагает ограничить строительство деревянных домов в Оренбурге, заменив лес камнем и глиной. Но он не останавливается и на этом. Его волнует судьба будущих поколений, и он приходит к мысли о необходимости искусственного лесоразведения. «Сверх того на низких и водопоемных местах, по Рычкову, не невозможно бы последний [лес. — *Ф. М.*] и саженьем разводить, особенно же тот, который и без коренья от сырых кольев, воткнутих только в землю, отрождается, как то: осокорь, ветла, тополь и им подобные. В чем, как в деле весьма нужном, касающемся до пользы всего жительствова, всемерно ни труда, ни иждивения жалеть не нужно, но должно иметь благовременное к тому начало и старание»¹.

Наряду с выгодами, географическое положение города Оренбурга имело и недостатки. Он оказался слишком выдвинутым на запад, неудобным для торговли с казаками Среднего Жуза, кочевавших в обширном районе — от рек Сары-су и Тургая до

¹ Иофа Л. Е. Города Урала, М., 1951, стр. 155.

¹ Сб. «Оренбургские степи...», стр. 117.

верховьев Ишима и Тобола. Этот недостаток был восполнен созданием на востоке губернии нового торгового центра — Троицкой крепости.

Троицкая крепость (ныне город Троицк) входила в состав Уйской линии, тянувшейся по реке Уй — притоку Тобола. Находясь на старой караванной дороге в Сибирь, она удачно сочетала в себе близость к освоенным сибирским и уральским районам, с одной стороны, и к казахам Среднего Жуза, с другой. В Троицкую крепость, как и в Оренбург, потянулись караваны среднеазиатских купцов. По характеристике Рычкова, «она, исключая Оренбург, из всех новопостроенных крепостей может похвастаться за лучшую и люднейшую», а торговля в ней русские купцы почитают «ничем не хуже Оренбургского»². Деревянный Меновой двор в Троицкой крепости насчитывал около 600 амбаров и лавок.

Что касается старого Оренбурга — Орской крепости, то этот город сохранил свое значение только как хорошо укрепленная военная крепость. В 1760 году внутри и за пределами крепости было около 300 домов. На протяжении двух столетий Орск оставался захудалым, ничем не примечательным городом. И только в советские годы социалистический Орск с его окружением превратился в важнейший промышленный центр Южного Урала.

Несомненный историко-географический интерес представляют сведения Рычкова о начале Яицкого казачества и Яицкого казачьего городка (Уральска) — древнейшего города на реке Яик. Источником для этих сведений послужили устные рассказы яицких войсковых атаманов, с которыми Рычков имел личную беседу при посещении Яицкого казачьего городка в ноябре 1748 года.

Яицкие казаки появились на реке Яик на два столетия раньше похода в Оренбургский край экспедиции И. Кирилова. Выходцы с Дона и беглые крестьяне, они проникли сюда со стороны Каспийского моря. На реке Яик, глухой, незаселенной и тогда еще якобы богатой лесами, казаки скрывались от погони и находили приют на зимний период.

Задолго до постройки города Оренбурга яицкие казаки совершали походы к берегам Аральского моря, в Хиву. Одному из них — атаману Нечая — удалось даже захватить Хиву и прожить в ней некоторое время. Поход Нечая закончился однако трагически. На обратном пути отряд Нечая был атакован хивинцами и почти полностью (около 500 человек) истреблен. «В этом войсковых атаманов объявлении, — сообщает Рычков, — показано и то, якобы хивинцы с того времени указанную горловину, которая из Аральского моря в Каспийское впадала, на устье ее от Каспийского моря завалили, в таком рассуждении, чтобы в будущие времена из моря в море судами ходу не было; но я последнее это обстоятельство за неимением достовернейших известий не утверждаю, а представляю его так, как мне от упомянутых войсковых атаманов сказано»¹.

Рассказы яицких войсковых атаманов указывают на существование в историческое время стока вод по Узбою из Аральского моря в Каспийское. Подобные высказывания имеют место и в настоящее время. Больше фактов, однако, за то, что в историческое время воды Аральского моря могли временами проникать только до Сарыкамышской котловины. Следует отметить, что версия о перегораживании Узбоя плотиной и о прекращении этим путем стока вод Аму-дарьи в Каспий встречается также у некоторых путешественников первой половины XVIII века¹.

Яицкий казачий городок (Уральск) был застроен в самом начале XVII века. В середине XVIII века по числу жителей он не уступал Оренбургу: в нем насчитывалось около 3 000 дворов, пять церквей. Город строился тесно, с такими узкими улицами, что на

² Там же, стр. 165.

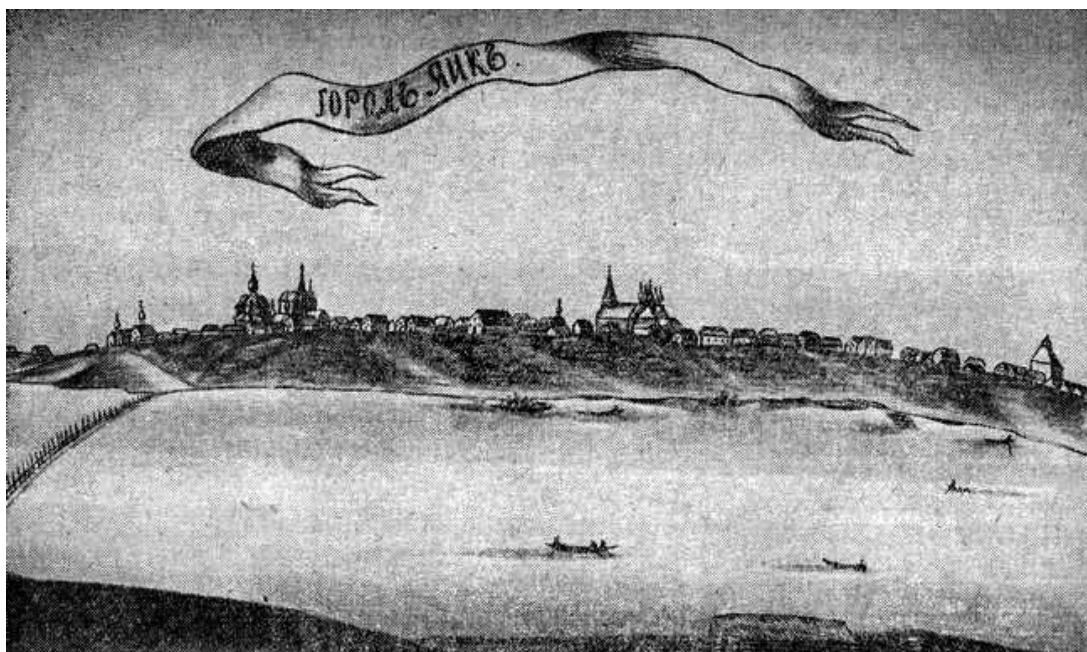
¹ Сб. «Оренбургские степи...», стр. 131.

¹ Берг Л. С. Очерки по истории русских географических открытий, М. — Л., 1946, стр. 176.

некоторых из них «двум телегам разъехаться почти невозможно». Рычков отметил, что город окружают старица Яика и река Чаган, окраина его укреплена валом и рвом. Все это делает Яицкий казачий городок «довольно оборонительным». Общее число казаков и старшин в семи полках (станицах), составлявших яицкое казачье войско, достигало 3 556.

Казаки не занимались хлебопашеством, но имели крупные сады и огороды. От Государственной Военной коллегии они получали ничтожное денежное содержание — около 60 копеек в год на казака. Главным источником существования яицких казаков были рыбные промыслы и звероловство — охота на лисиц, корсаков, волков и кабанов. Много у яицких казаков было разного скота: лошадей, коров, верблюдов. Из верблюжьей шерсти изготавливали они ткани и шили армяки.

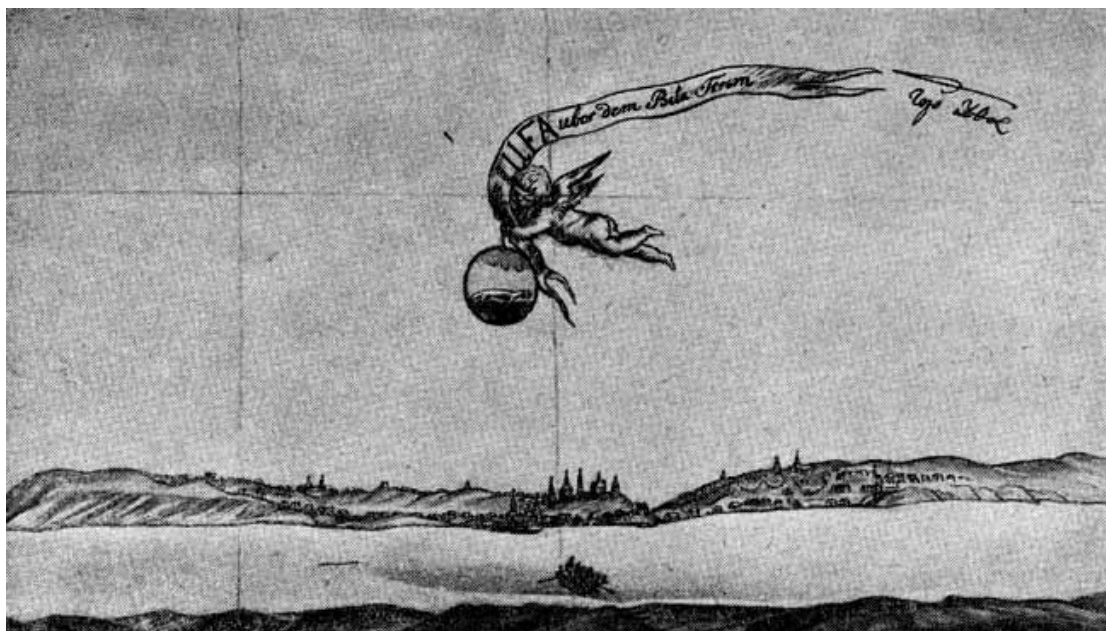
В Исетской провинции Оренбургской губернии, в верховьях реки Миасс стояла Челябинская крепость, далекий предок современного Челябинска — важнейшего промышленного центра Южного Урала. «Челябинская крепость, — сообщает Рычков, — не только между новопостроенными крепостями, но и во всей Исетской провинции есть главнейшее место, ибо тут с прошлого 1743 года для способности к Башкирии находится воевода и провинциальная канцелярия, подушный сбор, духовное правление, а для купечества и ратуша... Укрепление ее внутри жила замок, или небольшая крепостца, рубленая с двумя башнями, а вокруг всего жила по обеим сторонам реки Мияса обнесено заплотом, рогатками и надолбами, с тремя проезжими башнями»². В крепости и вблизи нее имелось две церкви и около 500 жилых дворов.

Город Яик.

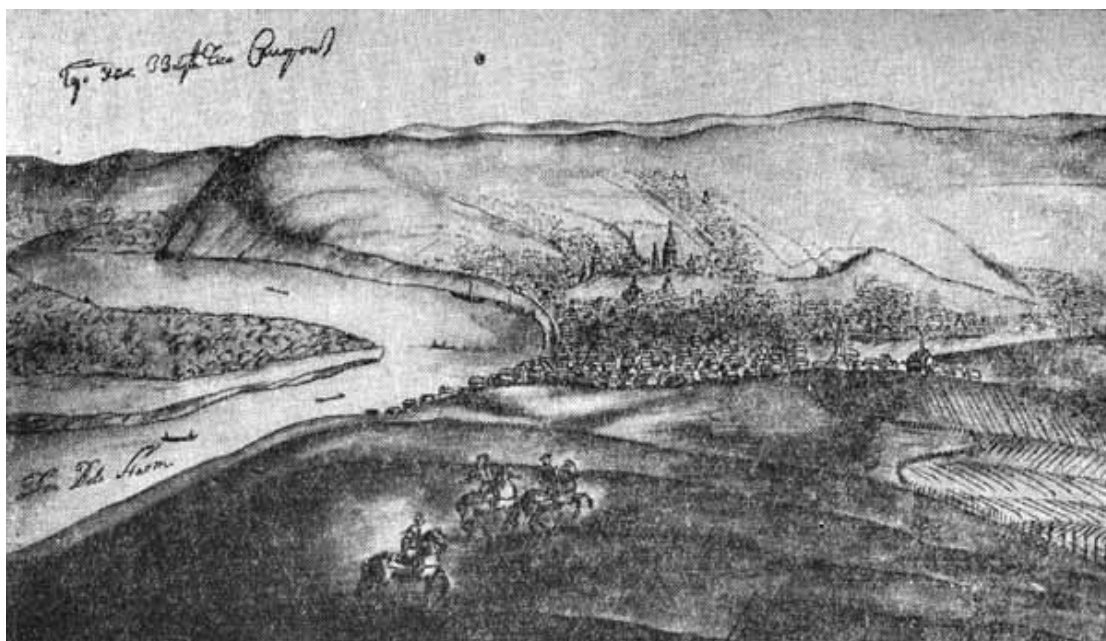
Карандашный рисунок из рукописи П. И. Рычкова «Известие о начале и состоянии
Оренбургской комиссии».

² Там же, стр. 179—180.

Город Уфа.

Карандашный рисунок из рукописи П. И. Рычкова «Известие о начале и состоянии Оренбургской комиссии».

Город Уфа.

Карандашный рисунок из рукописи П. И. Рычкова «Известие о начале и состоянии Оренбургской комиссии».

Самым древним городом Оренбургской губернии являлась Уфа, основанная русскими в 1586 году на берегу реки Белой вблизи устья Уфы. Город возник по просьбе самих башкир, чтобы им было удобнее платить ясак и иметь надежную защиту от врагов. «Построен он [город Уфа. — Ф. М.] при реке Белой, по течению ее с правой стороны, на

таком месте, которое со всех сторон окружено высокими горами, а притом все его жительство лежит между восьми великих и глубоких буераков, из которых в одном, который поперек города, течет речка, именуемая Сутолокой»¹. Для обороны Уфы были созданы значительные укрепления. Вдали от города, на полуострове, омываемом реками Белой и Уфой, была создана засечная оборонительная черта, состоявшая из палисада, рва и караульной башни. К середине XVIII века засечная черта потеряла свое значение; ров ее зарос травой, палисад разрушился так, что от него не осталось и следа, и только караульная башня «поныне еще видима, хотя уже весьма обветшала». Сам же город и во времена Рычкова продолжал оставаться крепостью, окруженной деревянной стеной и палисадом. Внутри города и вне его размещался 651 жилой двор, имелось шесть церквей, два монастыря.

Таков был характер городов и крепостей Оренбургского края в середине XVIII века. Заложенные русскими людьми, они росли, крепили и постепенно превращались в экономические центры, хозяйственные очаги края.

Уделяя главное внимание населению и населенным пунктам, Рычков во второй части «Топографии» останавливается также и на наиболее важных или интересных природных особенностях описываемой территории. Делает он это умело, не повторяя того материала, который был дан им в первой части «Топографии».

При описании Уфимской провинции его внимание привлекли живописные берега башкирских рек. Особенно замечательными оказались реки Белая и Сим. На их берегах, сообщает Рычков, — «весьма превысокие горы удивительной крутости и утесы натуральные, так, как бы искусством сделанные, находятся, из которых один в вершинах Симских в Кудейской волости на сибирской дороге, называемый Шайтан-юрт, или чортово жилище (ибо башкирцы баснословят, якобы тут бывали и поныне случаются разные привидения), для редкости стоит того, чтобы срисован был искусным мастерством. В 1757 году, проезжая по той реке в зимнее время и видя это чудо природы, принужден я был остановиться и смотреть на него долго с удивлением; но сожалею, что бывший тогда престокий мороз препятствовал столь странный вид и все околичности скопировать»¹.

Главу об Уфимской провинции он заканчивает оценкой ее природных условий с точки зрения хозяйственных нужд. «Что касается до довольства этой провинции, то во всей Российской империи едва сыщется ль другая, которая бы всем нужным к житию человеческому столь изобиловала, как Уфимская, ибо к хлебопашеству самая лучшая земля повсеместно, повсюду же леса, в которых множество бортовых пчел, реки судовые и рыбные, озер рыбных и пажитных мест везде довольно»².

Рычков приводит ценные сведения по географии лесов, водному режиму рек Оренбургского края в XVIII веке и т. д.

Про Орскую дистанцию, например, он пишет, что «в строевых лесах во всех тех местах недостаток, но дровяного еще довольно»³. В настоящее время район Орска и прилегающие к нему места составляют наиболее безлесную часть Оренбургских степей.

У урочища Байтак, расположенного по реке Большая Хобда (левый приток Илека), сохранились развалины старинного поселения с заброшенными каналами и пахотными землями. «Тут же одно старинное здание со сводами, в котором вместо железных связей положены большие брусья сосновые, хотя ныне и знаку нет, чтобы в тех местах или поблизости их сосновый лес находился»⁴. В настоящее время в бассейне Илека и вообще Среднего Урала естественных сосновых лесов нет. Бузулукский бор находится от Большой Хобды на расстоянии около 300 км по прямой. Можно допустить, что в

¹ Сб. «Оренбургские степи...», стр. 184.

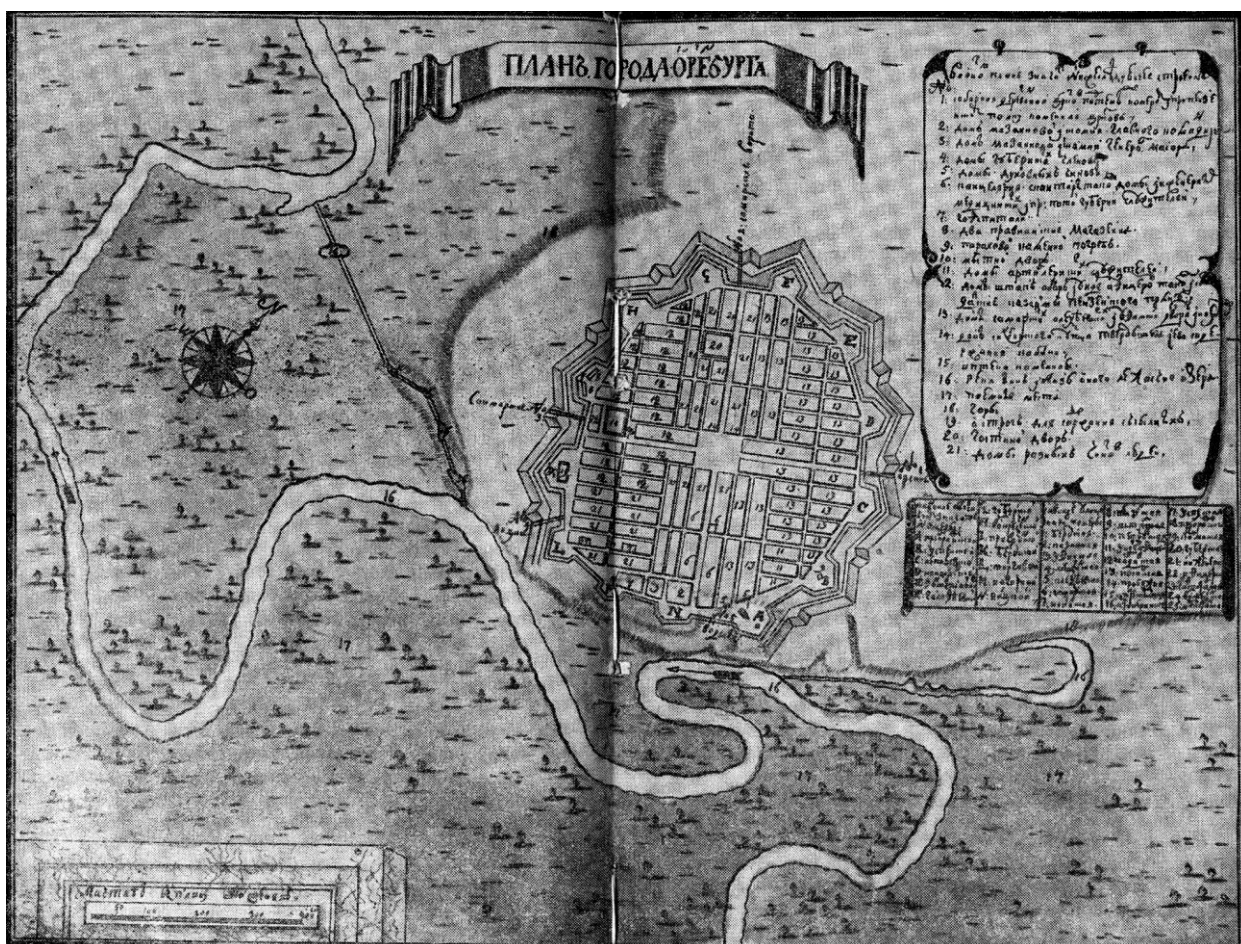
¹ Сб. «Оренбургские степи...», стр. 193.

² Там же.

³ Там же, стр. 163.

⁴ Там же, стр. 124.

отдаленном прошлом, еще до прихода русских на берега Яика и Илека, по широко распространенным здесь пескам встречались участки сосновых боров, которые позже были полностью истреблены. За возможность произрастания сосны в прошлом говорит хороший рост ее в искусственных посадках на берегах Урала и даже на водоразделе Илека и Большой Хобды в лесном урочище Чубар-Агач.

План города Оренбурга.

Из рукописи П. И. Рычкова «Известие о начале и состоянии Оренбургской комиссии».

Интересна оценка Рычковым условий судоходства по реке Самаре. Первое время этому вопросу придавалось большое значение, так как была надежда на почти непрерывный водный путь от города Самары на Волге до Оренбурга на Урале. С этой целью в верховьях реки Самары, где она близко подходит к Уралу, была построена Переволоцкая крепость. Отсюда до реки Урала, через Общий Сырт остается только 20 км, причем половина пути проходит по речке Камыш-Самарке, впадающей в Урал. На правом берегу Урала, у устья Камыш-Самарки по инициативе Татищева была построена крепость-пристань Татищево, а для сокращения сухопутного пути между Переволоцком и Татищевом предполагалось сооружение шлюзов на речке Камыш-Самарке. «Но, поскольку, — как сообщает Рычков, — по опытам оказалось, что по реке Самаре судами ход, для многих мелей и кривизн, весьма затруднителен и до верховья ее, где ныне Переволоцкая крепость, и на небольших лодках одним летом всходить нельзя, того ради это к водяной коммуникации намерение покинута»¹. Более благоприятными условия для

¹ Сб. «Оренбургские степи...», стр. 140.

судоходства становились только значительно ниже по реке, начиная примерно от Сорочинской крепости. «Водяной ход вверх по Самаре реке до сей крепости [Сорочинской. — Ф. М.] не неспособен, чего ради при начале ее многие припасы из города Самары сюда водой на больших лодках были завезены»².

Из сказанного видно, что каких-либо заметных изменений в водном режиме реки Самары за последние два столетия не произошло. Имело место лишь некоторое обмеление ее, так как Самара сейчас недоступна вверх до Сорочинска даже для «больших лодок».

При характеристике Уйской линии Рычков не мог не остановиться на озерах, составляющих достопримечательность этого района Зауралья.

На многих озерах, лежащих между Троицком и Челябинском, Рычков отмечает наличие крупных пловучих островов — «плаунов», переносимых ветром с места на место. Происхождение их правильно угадано Рычковым: «Видно, что они сделались от наносной земли, на которой вырос камыш, а на некоторых есть и лес»¹. Такие пловучие острова возникают на зарастающих лесных озерах и известны во многих других местах нашей страны.

Необыкновенный случай появления нового озера приводится Рычковым для окрестностей Троицка. В 27 верстах от Троицка по дороге в Еткульскую крепость наблюдалось топкое грязноватое место, не представлявшее, однако, затруднений для проезда, вследствие чего по нему проходила дорога и стоял верстовой столб. На этом месте, по словам Рыčkова, «сделалось немалое озеро, в котором и рыба завелась, хотя в него ни откуда течения воды нет, и верстовой столб в воде остался, и поныне из воды виден, чего ради то озеро и называется Столбовым»².

Столь необычному появлению озера можно дать двоякое объяснение. В условиях равнинного рельефа и лёссовых грунтов могла произойти просадка почвы, связанная с суффозионным выносом солей и мельчайших мелкоземистых частиц. Но вероятнее всего, под влиянием периодических колебаний климата произошел подъем уровня грунтовых вод, который и обусловил затопление понижения. В пользу последнего предположения говорят установленные для степных озер Западной Сибири и Казахстана периодические колебания уровня, амплитуда которых достигает двух и даже трех метров³.

Периодическое высыхание и наполнение озер для северного Казахстана (Кустанайская область) установлено также А. Г. Вороновым⁴. Как указывает А. Г. Воронов, озера при наполнении водой сразу становятся рыбными, так как рыба переживает засушливые периоды в бочажинах карасу (речках с непостоянным течением).

В Ставропольском ведомстве внимание Рыčkова привлекла река Молочная — приток Сургута. Необходимые сведения о ней сообщил ему ставропольский комиссар Моисей Александров, который охарактеризован Рычковым как «любопытный читатель книг, муж довольного искусства и вероятия». Река Молочная в верхнем течении, примерно на протяжении 7 км, ничем не примечательна, вода в ней чистая и летом прохладная. Затем река впадает в небольшое озеро, на дне которого «видны разноцветные признаки, а именно: синие, желтые, белые, черные и зеленые, а на поверхности воды примечается материя наподобие дегтя и производит дух весьма противный. Помянутая речка, протекиши это озеро, становится уже так бела, как молоко, и такой водой течет версты на две или на полторы, и впадает в реку Сургут, где еще несколько своей белизны

² Там же, стр. 153.

¹ Сб. «Оренбургские степи...», стр. 167.

² Там же.

³ Шнитников А. В. Внутривековые колебания уровня степных озер Западной Сибири и Северного Казахстана и их зависимость от климата Тр. лаборатории озераведения, т. 1, АН СССР, М. — Л., 1950, стр. 123—124.

⁴ Воронов А. Г. О колебаниях уровня озер Кустанайской области северного Казахстана. Изв. Всесо. Географ. об-ва, т. 79, вып. 5, 1947.

имеет, но потом вскоре умаляет ее и получает чистую воду такую, какую в вершине своей имела»¹.

В приведенном рассказе нет ни одного выдуманного слова. Река Молочная, впадающая в Сургут восточнее Сергиевска (северо-восток Куйбышевской области), в нижнем течении и сейчас протекает через серное озеро с бело-молочной водой. Установлено, что река перед впадением в озеро получает сероводородный источник, вследствие чего вода в ней приобретает молочный оттенок от выпадающей серы².

Следует отметить, однако, что таких характеристик природы во второй части «Топографии» встречается немного. Мало в ней говорится также о сельском хозяйстве дистриктов, нет этнографических данных. В итоге вторая часть представляет скорее не географию дистриктов, а описание городов и крепостей по отдельным дистриктам. План второй части, намечавшийся Рычковым в «Предизвещении», оказался выполненным лишь частично.

Заканчивается вторая часть «Топографии Оренбургской» главой «О ведомстве Оренбургского горного начальства» и списком горных заводов. Это — краткий исторический и экономико-географический очерк цветной (медь) и черной (железо) металлургии Оренбургской губернии. Горные заводы существовали тогда еще на ограниченной территории губернии — только в Башкирии, но Рычков мечтает о распространении их по всему Оренбургскому краю. Он с уверенностью говорит о том, что в Оренбургской губернии из всего того, что природа производит, «есть самый первый и обществу Полезнейший продукт — металлы и минералы»¹.

Перечислив 15 медеплавильных и 13 железоделательных заводов, Рычков не сомневается, что они благодаря наличию богатых башкирских руд «от времени до времени еще могут умножаться. Особенно же и потому, что ныне недавно и за рекой Яиком в киргиз-кайсацких местах богатые медные руды обысканы, и действительно уже разрабатывать их там начали»². Следовательно, Рычков предвидел возможность развития цветной металлургии на территории современного Казахстана, где сейчас созданы крупнейшие медеплавильные комбинаты.

Таково содержание одной из первых в России региональных географических сводок. Если пользоваться современной терминологией, то план географического описания Оренбургской губернии, предпринятого Рычковым, можно представить в таком виде.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

1. Из истории образования Оренбурга и Оренбургской губернии.
2. Границы и площадь губернии; характеристика народов и земель, примыкающих к Оренбургской губернии.
3. Административное деление.
4. Население.
5. Природные условия:
 - а) географическое положение;
 - б) климат;
 - в) воды (моря, озера, реки);
 - г) рельеф;
 - д) полезные ископаемые с элементами геологического строения;
 - е) животный мир.
6. Торговля и промыслы.

¹ Сб. «Оренбургские степи...», стр. 148.

² Сб. «Природа Куйбышевской области», Куйбышев, 1951, стр. 387—388.

¹ Сб. «Оренбургские степи...», стр. 200.

² Там же, стр. 204.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. РАЙОННЫЙ ОБЗОР

- 1 Оренбургская провинция и Ставропольское ведомство (главы I—IX).
2. Исетская провинция.
3. Уфимская провинция.

План «Топографии Оренбургской губернии» имеет заметные отличия от страноведческих географических сочинений середины XVIII века. Попробуем сравнить его с планом «Общего географического описания всея Сибири» Татищева, составленного в 1736 году. Обобщая «Порядок общаго географического описания всея Сибири» Татищева, можно его представить в таком виде¹.

1. О имени. 2. О границах. 3. О величине. 4. О воздухе. 5. О водах. 6. О положении земли (горы). 7. О внутренних земли (о глинах, песках, камнях и т. д.). 8. О солях. 9. О рудах металлов. 10. О полуметаллах. 11. О росчених. 12. О животных. 13. О жителях или народах. 14. О власти политической. 15. О правлении церковном. 16. О народных промыслах, о рукоделиях собственных, о фабриках. 17. О заводах, о фабриках металных.

В самой последней главе Татищев предполагал описание Сибири по отдельным губерниям и провинциям: «Где колико провинцией, толико глав быть имеет, о каждой следующее описание: яко о имени городов, времени, когда построен, и прочее порядком генерального описания, которого до собрания обстоятельных известий глав и статей предписать неудобно»².

По сравнению со схемой Татищева, план «Топографии» отличается большей стройностью и законченностью, четким делением на две части — общую и районную. Последнее — подразделение географического описания на общую и районную части — после работы Рычкова получило широкое признание в географической литературе.

В структурном отношении «Топография Оренбургская» имеет определенные преимущества даже по сравнению с выдающимся географическим трудом середины XVIII века — «Описанием Земли Камчатки» С. Крашенинникова. В 1755 году, когда печатался этот труд Крашенинникова, Рычков представил в Академию наук рукопись первой части «Топографии».

«Описание Земли Камчатки» Крашенинникова состоит из четырех частей, объединенных в два тома. Первая часть озаглавлена: «О Камчатке и о странах, которые в соседстве с нею находятся». Кроме географического положения, Крашенинников в первой части описывает подробно реки Камчатки, а также Курильские острова и северо-западную Америку. Вторая часть рассказывает «О выгоде и о недостатках Камчатки» — свойствах почвы, климата, горах и вулканах, полезных ископаемых, растительности и животном мире. Третья часть посвящена камчатским народам, в четвертой части говорится «О покорении Камчатки, о бывших в разные времена бунтах и изменах и о нынешнем состоянии российских острогов». В отличие от «Топографии Оренбургской» в «Описании Земли Камчатки» не выделяется особо районная часть.

Нетрудно, однако, заметить и недостатки в построении «Топографии» Рычкова. Так, характеристику населения следовало бы дать после описания природы, не отрывая население от торговли и промыслов. Большим упущением является далее отсутствие специальной главы о растительности. Это тем более непонятно, что Рычков ее хорошо знал, о чем свидетельствуют разбросанные в разных местах «Топографии» замечания о растительности и опубликованные позже статьи, как, например, «О сбережении и размножении лесов» (1767).

В целом план и структура «Топографии Оренбургской» не вызывает серьезных

¹ Татищев В. Н. Избранные труды по географии России, М., 1950, стр. 36—41.

² Там же, стр. 41.

возражений даже с позиций современного уровня географической науки. До наших дней в географических описаниях мы встречаем в общем ту же структуру, что и в «Топографии» Рычкова: за общей характеристикой природных условий, населения и хозяйства территории следует описание районов или административных областей.

Талант географа-страноведа позволил Рычкову создать труд, намного опередивший свое время. В русской и мировой географической литературе долгое время не было подобных работ. Исключение составляет книга С. Крашенинникова «Описание Земли Камчатки», которая в научном отношении хотя и стоит выше «Топографии» Рычкова, но написана в другом плане. «Топография» Рычкова на протяжении многих лет служила образцом региональных географических описаний. Принципы, положенные Рычковым в основу генерализации — отбора — фактического материала, как и сравнительный метод, зачатки которого ясно выражены в «Топографии», находят применение и сейчас в лучших географических описаниях.

Велико значение «Топографии Оренбургской» и в другом отношении. Она — необходимый подготовительный этап, образец материала, нужного для составления географии всего русского государства, потребность в которой тогда остро ощущалась. И с этой стороны работа Рычкова получила самую высокую оценку еще по представлении рукописи первой части «Топографии». В январе 1757 года, в академическом журнале «Ежемесячные сочинения» была напечатана редакционная статья, принадлежащая Г. Миллеру, на тему «Предложение как исправить погрешности, находящиеся в иностранных писателях, писавших о Российском государстве». Автор статьи, говоря о необходимости создания российской истории и географии, лишенных небылиц и искажений, присущих иностранным авторам, замечает: «Но к сему делу требуется много времени, и едва остается надежда, чтоб обстоятельная история и достаточное описание России могли когда на свет быть изданы; разве во всякой губернии будет человек искусством и прилежанием подобный господину Советнику Рычкову в Оренбургской губернии, которой в прошедшем году прислал в Академию наук описание помянутой губернии с преизрядными ландкартами»¹.

Работа Рычкова над «Топографией Оренбургской» шла в одном направлении с деятельностью Ломоносова в географическом департаменте Академии наук. Будучи руководителем географического департамента с 1758 года, Ломоносов проявлял большую заботу по составлению нового атласа и географического описания России. С этой целью в 1759 году им была составлена и затем разослана по губерниям особая анкета, ответы на вопросы которой могли бы составить прекрасный материал для экономической и физической географии России. К сожалению, исчерпывающих ответов с мест на свою анкету Ломоносов получил мало. Уже после его смерти часть ответов на анкету была опубликована Академией наук в сводке «Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи».

«Топография Оренбургская» расценивалась Академией наук как образец, на котором должны были учиться составлению топографических описаний другие авторы. В марте 1763 года в «Ежемесячных сочинениях и известиях о ученых делах» (стр. 269—270) сообщалось, что опубликованная в 1762 году в этом журнале «Топография Оренбургская» Рычкова скоро выходит в свет отдельным изданием, почему крайне желательно, «чтоб и в прочих губерниях пространной Российской империи нашлись трудолюбивые и к сочинению такого описания способные люди, кои бы по примеру сей топографии хотели сочинить равномерные губерниям своим или провинциям описания и для напечатания сообщить Академии. *Что же при таком сочинении наблюдать надлежит, в том Оренбургская Топография верно и достаточно предводительницею служить может*»

¹ Миллер Г.Ф. Предложение как исправить погрешности, находящиеся в иностранных писателях, писавших о Российском государстве, Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие, 1757, январь, стр. 228.

[подчеркнуто мною. — Ф. М.].

Призыв этот не остался втуне. В последней четверти XVIII века появляются одно за другим историко-топографические описания Саратовского, Tobольского, Симбирского, Калужского, Тамбовского, Вологодского, Курского, Харьковского наместничеств, Владимирской и Воронежской губерний и многие другие¹. На структуре и содержании этих описаний заметно несомненное влияние труда Рычкова. Но даже лучшие из них, такие, как «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии» Е. Болховитинова (1800), не поднимаются до того научного уровня, на котором стоит «Топография Оренбургская». В большинстве своем это были работы, заключавшие ценный фактический материал, но лишенные теоретических выводов и обобщений, не содержавшие глубокого анализа фактов и оценки перспектив хозяйственного развития описываемой территории, чем как раз и была замечательна «Топография» Рычкова.

¹ Перечень и оценку их, в связи с трудами П. И. Рычкова, можно найти у Н. П. Никитина. См. Никитин Н.П. Зарождение экономической географии в России, Вопросы географии, сб. 17, 1950, стр. 66-74.

Глава 4. СОТРУДНИЧЕСТВО В ВОЛЬНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В 1760 году, прослужив в Оренбургской комиссии и губернской канцелярии 26 лет, Рычков принял решение уйти в отставку. 21 февраля 1761 года Сенат принял отставку Рычкова и одновременно ходатайствовал перед императрицей о награждении его чином статского советника. В этом высоком по тому времени чине статского советника он был утвержден 16 декабря 1764 года.

Болезнь, на которую ссылался в прошении об отставке Рычков, была, очевидно, только формальным поводом для ухода со службы. Истинная причина заключалась в другом. В 1758 году с поста Оренбургского губернатора ушел И.И. Неплюев (1693-1773) — видный государственный деятель, воспитанник и сподвижник Петра I. При Неплюеве Рычков если и не находил прямой помощи в своих научных занятиях, то, по крайней мере, не встречал и противодействия, чего нельзя сказать про других губернаторов, управлявших Оренбургским краем после Неплюева. Это были ограниченные, самодовольные чиновники, для которых научная и литературная деятельность Рычкова представлялась ненужным, подозрительным занятием, вносившим беспокойство в размеренную провинциальную жизнь. Поэтому вскоре после ухода Неплюева с поста губернатора Рычков вынужден был обратиться в Академию наук с просьбой составить для него официальный документ об оказании ему содействия и помощи в научной работе. Когда и это ему не помогло, он ушел в отставку.

Весной 1760 года Рычков переехал на постоянное жительство в свое имение Спасское. На первых порах он был доволен столь резкой переменой в жизни, рад тому, что освободился от канцелярских дел. Это сквозит в его письмах к Миллеру. 3 июня 1760 года он писал: «Я наслаждаюсь и пользуюсь деревенским житьем. Домашняя моя экономия дает мне столько же упражнения, как и канцелярия, но беспокойства здесь такого, как в городе, не вижу»¹.

По приезду в Спасское Рычков сразу же принялся за разведку медных руд и поиски места для медеплавильного завода. В 1761 году завод был построен и началась выплавка меди. Помимо медеплавильного завода, в Спасском работали мельница и винокуренный завод. Рычков завел большую пасеку и начал проводить наблюдения за жизнью пчел; позже эти наблюдения легли в основу его научного труда о пчелах.

Вскоре Рычкова стали постигать в деревне хозяйственные неудачи и бедствия. В декабре 1761 года у него сгорел дом, в котором погибло много ценного имущества. От пожара сильно пострадала библиотека, насчитывавшая до 800 томов, погибли рукописи и переводы, выполненные лично Рычковым. Медеплавильный и винокуренный заводы часто останавливались и не приносили дохода. В довершение ко всему в 1766 году от Рычкова сбежал приказчик, захватив с собой все наличные деньги.

¹ Пекарский П.П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова, СПб., 1867, стр. 45.

Положение усложнялось многочисленностью семьи, необходимостью давать воспитание подраставшим детям.

Рычков был женат дважды. Первый раз он женился в 1733 году, в Ямбурге, на Анисье Прокофьевне Гуляевой — дочери управляющего дворцовыми волостями П. Д. Гуляева. В 1751 году Анисья Прокофьевна умерла во время родов, и весной 1752 года Рычков женился вторично на Елене Денисовне Чириковой — дочери лейб-гвардии Преображенского полка капитана-поручика Д. Н. Чирикова, имевшего крупные поместья в Симбирской губернии. От первой жены Рычков имел 11 детей, от второй 9. Некоторые дети умирали малолетними. Из писем, относящихся к 1764 году, видно, что в тот период в деревне вместе с родителями жило шестеро младших детей; к ним следует присоединить трех старших сыновей, находившихся на государственной службе, и несколько старших дочерей, выданных к тому времени замуж.

Несмотря на материальные затруднения, Рычков не сетовал на многочисленность семьи. Он любил детей, отдавал им все свое свободное время. В воспитательных целях он приступил в Спасском к составлению для детей «Записок», в которых, описав свое происхождение, подробно, год за годом, рассказывает о всех важнейших событиях жизни. Кончаются «Записки» мартом 1777 года, т. е. за полгода до смерти их автора. Предназначенные для узкого семейного круга, они были опубликованы в «Русском Архиве» в 1905 году, т. е. 128 лет спустя после смерти Рычкова.

«Записки» — ценнейший материал для биографии Рычкова и характеристики его как человека. Большой и скромный труженик, он хотел, чтобы и дети его выросли трудолюбивыми, лишенными тщеславия людьми. Показательно его отношение к своим научным занятиям: избрание в члены-корреспонденты Академии наук, присуждение медалей Вольного Экономического общества, появление рецензий на его труды и другие аналогичные факты поставлены в «Записках» в один ряд с важнейшими семейными событиями (смерть родителей, женитьба, рождение детей и т. д.).

Хозяйственные неудачи в деревне заставили Рычкова уже в конце 1761 года подумать о возвращении на службу. Но все его хлопоты в этом направлении оставались безуспешными. Для Рычкова — общепризнанного лучшего знатока Оренбургского края, известного ученого, опытного чиновника — не находилось места.

Характерная деталь: 12 марта 1766 года Рычков был представлен Екатерине II, которая ему «милостиво» сказала: «Я известна, что вы трудитесь в пользу отечества, за что вам благодарна»¹. Но благодарность Екатерины II была такова, что Рычков еще несколько лет не находил себе службы. Даже его попытки получить должность -директора Казанской гимназии закончились провалом. Причина этих неудач состояла в том, что в Петербурге у Рычкова не было влиятельных покровителей, а на месте, в Оренбурге, он не умел ладить с начальством. Смелость суждений и независимость характера, свойственные Рычкову, не раз приводили его, как увидим ниже, к открытому конфликту с оренбургским губернским начальством.

В особенно тяжелом положении оказался Рычков в 1766 году, после бегства приказчика. «На сих днях, — писал он 15 апреля 1766 года, — бежал у меня с заводу слуга, кой был тут прикащиком: унес с собою и последние мои деньжонки. И так не знаю, как исправляться. Продаю оренбургский мой двор, но и на то купца нет — я уже за половины цены рад бы его отдать. Мое намерение в том ныне состоит, чтоб распродав все заводы (кои одни только хлопоты, а не прибыль приносят) и вступя в службу с жалованьем, предать всего себя на услуги отечеству»¹.

Денежные затруднения и неудачи в хлопотах о поступлении на службу не ослабили энергии и любви Рычкова к научной работе. Помимо ответов на запросы Академии наук,

¹ Записки Петра Ивановича Рычкова. Русский архив; кн. 3, М., 1905, стр. 325.

¹ Пекарский П. П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова, СПб., 1867, стр. 54.

он, после выхода в свет «Топографии Оренбургской», приступил к новым трудам по географии и истории Оренбургского края и смежных с ним мест. При этом в первый период своей жизни в Спасском он занимался преимущественно историческими изысканиями. Но это отнюдь не означает, что Рычков, написав «Топографию Оренбургскую», потерял интерес к географическим описаниям. Есть все основания утверждать, что отход Рычкова на некоторое время от географии, пусть даже в область истории, которую он любил и которой давно уже занимался, был вынужденным. Доказательства сказанному находятся в словах самого Рычкова.

28 марта 1763 года Рычков, получив предложение Миллера взяться за составление географии всей России, писал: «Я б охотно взялся за то, чтоб сочинить введение к географии всероссийской империи; но ежели оное обстоятельное надобно, то в нем гораздо больше трудности, нежели в историческом сочинении. Что до истории надлежит, сие можно брать из разных книг и сочинений, а в географии нужно будет справки и сношения иметь с такими людьми, которые о принадлежностях к ней никакого почти понятия не имеют. Довольно для меня, ежели б я и Казанскую губернию под именем Топографии Казанской описал. Сделайте мне от Академии формальное предложение и доставьте мне требующиеся к тому способы, дабы я мог свободную корреспонденцию иметь и надобные к тому известия получать, то б я сию часть географии Российской, а может быть и астраханскую б на себя взял... Из таких частных или местных описаний не трудно уже будет и всецелую географию сочинить»¹.

Как видно из письма, процесс составления географии России представлялся Рычкову в том же виде, как и Ломоносову. Необходимым подготовительным этапом он считал сбор материала на местах, подготовку губернских топографических описаний, чего, как известно, добивался и Ломоносов, разославший по губерниям вопросник-анкету. Живя в Спасском, Рычков не имел возможности собрать такой материал, почему и ограничил свою задачу составлением топографии Казанской губернии и, предположительно, Астраханской. Но, будучи частным лицом, он и эту задачу мог решить только с помощью Академии наук. Такой помощи ему не было оказано. Вследствие этого Рычков обратился к историческим изысканиям, итогом которых явился его труд «Опыт казанской истории древних и средних веков», опубликованный Академией наук отдельной книгой в 1767 году. Благодаря отсутствию на месте многих источников — печатных и рукописных — «Опыт казанской истории» Рычкова не является ни полным, ни безошибочным. Научное значение его намного ниже «Истории Оренбургской», при составлении которой Рычков использовал не только все возможные архивные материалы, но и личные наблюдения.

Большую роль в дальнейшей научной деятельности Рычкова сыграло Вольное Экономическое общество. Оно было создано в 1765 году в Петербурге. Учредителями его были знатные вельможи, а в роли покровителя выступала сама Екатерина II. Поэтому «вольность» этого общества следовало с самого начала понимать весьма условно: она состояла в том, что Общество не имело непосредственного подчинения какому-нибудь ведомству. Членами его состояли преимущественно богатые землевладельцы-помещики, заинтересованные в подъеме доходности крепостного сельского хозяйства, в развитии промыслов и промышленности. С самого начала своего возникновения Общество стало издавать «Труды», в которых наряду с ничем не примечательными, а порой и наивными сообщениями некоторых корреспондентов, встречаются ценные, сохранившие значение до наших дней, научные материалы. Таковы, например, статьи А. Т. Болотова (1738-1833) по агрономии и ботанике и П. И. Рычкова по географии и экономике Оренбургского края.

Вольное Экономическое общество просуществовало свыше 150 лет. Во второй половине XIX века в его работе принимали участие такие выдающиеся географы, как П.

¹ Пекарский П. П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова, СПб., 1867, стр. 71-72.

П. Семенов-Тянь-Шанский, В. В. Докучаев, Г. И. Танфильев и др.

Рычков был избран в члены Вольного Экономического общества почти одновременно с его учреждением — 2 ноября 1765 года. Вскоре он стал активнейшим сотрудником «Трудов Вольного Экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства».

Уже в следующем, 1766 году в «Трудах» Общества появляются четыре статьи, написанные Рычковым. Некоторые выпуски (части) «Трудов» заполнялись наполовину и больше его статьями. Так, в 9-й части «Трудов» за 1768 год из девяти статей пять принадлежат Рычкову, в 13-й части (1769) им написано четыре статьи, в 5-й части (1767) — три статьи и т. д. На протяжении короткого срока — с 1766 по 1773 год — Рычков публикует в «Трудах Вольного Экономического общества» свыше 30 статей. В каждой строчке их сквозит горячий патриотизм Рычкова, его стремление шире и глубже использовать природные ресурсы родного Оренбургского края.

Статьи его пользовались успехом и получали высокую оценку со стороны Вольного Экономического общества. В разное время Общество присуждает ему четыре серебряных и одну золотую медаль. Интересно отметить, что к своим «опытам» и «упражнениям» Рычков привлек также и жену Елену Денисовну, которой в 1770 году была присуждена золотая медаль Общества за то, что она, как говорится в официальном объявлении, «Вольному Экономическому обществу прислала сперва пряжу из козьего подседа, а потом ею же самую сотканную ширинку и вязеной колпак из ново-изобретенного пуха травы кипрейника, который удобно вместо хлопчатой бумаги употреблять можно»¹.

Все статьи Рычкова, опубликованные в «Трудах Вольного Экономического общества», можно по своему содержанию подразделить на три группы: 1) физико-географические (природоведческие), 2) экономико-географические, 3) узкоприкладные.

Дадим краткую оценку некоторых наиболее интересных работ Рычкова, относящихся к описываемому периоду.

ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ (ПРИРОДОВЕДЧЕСКИЕ)

СТАТЬИ

Среди них выделяется статья «О медных рудах и минералах, находящихся в Оренбургской губернии», опубликованная в четвертой части «Трудов Вольного Экономического общества». Она была написана Рычковым для М. В. Ломоносова, который в последние годы своей жизни усиленно работал над составлением «Российской минералогии».

«Российская минералогия», как предполагал Ломоносов, должна была стать теоретическим и практическим руководством в поисках различных полезных ископаемых, в которых так нуждалась русская промышленность.

Чтобы привлечь внимание к задуманному труду и собрать для него материал с мест, с заводов, Ломоносов в конце декабря 1763 года печатает «Известия о сочиняемой Российской минералогии» с изложением плана «Российской минералогии» и просьбой о присылке ему образцов руд и минералов. В благодарность Ломоносов обещал «припечатать имена содержателей заводов, от коих минералы получены будут», и выслать бесплатно по экземпляру книги, а наиболее рачительных корреспондентов извещал, что «в удовольствие их любопытства присылаться будут листы оныя минералогии, каждой вскоре по отпечатании»².

Рычков, очевидно, знал о замыслах Ломоносова про «Российскую минералогию» и работал над статьей о медных рудах еще до получения печатного «Извещения».

¹ Тр. Вольн. Эконом., общ., ч. 14, 1770, стр. 115—116.

² Ломоносов М. В. О слоях земных..., М. — Л., 1949, стр. 197.

«Извещение» Ломоносова заставило Рычкова ускорить работу над статьей, и уже 1 мая 1764 года Рычков высылает рукопись статьи Ломоносову. Материалом для статьи послужили преимущественно наблюдения Рычкова на собственных медных рудниках.

Ломоносов остался очень доволен описанием руд Рычкова. Однако преждевременная смерть (1765) помешала Ломоносову закончить «Российскую минералогию», вследствие чего Рычков был вынужден в 1765 году передать свои материалы о медных рудах Оренбургской губернии в «Труды Вольного Экономического общества».

Среди причин, побудивших его написать статью о медных рудах, Рычков называет ту, что «мы в рассуждении руд и минералов по сие время употребляем не собственные, но по большей части иностранные описания, которые с состоянием здешних рудных мест не во всем сходственны». Следовательно, Рычков при написании статьи исходил из тех же патриотических побуждений, что и Ломоносов при составлении «Российской минералогии».

Описав типы медных руд, встречающихся в Оренбургской губернии, Рычков останавливается на поисковых признаках руд. Он против того, чтобы при поиске и разведке руд руководствоваться каким-либо одним признаком — растительностью, составом обломочного материала в долинах рек и т. д. «Мечтанием», голой фантазией называет он веру в чудодейственную лозу «щастия». Поиски руд могут быть плодотворными, по Рычкову, только в том случае, если будет учтен комплекс самых разнообразных факторов. Ничто не должно ускользать от разведчика руд, он должен иметь в виду не только устройство поверхности, состав горных пород, растительность, но и такие «мелочи», как характер свежих выбросов сурков и сусликов.

В связи с поисками руд Рычков приходит к чрезвычайно важной идее, если не развития, то изменчивости земной поверхности под воздействием текучих вод. «В здешних местах примечается, что от таких вод отлогие горы становятся год от году круче, делаются на разных местах буераки, глубокие рытвины и суходолы, от того, что в те времена, когда бывают глубокие здесь снега и дружная весна, текущая с высоких гор вода, скопившись ужасным стремлением и высоким валом бьет, и на поверхности земной удивительные перемены причиняет, так что где был ров, то от наноса новой земли сделается бугор или ровное Место, а где высокое и плоское место было (ежели прилучится слабая земля), тут сделается рытвина и буерак, и нечаянно рудные признаки и места открываются»¹.

К этой же мысли об изменчивости форм рельефа под воздействием текучих вод Рычков вновь возвращается к концу статьи, при объяснении происхождения окаменевших деревьев.

Рассуждения Рычкова об изменении земной поверхности под воздействием текучей воды нам кажутся сейчас элементарно простыми, истиной, не требующей доказательств. Не то было в середине XVIII века, когда весь органический и минеральный мир рассматривался учеными застывшим и неподвижным, дошедшим до нас в неизменном виде с момента сотворения его богом. Не надо забывать, что статья Рычкова была написана в деревне, всего на шесть месяцев позже выхода в свет гениальной работы Ломоносова «О слоях земных», где впервые в науке было провозглашено «твердо помнить должно, что видимые телесные на земли вещи и весь мир не в таком состоянии были с начала от создания, как ныне находим»².

Подобно Ломоносову, Рычков ясно представлял себе, что в преобразовании рельефа земной поверхности принимают участие не только внешние (экзогенные), но и внутренние (эндогенные) факторы. С последними он связывал образование крупных форм

¹ Рычков П. И. О медных рудах и минералах, находящихся в Оренбургской губернии, Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 4, 1766, стр. 42.

² Ломоносов М. В. О слоях земных..., М. — Л., 1949, стр. 54.

рельефа — гор. Приведем его слова относительно происхождения Уральских гор.

«Особливого примечания достойно то, что в Уральских горах с обеих сторон, и в отдалении от них верст на 20 все руды положение свое имеют понурое, склоняясь к горам, из чего есть физическая причина мнить, не бывали ль сии гористые места когда-нибудь плоского и ровного положения, и не пришли ль они в нынешнее состояние по случаю землетрясения, которое бывшую тут плоскую поверхность в середине вспучило и подняло кверху, чего вероятность видимое ныне с обеих сторон гор положение руд подтверждает»³.

Примечательно, что к решению столь сложного вопроса, как происхождение Уральских гор, Рычков подходил как подлинный естествоиспытатель: его гипотеза строилась, вытекала из строгих научных фактов.

Гипотеза происхождения Уральских гор, до некоторой степени близкая к современным представлениям, изложена Рычковым в примечании. Есть основания думать, что это примечание написано позже основного текста, скорее всего во второй половине 1765 года, когда Рычков, узнав о смерти Ломоносова, решил направить статью в «Труды Вольного Экономического общества». За такое предположение говорит содержание письма Рыčkова к Миллеру от 27 ноября 1764 года. Отослав незадолго перед этим (в мае 1764 года) статью о медных рудах Ломоносову, Рычков вскоре получает о них новые дополнительные сведения, которые также спешит через Миллера сообщить Ломоносову. «Ныне, — пишет он, — приехали ко мне с уральских моих рудников люди. Я из разговоров с ними приметил о положении тамошних руд такое обстоятельство, которое, как мне помнится, недовольно я изъяснил в моем описании. Оно состоит в том, что в самых Уральских горах и в близости от оных на скатных местах все рудные положения идут весьма круто в глубь, с тою токмо разностью, что по сию сторону оных гор склоняются на запад и к северу, а по ту сторону склоняются на восток и полдень. Но лучшие и надежнейшие на той стороне гор. Потом, что далее от оных гор, то отложнее, а наконец уже и совсем ровное или плоское их положение выходит. Кажется сие достойно особливого примечания и рассуждения. Мне мнится, что всему тому, а может быть и происшествию тех самых гор причина когда-нибудь бывшее великое землетрясение, либо наводнение. Не рассудите ль вы сие при случае Михаиле Васильевичу сообщить»¹.

Понятно, что необходимости в таком письме не было бы в том случае, если бы приведенное нами ранее примечание о происхождении Уральских гор Рычков написал одновременно с первоначальным текстом статьи, пересланной Ломоносову 1 мая 1764 года.

Идеи Рыčkова о происхождении и развитии различных форм земной поверхности обнаруживают большое сходство с геологическими и геоморфологическими идеями Ломоносова. Еще в своем знаменитом «Слове о рождении металлов от трясения земли», произнесенном 6 сентября 1757 года, Ломоносов дал необычайно смелую для того времени картину непрерывного преобразования лика земной поверхности, разрушения гор и их нового возникновения под влиянием «трясений» земли. Те же мысли еще полнее были разработаны Ломоносовым в труде «О слоях земных», изданном в 1763 году в качестве приложения к книге «Первые основания металлургии или рудных дел».

«О слоях земных» — труд, который до сих пор удивляет потомков богатством и глубиной содержащихся в нем идей. В этом труде Ломоносов заложил первые основы современной геологии и геоморфологии. Он впервые в науке подошел к образованию земного рельефа и земной коры как строгий естествоиспытатель. Им была показана изменяемость, развитие рельефа во времени, установлено воздействие на рельеф двух сил

³ Рычков П. И. О медных рудах и минералах, находящихся в Оренбургской губернии, Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 4, 1766, стр. 47—48.

¹ Пекарский П. П. Дополнительные известия для биографии Ломоносова, Записки АН, т. 8, приложение 7, СПб., 1865, стр. 72.

— внешних и внутренних. «Внешние действия — суть сильные ветры, дожди, течение рек, волны морские, льды, пожары в лесах, потопа; внутреннее одно землетрясение»¹. Придавая большое значение внешним силам, Ломоносов правильно утверждал, что не они являются причиной возникновения крупных форм рельефа — Кавказских, Таврийских, Кордильерских и других гор и океанических пучин. Горы и океанические пучины образуются под влиянием внутренних сил — «трясений» земли. Под «трясением» земли Ломоносов понимал не только катастрофическое землетрясение, но и медленные поднятия и опускания земли, а также и другие виды тектонических движений.

Мы видим, что в вопросах развития земной поверхности Рычков придерживался самых передовых для своего времени идей, незадолго перед тем высказанных Ломоносовым. Возникновение на глазах человека буераков и суходолов, превращение низких мест в бугры, образование на ровном месте гор, воздвигнутых внутренними силами, — таковы подлинно материалистические взгляды Рычкова на природу земной поверхности, причем следует помнить, что эти взгляды развивались тогда, когда еще многие думали, как писал осуждающе Ломоносов, что «все как видом, с начала творцом создано; будто не токмо горы, доли и воды, но и разные роды минералов произошли вместе со всем светом»².

К изучению полезных ископаемых Оренбургского края Рычков возвращается неоднократно. В 1768 году в статье «О горючей угольной земле» он сообщает о находке двух пластов каменного угля в 30 верстах от своего имения Спасское/Обнаружив «горючую угольную землю», Рычков произвел опыты по ее сжиганию, которые дали удовлетворительные результаты.

Поиски угля — заменителя дров — имели для Оренбургского края большое государственное значение. Лесов уже тогда, на первых порах хозяйственного освоения степного Заволжья русскими, было совершенно недостаточно не только для строительных целей, но и для топлива. Поэтому Рычков долгое время не оставлял мысли найти такое месторождение каменного угля, которое можно было бы широко использовать для хозяйственных целей. Так, в 1769 году он в письме к академику Штелину писал: «Вы весьма меня одолжите, когда пришлете ко мне несколько экземпляров повторенной печати [второго издания. — Ф. М.] наставления Вашего к сысканию каменных угольев. Я того мнения, что они в здешней губернии в разных местах сысканы быть могут, когда приложится о том старание».

Обнаруженный Рычковым в окрестностях Спасского каменный уголь является, очевидно, верхнепермским по возрасту. Указания на наличие таких углей в этом районе можно найти и в других позднейших источниках, но, как показывают современные геологические исследования, ожидать здесь крупных месторождений верхнепермского каменного угля нельзя. Что касается слов Рычкова о том, что угли «в здешней губернии в разных местах сысканы быть могут», то они оправдались блестяще. На территории Чкаловской области и Башкирской АССР советские геологи открыли несколько угольных бассейнов, имеющих важное промышленное значение: Южноуральский третичный буроугольный, Урало-каспийский юрский буроугольный, Домбаровский нижнекарбоновый антрацитовый.

Одновременно с поисками угля Рычков обращает внимание на необходимость приведения в порядок лесного хозяйства. Об охране лесов, экономном использовании их и возможностях искусственного лесовозобновления Рычков писал еще в «Топографии Оренбургской». В 1767 году он выступает по этим вопросам со специальной статьей «О сбережении и размножении лесов».

По какому-то странному недоразумению эта важная для нашей лесоводческой науки статья Рычкова не нашла достойной оценки и была почти забыта. Если и

¹ Ломоносов М. В. О слоях земных..., М. — Л., 1949, стр. 45.

² Там же, М. — Л., 1949, стр. 55.

вспоминали о ней, то не придавали ей большого значения или считали ее не заслуживающей внимания. Таков отзыв М. Орлова в историческом очерке искусственного лесовозрождения в России, в котором про статью Рычкова говорится, что в ней «находятся лишь общие, краткие замечания о лесоразведении, мало интересные не только теперь, но, вероятно, и в момент их появления»¹. Такое более чем странное утверждение ничем не обосновано. Напротив, статья Рычкова замечательна для нас как одна из первых научных русских работ по степному лесоводству, включающая много свежего, оригинального материала².

В самом начале статьи Рычков подчеркивает исключительно большую роль леса в жизни человека. «В жизни человеческой, — пишет он, — коль нужен есть лес, о том пространно изъяснять не надобно. Всяк удобно видит и понимает, что от недостатку лесов жизнь наша подвержена будет великим трудностям, а в случае неимения их и самым бедственным приключениям».

Рычков отмечает далее, что первые мероприятия по охране лесов стали проводиться в России со времени Петра I, но в связи с возрастающим спросом на лес и уменьшением площади лесов эти мероприятия становятся все более недостаточными. Поэтому он ставит вопрос о необходимости «заблаговременно примышлять способы и средства к сохранению и к размножению в жизни человеческой толь нужной и необходимой вещи». Среди таких способов, по мнению Рычкова, «удобнейшим кажется то, когда во-первых, учинено будет рассмотрение на каждый род дерева; к чему и как оно у нас больше употребляется, и поискать, не можно ли найти другие вещи и материалы, которые б вместо лесных сколько-нибудь потребности и нужду нашу награждали? Как каждое дерево растет и может размножено быть; от чего ему больше вреда и гибели, и каким образом оную упреждать и отвращать?»³.

На эти поставленные вопросы и пытается ответить статья Рычкова, дающая сравнительно подробное описание важнейших древесных пород: дуба, сосны, ели, липы, березы, вяза, осины, осокоря, ветлы. В характеристику древесных пород, помимо экологии и особенностей размножения, включено описание качества древесины и ее хозяйственное употребление.

Приведем для иллюстрации описание дуба, сделанное Рычковым: «Дуб по его твердости, великости и толстоте, по самой справедливости, между всеми у нас в империи растущими деревьями, может называться лучшим деревом. Употребление его: самые хорошие и толстые деревья способны на строение всяких морских судов, «а заводские валы к тяжелым машинам, на столбы и подпоры, и на станки к артиллерийским орудиям, на премногие столярные работы; посредственной толщины гнут на санные полозья, на косячатые и ободные колеса; из него же делается великое множество больших ч малых бочек и разных посуды. Мелкой и кривой во многих местах жгут на дрова и уголья. Размножение его происходит от орехов, называемых у нас желудками, которые для корму свиней способны употребляются. Истребление бывает ему большею частью от безрассудной рубки и от пожаров лесных, а особливо в ту пору, когда он еще мелок»¹.

Про ветлу и тополь Рычков говорит, что «к размножению сей лес пред всеми прочими признается способнейшим; ибо и от колья, без корени, но во свое время в землю воткнутого, а особливо на влажных и низких местах, вырастают большие деревья».

¹ Орлов М. Искусственное лесовозрождение в России. Зап. Ново-Александр. ин-та сельск. хоз. и лесоводства, т. 9, вып. 2 Варшава 1895, стр. 18.

² Милюков Ф. Н. К истории отечественного степного лесоводства. «Вопросы географии», сб. 13, 1949.

³ Рычков П. И. О сбережении и размножении лесов, Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 6, 1767, стр. 87.

¹ Рычков П. И. О сбережении и размножении лесов, Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 6, 1767, стр. 89.

Впервые в нашей литературе Рычков подробно описывает степные палы и их губительное влияние на лес. Особенно сильно, по наблюдениям Рычкова, страдают от степных палов молодые леса, старые насаждения страдают от них значительно меньше. О причинах появления степных палов и характере их он сообщает следующее: «Издавна вошло в обычай деревенским жителям, под осень в сухие погоды, а больше в вешние времена, когда снег сойдет, зажигать на нивах оставшуюся на корени солому, а на лугах сенокосных оказавшуюся из-под снега сухую траву... И хотя некоторые смотрят, дабы зажечь такие места в тихой день, но не всяк сие наблюдает. К тому же по зажжении, когда такая сушь сильным огнем разгорится, обыкновенно почти наступает ветер, который усилившись по сухой траве, огонь раздувая, столь сильно гонит, что и на лошади скачущий человек убратся от него не может; и на степях иного почти спасения нет, как разве прямо через огонь перескочив, оставить его позади себя, которого пыл или пламя вверх хотя и не бывает больше, как аршина на полтора или на два, а поперек так же, но по длине на несколько верст иногда распространяется, и что обхватит, то все палит и сожигает. От таких пожаров часто целые деревни, великие леса, а иногда и люди, идущие по небольшим дорогам, сгорают»¹.

Размеры палов и опустошения, причиняемые ими, Рычковым не преувеличены. В. И. Даль в примечании к первой части «Естественной истории Оренбургского края» Э. А. Эверсманна сообщает о степном пале протяжением в 50 км, который в 1836 году около города Троицка сжег более 300 кибиток казахов, свыше 20 000 голов скота; в огне пала погибло тогда более 70 человек различного возраста². Очевидно, в прошлом, когда Оренбургские степи были еще слабо освоены, когда поверхность их была покрыта толстым войлоком из отмерших растительных остатков, степные палы имели другой характер, чем сейчас, — они были более мощными и передвигались с большей скоростью по сравнению с современными палами. Мне лично в разное время года приходилось наблюдать горевшую степь Чкаловской области к западу и к востоку от Уральского хребта. И почти во всех случаях можно было видеть, что даже небольшая проселочная дорога служит сейчас непреодолимым препятствием для степного пала.

Рычков был противником применения степных палов. И он не оставался безучастным к тем опустошениям, которые они причиняли. О вреде степных пожаров он пишет в губернскую канцелярию, настаивает на более осторожном обращении с огнем. Вмешательство Рычкова не могло принести положительных результатов. Население видело в палах одно из средств улучшения пастбищ, а отчасти и пашни, и долгое время, по существу до тех пор, пока степи в основном не были распаханы, оно продолжало прибегать к палам.

Рычкову было известно, что степные палы, уничтожая мертвый растительный войлок, способствуют более раннему прорастанию степных трав, увеличивают густоту и высоту травостоя, и тем не менее он выступал, если не за полное запрещение, то за строгое ограничение и регулирование, палов. По его мнению, для улучшения пастбищ и пашни нужно изыскивать другие, более рациональные методы, чем употребление палов. «Сказывают, — писал Рычков, — что сжиганием тех оставшихся трав несколько утолняется пашня, и на лугах трава скорее и чище растет. Но надобно крепчайшему и лучшему быть учреждению и смотрению вообще, от всех обывателей каждого жила, когда они свои поля и луга зажигают, или совсем оное зажигание запретить; для утолнения ж земли помышлять о других способах». Он ссылается на собственный опыт: его крестьяне не прибегают к палам и тем не менее «хлеб родится и без того не хуже других мест, и в травах оскудения не бывает».

¹ Рычков П. И. О сбережении и размножении лесов, Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 6, 1767, стр. 90-97.

² Эверсманн Э. А. Естественная история Оренбургского края. ч. 1, Оренбург, 1840, стр. 17.

Та оценка степных палов, которую мы находим у Рычкова, недалеко от современных высказываний геоботаников по этому вопросу. Как известно, наряду с положительной стороны палы имеют и отрицательную: уничтожение мертвого растительного войлока и ветоши ведет к увеличению испарения с поверхности почвы, к ее иссушению, чему способствует также сдувание зимой снега с ровной поверхности степи, лишенной мертвой ветоши. Поэтому если и можно согласиться с применением палов, то только для некоторых мест, например для полупустынь и пустынь Казахстана¹, в целом же прав Е. М. Лавренко, утверждающий, что «палы являются, несомненно, весьма экстенсивной формой улучшения степных пастбищ»².

Заканчивается статья рекомендациями по уходу за лесом (очистка от валежника, рубка старого леса вблизи корней и т. д.) и предложениями по экономии древесины и замене ее изделиями из других материалов.

Статья Рычкова «О сбережении и размножении лесов» по времени своего появления в свет относится к истокам русской лесоводческой науки. Но она не была первой ласточкой в русской литературе о лесах. Вопросы сбережения и размножения лесов обсуждались тогда на страницах Трудов Вольного Экономического общества различными авторами. Особую ценность представляет значительный по объему труд А. Болотова «О рублении, поправлении и заведении лесов», первый раздел которого был напечатан в 4-й части Трудов общества в 1766 году. Однако писавшие до Рычкова авторы касались лесоустройства и лесовозобновления для центральных лесных районов страны (труд А. Болотова был написан, например, на материалах по Каширскому уезду), в то время как статья Рычкова посвящена степному лесоводству и в этой области является едва ли не первым сочинением на русском языке.

Круг научных интересов Рычкова был необычайно широк. Вскоре после переезда в деревню его внимание привлекли пчелы. И такой интерес его к ним не был случаен. Дело в том, что во времена Рычкова, как и много позже его, вокруг своеобразной, строго организованной жизни пчел складывались самые невероятные легенды. Русской научной литературы о пчелах тогда еще не было. Единственным источником о них являлись иностранные описания, наполненные больше вымыслом, нежели фактами. Придавая пчеловодству хозяйственное значение, Рычков решает сам лично изучить жизнь пчел. С этой целью он устраивает ульи со стеклянными стенками и ведет длительные, кропотливые наблюдения над пчелами. Полученные материалы он дополняет и корректирует расспросами старых пчеловодов, к опыту которых он относится с большим уважением. Результаты наблюдений Рычков оформляет в виде статьи «О содержании пчел» и публикует ее в 5-й части (1767) Трудов Вольного Экономического общества, а затем дополняет ее в виде трех «Продолжений» в 9-й (1768) и 11-й (1769) частях того же журнала.

Статья «О содержании пчел» и последовавшие за ней «Продолжения» служат яркой иллюстрацией того положения, что в своей научной деятельности Рычков выступал непримиримым врагом всякого низкопоклонства, раболепия перед иностранной наукой. Многие его наблюдения и выводы о жизни пчел шли вразрез с иностранными описаниями, и Рычков не пытался этого скрывать, прямо указывая на ошибочность иностранных источников. Некоторые лица советовали Рычкову сгладить, затушевать противоречия с иностранными источниками или даже согласовать свои выводы с работами иностранцев. Во всех таких случаях Рычков решительно возражал против любого искажения истины. Не помогло вмешательство И.И. Тауберта, бывшего тогда совместно с А.А. Нартовым редактором Трудов общества. По поводу этого вмешательства

¹ Родин Л. Е. Выжигание растительности как прием улучшения злаково-полынных пастбищ, Советская ботаника, т 14 № 3 1946.

² Лавренко Е. М. Степи СССР, Сб. «Растительность СССР», т. 2, АН СССР, М. — Л., 1940, стр. 185.

Рычков 24 мая 1767 года писал академику Штелину: «Г. Тауберт советовал мне, чтоб я сочинение мое о пчелах согласил с описанием Реомюровым и других иностранных писателей. Но мне рассудилось наперед то описать, как сие содержание у нас производится. Другие могут описать иностранные описания и примечания. Я собственными моими опытами нашел, что оные описания с натурою наших пчел не во всем сходны, что означится и в пиесе моей»¹.

Еще более определенно против преклонения перед иностранными авторитетами высказывается Рычков в «Первом продолжении о пчелах» (1768). В самом начале статьи он пишет: «Описание мое о содержании пчел, удостоенное быть в публике между Трудями Вольного Экономического общества, читавшим о сей материи одни иностранные описания, от ученых людей в свет изданные, и утверждающимся более на оных, нежели на сказках простых людей, в делах сих многолетно упражняющихся, уповаю многим и во многом показалось невероятным для того больше, что по сказкам наших пчеляков внесены в него такие обстоятельства, — кои с иностранными описаниями о пчелах очень мало сходятся: но я вносил тут с таким намерением, дабы после от времени до времени изведывать их мне чрез собственные мои примечания, надеясь еще, что по издании оного в публику, любопытные и искусные люди, в сельской жизни находящиеся, тому же будут у нас следовать, в чем я и не ошибся, ибо от разных приятелей имею известия, что они прошедшее лето, упражняясь в том, находили с оным моим описанием очень много сходственного»².

Рычков, в противоположность многим другим ученым того времени, был не только чужд, но и выступал против барского пренебрежительного отношения к народному опыту. Он справедливо считал, что сведения, получаемые от простых людей, могут привести к важным научным открытиям. «Ежели б сказания простых деревенских жителей почитались всегда недостойными внимания, — утверждал он, — то не только б в сельской экономии, но и во многих нужных вещах, не дошли б искусные и просвещенные люди до такого совершенства, о каком ныне ведаем. Правда, что без рассмотрения утверждаться и уверяться на них не надобно, но и отвергать их вовсе не надлежит. Часто случалось и случается, что одна речь, и еще ненарочно от простого человека выговоренная, была причиною самым ученым людям к полезным испытаниям и откровениям: потому не оставил я и еще внести сюда несколько крестьянских таких объявлений, кои для будущих примечаний показались мне не бесполезны»¹.

В настоящее время многие выводы Рычкова о жизни пчел кажутся наивными или же ошибочными. Но в то время, при зарождении научного пчеловодства, они сыграли большую положительную роль, вызвав появление, а иногда и став отправным пунктом для новых исследований о пчелах. Советские пчеловоды и сейчас с благодарностью вспоминают имя Рычкова. В «Календаре пчеловода», изданном в 1951 году, раздел «Выдающиеся деятели русского пчеловодства» открывается портретом Петра Ивановича Рычкова. В краткой характеристике его заслуг перед отечественным пчеловодством указывается, что он «первый в России стал изучать пчел и публиковать статьи о русском пчеловодстве», что он «открыл путь русской национальной оригинальной литературе о пчелах»².

Бывая неоднократно в Илецкой защите (крепости), Рычков хорошо изучил находящееся здесь крупнейшее месторождение каменной соли, ознакомился с природой

¹ Пекарский П. П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова, СПб., 1867, стр. 106-107.

² Рычков П. И. Первое продолжение о пчелах Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 9, 1768, стр. 1-2.

¹ Рычков П. И. Первое продолжение о пчелах, Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 9, 1768, стр. 2-3.

² Календарь пчеловода, М., 1951, стр. 138.

этого района и способами разработки соли. В 1772 году он публикует статью «Описание Илецкой соли» — первое в литературе обстоятельное описание Илецкого месторождения соли, дополненное к тому же грамотно составленным планом месторождения.

По сведениям Рычкова, илецкая соль разрабатывалась различными народами, в частности башкирами, задолго до прихода русских в Оренбургский край. Поверхность почвы усеяна озерами, возникшими на месте заброшенных разработок соли. Вода в озерах — горько-соленая, обладающая необычными свойствами. «Купающийся в ней человек подлинно далее плеч не грузнет, поджавши ноги можно на ней сидеть не касаясь дна, а на самом глубоком месте может человек стоять по шею в воде не доставая дна; да и чрез всю глубину не касаясь одного пройтись и лежать на ней спиной и брюхом свободно может, не делая никакого движения ни руками, ни ногами»¹.

Горько-соленая вода и озерная грязь признавались целебными; ежегодно к Илецкой защите для излечения болезней съезжалось много башкир и казахов².

Добыча соли производилась тогда в яме, достигавшей 63 сажен в длину и около 11 сажен в ширину. Отвесные стенки ямы на 12 аршин и более состояли из чистой соли. Техника добычи соли была самой примитивной, а труд рабочих — каторжный. «Работные люди, — сообщает Рычков, — вырубает соль топорами, у коих длинные топорища, сперва прорубают они борозды глубиною в пять четвертей, а шириною вершка в три, так, чтоб одна борозда от другой расстоянием была на аршин. Таким образом приготова несколько борозд, совокупляясь в одно место человек по 20 и по 30, сбивают соль с самой подошвы барсом (то есть особым бревном), ударяя им по несколько раз в косяк. А как косяк даст трещину, то отделяют его от подошвы соляной, запуская в него большие рычаги, коими поднявши его отваливают в сторону, в таком косяке случается пудов по триста и более, которой для тягости его разбивают они в мелкие штуки и выносят носилками к весам»³.

ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

В этой группе первое место принадлежит статье «Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия, по разности провинций кратко и по возможности изъясненные в рассуждении Оренбургской губернии» (1767). Большая по объему статья представляет ответы на 65 вопросов, предложенных Вольным Экономическим обществом читателям журнала.

Ответы Рычкова на экономические вопросы освещают всесторонне состояние сельского хозяйства в Оренбургском крае. Он описывает характер почв, состав возделываемых культур, способы обработки земли, пчеловодство, состояние лесов и лугов, домашних животных, жизнь крепостных крестьян и многое другое.

Научный уровень «Ответов» Рычкова стоит неизмеримо выше аналогичных сочинений других авторов. В этом можно легко убедиться, если сравнить статью Рычкова с помещенными в той же части Трудов Вольного Экономического общества двумя сочинениями, озаглавленными «Ответы Переславльской провинции Резанского» и «Экономические ответы Переславльской провинции Залесского». Последние напоминают скорее не научные труды, а сухие отчеты чиновников, лишённые каких-либо выводов и обобщений. Так, например, на первый очень важный вопрос о качестве земли они отвечают лишь несколькими общими фразами, в то время как Рычков дает очень близкую к действительности географию плодородия почв. При этом Рычков в какой-то мере

¹ Рычков П. И. Описание Илецкой соли, Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 20, 1772, стр. 49—50.

² Как сейчас установлено, соль-илецкие грязи обладают высокими лечебными свойствами. С 1923 г. в городе Соль-Илецке работает грязевой курорт.

³ Рычков П. И. Описание Илецкой соли, Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 20, 1772, стр. 51—52.

связывает плодородие почв с климатом, так как указывает, что «На таком великом пространстве следственно уже быть разным климатам и разному качеству земли»¹. Он правильно подмечает возрастание плодородия почв по мере движения от берегов Каспийского моря на север и северо-запад — в сторону рек Яика, Самары и Волги. Совершенно справедлив его вывод о том, что именно северные районы губернии — Уфимская, Илецкая и Ставропольская провинции — «избыточествуют самыми тучными и к хлебопашеству наиспособнейшими землями»². В целом, Рычков придерживается очень высокого мнения о плодородии почв Оренбургской губернии. «Словом сказать, — заключает он, — что Оренбургская губерния по великому множеству самых лучших и хлебных земель могла бы числиться между плодороднейшими местами во всей Российской империи, ежели б умножены были в ней прилежащие земледельцы»¹.

Говоря о возделываемых культурах, Рычков сообщает, что крестьяне Оренбургской губернии часто пшенице предпочитают рожь и овес. Такое предпочтение серым хлебом Рычков объясняет не тем, что пшеница плохо родится, а трудоемкостью этой культуры, требующей хорошей и своевременной обработки почвы, что было не под силу крепостному крестьянину. Другими словами, Рычков правильно объяснял недостаточное распространение пшеницы не тем, что крестьяне не знали ценности этой культуры, а экономической и технической отсталостью крепостного хозяйства.

Картофель во времена Рычкова был совершенно неизвестен в Оренбургской губернии. На вопрос «Сажают ли земляные яблоки, потетесы или тартофели?» Рычков отвечает, что «не только не сажают, но и совсем оные произращения в здешних местах не известны».

При характеристике культур Рычков приводит интересные сведения о перерождении одной культуры в другую. Озимая пшеница «при худой погоде перерождается в рожь, а яровая пшеница превращается в полбу. В рассуждении перерождения хлебов, сказывают земледельцы, что полба в дождливые погоды превращается в овес, а овес годом якобы в полбу пременяется. Рожь от мокрых погод перерождается в кистень, который есть трава, видом схожая на рожь, но в колосе ее весьма мало зерен, и то самые тощие; однако, во время хлебного недорода по нужде и в пищу его употребляют: она же превращается якобы и в другую траву, называемую метлицу, коя ни в какое уже употребление не годится»².

О перерождении хлебов говорится еще в одной, более ранней работе Рычкова: в «Письме о земледельстве в Казанской и Оренбургской губерниях» он приводит сведения о перерождении через 4—5 лет посевов озимой пшеницы в рожь³.

Перерождение одних видов в другие принадлежит к числу сложнейших биологических проблем. В истории науки она обсуждалась не один раз. Противоречивые высказывания по этому вопросу имели место как при жизни Рычкова, так и много позже. Чаще всего возможность перерождения видов отрицалась. В настоящее время Т. Д. Лысенко стоит на той точке зрения, что многие виды растений при соответствующих условиях могут порождаться другими видами. Установлено, например, что твердая пшеница (*Triticum durum*) может перерождаться и в мягкую пшеницу (*Triticum vulgare*) и в

¹ Рычков П. И. Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия..., Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 7, 1767, стр. 112.

² Там же, стр. 115.

¹ Рычков П. И. Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия..., Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 7, 1767, стр. 115.

² Там же, стр. 124.

³ Рычков П. И. Письмо о земледельстве в Казанской и Оренбургской губерниях, Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие, СПб., 1758, июнь, стр. 501—502.

рожь (*Secale cereale*)¹.

Содержательный ответ дает Рычков на вопрос «Много ли, как и какого содержится скота?» Казахи, кочевавшие к югу от Яика, держали скот круглый год на подножном корму, не делая никаких запасов на зимний период. Рычков подробно рассказывает о процессе тебеневки — зимнем пастбищном содержании скота. «Киргизцы (казахи. — *Ф. М.*), кроме верблюдов, лошадей и овец, и малого числа коз и коров, другого скота у себя не держат, да и сена про них не готовят. Весь их помянутой скот питается травой, летом растущей на степях, а зимою имеющейся под снегом в мерзлой земле: ибо хотя и случаются у них снега нарочитой глубины и морозы немалые, однако лошади их и прочая скотина знают, как себя прокормить, разгребая копытом снег, и добывая из-под одного траву, что называется у них тебенить, для такого подснежного корма знают и к зиме берегут они способные места, куда прикочевывая по первозимью сперва пускают они на те места конские свои табуны, а как ими снег будет протоптан, и подснежная трава от конских ног и копыт окажется, то позади конских табунов пускают они своих верблюдов, за коими следуют их коровы (но сих очень немного у них находится), а позади всех ходят стада их овечьи, и по мягкому уже снегу подбирают ту траву, коя после лошадей и другой большой скотины наруже остается. Правда, что сей подснежный корм не может быть довольным для имеющегося у них великого множества лошадей и овец: но жирные и по большей части гулящие их лошади, да и вся скотина осенним жиром и на таком подснежном корме пробавляется»². И тут же Рычков делает очень верное замечание об исключительной питательности степных и полупустынных трав, вследствие чего скот весной быстро жиреет и «утучняется».

Жизнь в деревне, повседневные занятия, связанные с ведением помещичьего хозяйства, не могли не наложить определенного отпечатка на направление научной работы Рычкова. Его все больше привлекают вопросы земледелия. Помимо уже рассмотренных выше «Ответов на экономические вопросы...», он в том же 1767 году печатает статью «Примечания о прежнем и нынешнем земледелии».

Экономические взгляды Рычкова, изложенные им в этой статье, заметно отличаются от тех, которых он придерживался раньше в «Письмах о коммерции». Если раньше основой государственного развития он считал торговлю и промышленность, то сейчас на первое место Рычков начинает выдвигать сельскохозяйственную деятельность — земледелие и скотоводство. «Земледелие и скотоводство, — по его словам, — в самом начале рода человеческого первенствующим были упражнением»¹.

Рычков неоднократно и с большой гордостью говорит об успехах России в земледелии и скотоводстве, о давней любви к этим занятиям у наших предков — славян. Горячим патриотизмом, любовью к своим предкам веет от его слов «Славны были они [славяне. — *Ф. М.*] в войнах по храбрости, славны и в коммерции, как внутренней, так и внешней, по великому их старанию в земледельстве, в содержании скота, пчел и во всяком роде домостроительства»².

Рычков не ограничивается одними общими рассуждениями о пользе земледелия и скотоводства. Его живой, деятельный ум требует активного вмешательства в экономику Оренбургского края. Богатые земельные просторы в Оренбургской губернии были тогда освоены совершенно недостаточно.

В статье «О способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии» Рычков считает возможным приучать к земледелию башкирский народ. Но он противник

¹ Лысенко Т. Д. Вид, БСЭ, т. 8, изд. 2-е, 1951, стр. 18.

² Рычков П. И. Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия..., Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 7, 1767, стр. 129.

¹ Рычков П. И. Примечания о прежнем и нынешнем земледелии, Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 6, 1767, стр. 57.

² Там же.

принудительного перевода башкир на оседлость; башкирам, по его мнению, надо показать и разъяснить пользу земледелия до такой степени, чтобы они стали им заниматься добровольно, по желанию. «Присиливать же и неволить их есть способ весьма несходной с их нравами и состоянием; но легче приводить их на то исподволь, обходясь с лучшими их людьми ласково, и толкуя им о земледельстве пристойным и вразумительным образом так, чтоб казалось оно им приятно, а не тягостно»¹.

В качестве одной из мер по «умножению» земледелия он рекомендует далее давать крестьянам определенную норму запашки и только после выполнения ее отпускать их на различные промыслы.

Вообще, по Рычкову, удел крестьянина — земледелие, в исключительных случаях (при недостатке земли) — промыслы. Что касается торговли, то она — занятие купцов, а не крестьянского сословия. Очень отчетливо эта мысль выражена им в «Наказе для управителя или прикащика, о порядочном содержании и управлении деревень в отсутствие господина». В этой статье, удостоенной золотой медали, он говорит: «В рассуждении крестьянства, для них самих и для всего общества, никакой промысел и никакое ремесло столь полезно и прибыточно быть не может, как земледелие...»².

Суждения Рычкова о значении земледелия во многом были обусловлены конкретной исторической обстановкой 60-х годов XVIII века. В это время первостепенную важность приобрела задача земледельческого освоения Оренбургского края.

В приведенных суждениях вместе с тем нашли отражение характерные для дворянской публицистики XVIII века взгляды о разном назначении сословий (дворянства, купечества, крестьянства) в государстве.

Являясь помещиком-крепостником, Рычков нигде не осуждает крепостного права. Он выступает лишь за ограничение размеров барщины, против безудержной эксплуатации крестьян. Так, указав, что некоторые крестьяне вынуждены пахать на помещика по две и более десятины с тягла, он замечает: «Человеколюбивый господин и прямо отечество свое любящий никогда управителям и прикащикам своим не велит на каждое тягло во всех полях более сего как по одной десятине, а конечно уже не больше полуторы десятины пахать, сеять и убирать».

В «Наказе для управителя» Рычков высказывает целый ряд других гуманных предложений, направленных на облегчение участи крепостных крестьян. Он противник распространенного тогда обычая женитьбы малолетних ребят на «возрастных девках»; по его мысли, помещик обязан заботиться о здоровье крестьян, в частности не должен посылать на тяжелые работы беременных женщин; на случай недорода у помещика всегда должны быть хлебные запасы для оказания ссуды бедным крестьянам.

Интересны в «Наказе» соображения Рычкова относительно искусственного лесоразведения: «Рачительные управители и прикащики в тех местах, где есть оскудение в лесах, легко могут и заводить оные сажанием, употребляя к тому таловые и ветловые колья, вбивая их в землю, которые, как всем известно, и без коренья очень легко и скоро принимаются; но ежели где земля сухая, глиновата и пещана, тут можно при первом случае и поливать оные, употребляя к тому из малолетних ребят мужеск и женск пол, ежели такой сад случится от воды не в дальности. Сию работу надежнее производить в осень, однако и весною так скоро, как снег и земля растает, не неспособно. А колья для весны по последнему зимнему пути готовить надобно. Других же родов лес (где от семян производить его искусных людей нет) для сажания можно из ближайших мест

¹ Рычков П. И. О способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии, Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 7, 1767, стр. 6—7.

² Наказ для управителя или прикащика..., Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 16, 1770, стр. 35.

доставать, выбирая на то самые маленькие деревца»¹.

Статья «Наказ для управителя» была написана Рычковым на конкурс Вольного Экономического общества под девизом «Век жить, век учиться и трудиться». Одновременно с ней на эту же тему была опубликована другая статья, автор которой скрывался под девизом «Ничто не поколеблет усердия моего к отечеству». Эта вторая статья, принадлежавшая А. Болотову, была, так же как и статья Рычкова, удостоена золотой медали Вольного Экономического общества. «Наказ для управителя» А. Болотова по объему в несколько раз превышает статью Рычкова и отличается, кроме того, большей четкостью и разносторонностью освещения многих вопросов.

УЗКОПРИКЛАДНЫЕ СТАТЬИ

Рычковым написано много статей, имеющих узкоприкладной характер. Все они преследовали цель подъема сельской «экономии», что вытекало из задач, поставленных перед Вольным Экономическим обществом. Публикуя в 5-й части Трудов (1767) три статьи: 1) «Опыты винного курения на домашней расход»; 2) «О деле юфтей»; 3) «О содержании пчел», Рычков сопровождает их письмом, в котором излагаются мотивы, побудившие его написать упомянутые статьи. «Главнейшее намерение Вольного Экономического общества, — пишет он, — к тому клонится, дабы Российской публике сообщать всякие полезные примечания я опыты, принадлежащие к приватной я государственной экономии. Члены сего общества каждой собою и совокупными силами обязаны способствовать успехам оного и народной пользе, подавая и присылая опыты свои в собрание помянутого общества на рассмотрение».

Некоторое представление о разнообразии вопросов, затронутых Рычковым в узкоприкладных статьях, дает их тематика. Среди них мы встречаем: «Опыт о козьей шерсти», «О мануфактурах из хлопчатой бумаги и из верблюжьей шерсти», «Опыт о березовой воде», «О кошениле и червеце», «О травяных корешках и семенах, пригодных к винной сидке», «О травяном пухе и о домашнем его употреблении вместо хлопчатой бумаги и проч.», «О крапивной куделе и о употреблении ее в пряжу и в другие экономические надобности», «О пряже из ветошек и тряпиц, и о употреблении оной в разные рукоделия», «О крапивном холсте» и др.

Остановимся для примера лишь на двух его статьях — на «Опыте о козьей шерсти» и «О крапивной куделе».

В «Опыте о козьей шерсти» Рычков предлагает вычесывать козий пух и использовать его для вязанья платков. Несомненно, благодаря его инициативе в Оренбургской губернии очень рано получает широкое распространение новый вид промысла — вязанье пуховых платков.

Оренбургские пуховые платки в настоящее время получили мировую известность. Основной район производства их — центральные и юго-западные районы Чкаловской области, в животноводстве которых заметную роль играет разведение оренбургской пуховой козы.

В другой статье Рычков рекомендует употреблять в хозяйстве крапивную куделю. Он ссылается при этом на опыт башкир, которые изготовляют из крапивы холст, веревки, сети и другие изделия очень высокого качества. Предложения Рычкова не лишены основания: крапива действительно является дикорастущим текстильным растением, издавна находившим практическое применение у разных народов нашей страны.

Сотрудничество в печатных изданиях Академии наук и Вольного Экономического общества принесло Рычкову заслуженную известность и признание научной общественности. Если для чиновников екатерининской России он продолжал оставаться

¹ Рычков П. И. Наказ для управителя или прикащика о порядочном содержании и управлении деревень в отсутствие господина. Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 16, 1770, стр. 51—52.

беспокойным и неугодным для канцелярской службы человеком, то передовые научные и общественные круги по праву гордились им.

Небезинтересно привести здесь ту оценку, которая была дана Рычкову еще при его жизни прогрессивным общественным деятелем, книгоиздателем Н.И. Новиковым. В «Опыте исторического словаря о российских писателях», опубликованном в 1772 году, Н. И. Новиков характеризует Рычкова следующим образом: «Рычков Петр Иванович статский советник, императорской Академии наук корреспондент и Вольного Экономического общества член; муж великого разума, искусства и знания в древностях Российских... Сей трудолюбивый и рачительный муж полезными своими трудами заслужил вечную себе похвалу»¹.

Каждый путешественник, которому случалось проезжать через Оренбургский край, вменял себе в обязанность посетить Рычкова. И так как последний почти безвыездно жил не в губернском городе, а в имении Спасском, то эта глухая деревушка перевидала у себя многих видных ученых того времени. В числе их были академики И. И. Лепехин и П. С. Паллас.

Лепехин и Паллас посетили Рычкова в селе Спасском осенью 1768 года. И тот и другой были виднейшими участниками академических экспедиций 1768-1774 годов. Маршруты их многолетних путешествий лежали через Оренбургский край, и оба они не могли не заехать к Рычкову и не воспользоваться его советами и консультациями по Оренбургскому краю.

Академические экспедиции 1768-1774 годов составили, по словам Л. С. Берга, целую эпоху в изучении России. Задачей их служило всестороннее описание природы и населения внутренних районов страны. Исследованиями была охвачена огромная территория России: вся европейская часть, Кавказ, Западная и Восточная Сибирь. К участию в экспедициях были привлечены лучшие ученые того времени, обладавшие всесторонней научной подготовкой. Путешественник должен был в одном лице совмещать зоолога и ботаника, геолога и этнографа. Этим требованиям как нельзя лучше удовлетворяли и Лепехин и Паллас.

И. И. Лепехин (1740-1802) — сын солдата Семеновского полка — был наиболее талантливым учеником Ломоносова в Академии наук. Его четырехтомные «Дневные записки», подводящие итог пятилетнему путешествию по Европейской России и Уралу, представляют самое значительное географическое сочинение последней трети XVIII века.

Лепехин прибыл в Спасское из Симбирска 5 сентября и пробыл здесь до 9-го числа. Эта встреча с Рычковым у него подробно описана в «Дневных записках». Лепехин относился к Рычкову с большой приязнью и уважением, он представлял Рычкова читателям в качестве «мужа, отменными любопытными упражнениями у нас знаменитого».

Приязнь между Лепехиным и Рычковым была взаимной. «По приезде нашем в Спасское село г. статский советник Петр Иванович Рычков принял меня с особливою благосклонностью и ласкою»¹, — сообщает Лепехин. Радужный хозяин показал Лепехину достопримечательности села Спасского и его окрестностей. Лепехин в сопровождении Рычкова осмотрел алебастровую гору, остатки медных рудников, башкирские борти в лесу. Не забыл Рычков показать гостю и свои «упражнения» над пчелами.

Обратный путь к Волге из села Спасского Лепехин проделал по долине Сока. Это направление маршрута было подсказано ему Рычковым.

Посетил село Спасское и П. С. Паллас. В описании своего путешествия Паллас отмечает, что 5 октября он прибыл в Спасское, «в котором обыкновенно живет

¹ Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях, Материалы для истории русской литературы, СПб., 1867, стр. 97—98.

¹ Лепехин И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, ч. 1, СПб., 1771, стр. 186.

прославившийся своими сочинениями и по заслугам почтения достойный господин статский советник Рычков; где я по причине ласкового принятия и весьма приятного обхождения одного преученого мужа пробыл до 11 числа сего месяца». И далее Паллас довольно подробно описывает окрестности села Спасского. «Помянутое село стоит на превеселом месте, которое окружают горные, отчасти лесом оброслые, увалы. Почти в середине села бьет большой чистый ключ и течет по белому мергелю, который примечания достоин потому, что скот его охотно ест, хотя и не находится в нем соляных частиц. В некоторых около лежащих увалах показались следы медной руды, а на одном из оных лежит наруже худая железная руда»¹.

Преклонный возраст и болезненное состояние не позволили Рычкову принять личное участие в академических экспедициях. Вместо себя он направляет в отряд Палласа своего сына Николая, имевшего чин капитана.

Учитывая прямое влияние П. И. Рычкова на научную деятельность своего сына, а также полное отсутствие работ, освещающих труды капитана Н. П. Рычкова, мы даем здесь краткую характеристику научных результатов его трехлетнего путешествия.

Николай Петрович Рычков (1746—1784), формально считаясь в отряде Палласа, совершил в 1769—1770 годах несколько самостоятельных маршрутов по Заволжью и Приуралью. Начав путешествие из Симбирска, он в 1769 году исследовал район рек Черемшана и Нижней Камы, где собрал интересный историко-археологический материал относительно царства Волжских болгар. Отсюда он выехал в Мензелинск и затем по долине реки Ика направился в сторону Оренбурга. В 1770 году он продолжал исследования в бассейнах рек Вятки и Камы, побывал в Уфе, Казани, Хлынове (древней Вятке), Соликамске, Чердыни, Кунгуре, Екатеринбурге.

15 мая 1771 года Николай Петрович, вместе со старшим братом Андреем, по поручению Палласа выехал в Орскую крепость, где присоединился к военному отряду, направлявшемуся в Киргизскую степь. Отряд имел определенные военные цели, но Николай Петрович сумел за время похода собрать ценный географический материал по мало известному тогда району Киргизских (Казахских) степей восточнее Орска — Тургайской столовой стране.

Результаты своих трехлетних путешествий Николай Петрович Рычков изложил в двух сочинениях, без задержки опубликованных в Петербурге. Первое из них носит название «Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 гг.», второе — «Дневные записки путешествия Николая Рычкова в Киргиз-Кайсацкой степе, 1771 году».

Наибольший интерес представляет первое сочинение, состоящее из двух частей. Это — объемистый труд на 322 страницах, написанный в форме дневника. Он во многом напоминает известные «Дневные записки» академиков П. Палласа, И. Лепехина и других участников академических экспедиций 1768—1774 годов. В нем дано подробное описание маршрута путешествия, отмечены характерные особенности рельефа, растительности и животного мира посещенных мест, рассказано о городах, заводах и других населенных пунктах, о населении, его занятиях и обычаях, собран археологический материал, включая планы городищ и развалин древних городов.

Труд Николая Петровича Рычкова «Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства» не потерял интереса до наших дней. Он служит прекрасным источником для восстановления ландшафтов лесостепного и лесного Заволжья и Приуралья во второй половине XVIII века.

Можно предполагать, что во второй половине XVIII века в лесостепном Высоком Заволжье сравнительно широко были распространены горные сосновые боры (на песчаниках и известняках), ныне почти не сохранившиеся. Н. П. Рычков говорит о горных

¹ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. I, изд. 2-е, СПб., 1809, стр. 148.

борах в ряде мест¹, причем указывает наличие их для таких пунктов, как истоки реки Ика (притока Камы), где в настоящее время от них не осталось и следа.

Заслуживает внимания сообщение Н. П. Рычкова о том, что хотя юго-восточные, обращенные в сторону Оренбурга, склоны Общего Сырта и безлесны, но еще многие жители помнят, что они «имели довольно различного лесу недалеко от жилищ своих»¹, который был затем истреблен.

Многие виды животных во времена Н. П. Рычкова имели другие границы распространения, чем сейчас. Например, в окрестностях города Сарапула встречалась росомаха, ныне известная лишь к северу от города Кирова; среди «главных» зверей Соликамского уезда Н. П. Рычков выделяет соболя, ближайшее островное местонахождение которого теперь находится в верховьях Печоры.

Много места Н. П. Рычков отводил описанию рельефа. Он обратил внимание на асимметрию речных долин Высокого Заволжья. По его словам, «Все реки, выходящие вершинами своими с полуденной страны Оренбургской губернии и стремящиеся на полночь, протекают большею частию подле гор. Берега на восток лежащие бывают обыкновенно исполнены крутыми и притом лесистыми горами, а те, кои лежат на западную сторону, суть пология и ровныя места так, что воды, весною разливающиеся, наводняя оные, производят тут приятные луга»².

На берегах рек Ика и Колвы Н. П. Рычковым были обнаружены и подробно описаны, с приложением плана, карстовые пещеры. Из них наиболее примечательной оказалась пещера на правом берегу Ика (притока Камы), напротив башкирской деревни Мескеу. Осматривая ее в жаркий июньский день (25 июня 1769 года), Н. П. Рычков был поражен царившим в ней холодом. «Чем далее проходил я во внутренность подземельной сей храмины, — сообщает Н. П. Рычков, — тем холод становится жесточае, и наконец, к вящему моему удивлению увидел я, что вода местами, покрывающая испод сея пещеры, покрыта столь крепким льдом, что человека на нем стоящего легко поднимает»³.

Ледяные пещеры ко времени академических экспедиций были уже известны в России. Выдающаяся по своим размерам и красоте Кунгурская ледяная пещера не раз описывалась путешественниками первой половины XVIII века. Несмотря на это, Н. П. Рычковым было сделано открытие очень редкого и любопытного явления. О том, насколько редки ледяные пещеры, можно судить по тому, что, даже по современным данным, на всем земном шаре их насчитывается около 172, в том числе свыше 30 — на территории СССР.

Н. П. Рычков более определенно, чем П.И. Рычков, высказывается за естественное происхождение пещер. По его мнению, «кажется справедливее приписать сотворение пещер воде внутри земли текущей, нежели людям, которые столь мало ими пользоваться могли»¹.

Н. П. Рычков не ограничивается констатацией существования ледяных пещер, он тут же пытается объяснить их возникновение. Причину холода он видит в свойствах горной породы, в которой заложена пещера. Мягкий алебастр якобы зимой впитывает холодный воздух, а затем летом постепенно отдает его, препятствуя прогреву пещерного воздуха. По той же причине пещеры, заложенные в «крепком» камне (известняках, доломите), не могут являться холодными, и тем более ледяными.

¹ Рычков Н. П. Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 гг., СПб., 1770, стр. 24, 113.

¹ Рычков Н. П. Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 гг., СПб., 1770, стр. 117.

² Там же, стр. 28.

³ Там же, стр. 95.

¹ Рычков Н. П. Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 гг., СПб., 1771, стр. 99.

При всей оригинальности изложенной гипотезы Н. П. Рычков был далек от понимания действительных причин возникновения ледяных пещер. В данном случае низкая температура воздуха и наличие озерного льда объясняются тем, что пещера была слепой, мешкообразной формы, со входом, расположенным выше основной пещерной полости, вследствие чего в пещере создавались условия для застоя холодного зимнего воздуха.

Открытая Н. П. Рычковым ледяная пещера вскоре была забыта. Ни сама пещера, ни имя ее открывателя не упоминаются в работе Г. А. Максимовича «Пещерные льды», в которой дается обзор ледяных пещер всего земного шара².

Пещера, описанная на берегу Колвы, интересна своими натечными образованиями. Она возникла не в мягком алебастре, а в «диком», твердом камне. «Он [камень. — Ф. М.] примет различные виды от истекающих с поверхности его водяных капель, которые, садясь на твердой камень, превращаются в горный жир, и окаменев составляют различные удивления достойные вещи. Инде слились они наподобие искусством сделанного столба, инде висят наверху храмины, как свечи из белого воска, нарочно будто поставленные для освещения храмины»¹.

В нескольких местах — в бассейнах рек Ика и Вятки — был обнаружен каменный уголь. Находкам его Н. П. Рычков не придавал большого значения, так как посещенные места еще были богаты лесом, а эксплуатация угля вследствие бездорожья практически не представлялась возможной.

С большим вниманием присматривался Н. П. Рычков к жизни простого народа. Без барского высокомерия, искренне и любовно пишет он о занятиях и нравах черемисов (марийцев) и вотяков (удмуртов). «Они хорошие земледельцы, пчеляки и скотоводцы, притом весьма рачительны в делах хозяйства»², — сообщает Н. П. Рычков о марийцах. Еще более высокую оценку он дает удмуртам: «Есть ли имя трудолюбивых земледельцев приписуется в честь народам, то вотяки поистине могут быть достойными имени сего: ибо я могу смело сказать, что нет в Российском государстве ни одного народа, могущаго с ними сравниться в трудолюбии»³.

С душевной болью наблюдает Н. П. Рычков исключительную бедность русского населения Вятской провинции, где крестьяне вынуждены питаться вместо хлеба корой пихты. «Возмужавшим людям пища сия [«хлеб» из пихтовой коры. — Ф. М.] не столько вредна: но жалостно видеть бедных младенцев, оным же питающихся. На лицах их написана бледность и безсилие, приводящая в жалость каждого смотрящего на них»¹. В качестве одной из мер по улучшению жизни крестьян Н. П. Рычков предлагает

² Максимович Г. А. Пещерные льды. Изв. Всесоюзн. Географического об-ва, т. 79, вып. 5, 1947.

В 1949 году ледяная пещера на правом берегу Ика была вторично «открыта» Б. В. Васильевым, который, описывая пещеру, никаких ссылок на Н. П. Рычкова не делает (Б. В. Васильев. О некоторых закономерностях карстопроявлений в бассейне реки Ик. Доклады АН СССР, т. LXV, № 4, 1949). На дне пещеры Б. В. Васильев 15 сентября 1948 года обнаружил слой льда толщиной в 20 см. На повторное «открытие» ледяной пещеры Н. П. Рычкова в статье Б. В. Васильева наше внимание обратил А. В. Ступишин в частном письме.

¹ Рычков Н. П. Продолжение журнала или дневных записок путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 году, СПб., 1772, стр. 119.

² Рычков Н. П. Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 гг., СПб., 1770, стр. 94.

³ Там же, стр. 163.

¹ Рычков Н. П. Продолжение журнала или дневных записок путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г., СПб., 1772, стр. 65.

переселение народа из Вятской провинции в Оренбургскую губернию, на плодородные черноземные почвы.

«Дневные записки путешествия капитана Рычкова в Киргиз-Кайсацкой степе» невелики по объему (104 стр.) и не так содержательны, как предыдущее сочинение. И в этом нет ничего удивительного, так как путешествие в Киргиз-Кайсацкую степь было кратковременным (менее двух месяцев) и неожиданным для самого Рычкова. В апреле 1771 года из Орска в Киргиз-Кайсацкую степь отправлялся военный отряд. К этому отряду для описания Киргиз-Кайсацких степей и присоединился Н. П. Рычков. Научные наблюдения он был вынужден вести во время непрерывных изнурительных переходов, и поэтому его наблюдения не могли не быть отрывочными и неполными.

Путь отряда лежал из Орска на юго-восток, к рекам Иргизу и Тургаю. Судя по дневнику Н. П. Рычкова, эта часть казахских степей и тогда была такой же безлесной и сухой, как и сейчас. На всем пути от Орска и до Тургая большой редкостью был даже низкорослый тальник.

«Дневные записки» содержат много сведений по геологическому строению и полезным ископаемым этой части казахских степей (Тургайской столовой страны). Для бассейна Камышлы указываются золото и мощные залежи мрамора, который по качеству «не уступает белому мрамору, находящемуся в Италии в горах той земли»².

Богатый материал собран также о реках и пресных и соленых озерах края. Н. П. Рычкову удалось подметить и некоторые характерные черты речной сети Тургайской столовой страны. Река Иргиз, по словам путешественника, «достойна примечания в рассуждении течения своего: ибо она по большей части течет так же озерами, как и река Камышла, коя инде скрываясь в землю составляет источники, подобные озерам. Такого свойства почти все реки, находящиеся в сей части степи»³.

Несмотря на быстроту передвижения, Н. П. Рычков успевал отмечать наиболее характерные и редкие виды растений и животных, а в некоторых местах, например в бассейне Иргиза, собирал гербарий. В долине реки Ор и по ее притокам его поразило обилие диких свиней (кабанов), вблизи устья речки Кайраклы «видимы были повсюду великие стада сайгаков», в Ара-Карагайском бору, к северу от реки Улкиак, обитало «великое множество медведей и лисиц».

25 мая 1771 года, на пути в Усть-Уйскую крепость, у источника Кара-Кундус путешественники целый день пробыли на одном месте «по причине ужасной бури, с дождем и снегом соединенной»¹.

Достигнув после больших лишений Оренбургской пограничной линии, Н. П. Рычков заболел и только в августе 1771 года смог выехать в новый маршрут для изучения Башкирии, в частности нижнего течения реки Демы, вершины которой им были осмотрены в 1769 году.

Знакомство с трудами Н. П. Рычкова не оставляет сомнений в том, что он успешно справился с возложенной на него Академией наук задачей комплексного географического описания Заволжья и Приуралья. Нельзя не удивляться этому, так как Н. П. Рычков был тогда еще совсем молодым человеком (23—25 лет) и к тому же не имел специального естественно-исторического образования. Высокий научный уровень «Дневных записок» находит объяснение не только в личном даровании его автора, но и в том, что воспитателем и учителем путешественника был выдающийся географ своего времени — Петр Иванович Рычков. Можно предполагать, что Петр Иванович принимал участие в редактировании «Дневных записок» своего сына и уж несомненно просматривал их перед

² Рычков Н. П. Дневные записки путешествия в Киргиз-Кайсацкой степе, 1771 г., СПб., 1772, стр. 11.

³ Там же, стр. 15—16.

¹ Рычков Н. П. Дневные записки путешествия в Киргиз-Кайсацкой степе, 1771 г., СПб., 1772, стр. 85.

отправкой в Петербург.

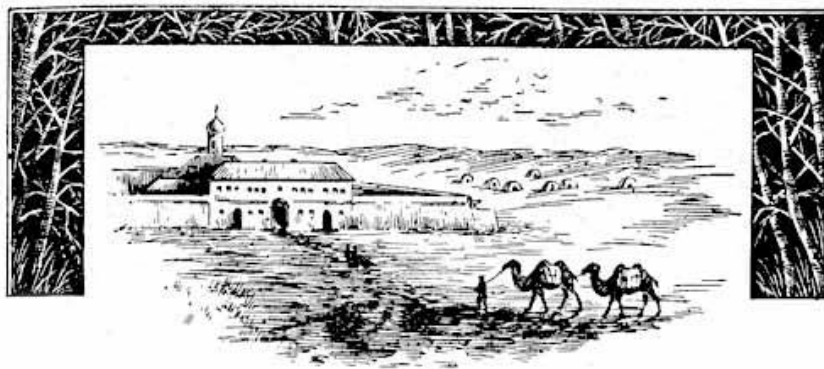
Приходится сожалеть, что научная деятельность Н. П. Рычкова заканчивается в 1771 году. В дальнейшем он ведет жизнь ничем не примечательного чиновника — директора Ахтубского «шелкового завода», расположенного вблизи Царицына. Умер Н. П. Рычков в 1784 году, в возрасте 38 лет.

* *
*

В 1770 году исполнилось десять лет пребывания П. И. Рычкова в селе Спасском. Близился к концу шестой десяток жизни. Еще недавно живой и энергичный, Рычков к концу 60-х годов превратился в старика, отягощенного физическими недугами. Но еще больше, чем физические недуги, беспокоили его денежные дела. Расходы на взрослых и подрастающих детей не уменьшались, а увеличивались. Попытки устроиться на службу не прекращались, но долгое время они оставались тщетными. И когда 8 февраля 1770 года Рычков получил назначение на должность главного правителя Оренбургских соляных дел, то он был искренне рад и этой скромной должности.

Сразу же после назначения на службу Рычков переезжает в Оренбург. Десятилетняя жизнь в Спасском, наполненная напряженной творческой работой, осталась позади. Впереди — старость, государственная служба ради небольшого жалованья и новые научные труды.

Глава 5. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ. ПОСЛЕДНИЕ ТРУДЫ

Старость у Петра Ивановича Рычкова была беспокойной. После десятилетнего перерыва почти заново пришлось устраиваться на жительство в городе Оренбурге.

Местное начальство не жаловало благосклонностью и не ценило заслуг ученого. Оно во всем следовало губернатору Рейнсдорпу, проявлявшему к Рычкову открытое недоброжелательство.

Служба в управлении соляных дел отнимала много времени. Приходилось выезжать на место разработки соли — в Илецкую Защиту, расположенную в 70 верстах на юг от города Оренбурга.

Илецкая Защита, где приходилось Рычкову бывать по делам службы, представляла даже по масштабам того времени очень небольшую крепость, или, как выражается Рычков, «крепостцу». Указ о ее застройке был издан в 1753 году, когда правительством была запрещена свободная добыча соли и местное население вынуждено было платить за соль непомерно высокую казенную цену — 35 копеек за пуд. В крепости, обнесенной деревянным забором (оплотом), размещалась рота солдат пехотного полка и работало на добыче соли до двухсот и более человек. Помимо казарм для солдат и жилых помещений для рабочих, в крепости имелись еще только один провиантский магазин и одна церковь. Такова была тогда Илецкая «крепостца», на месте которой сейчас стоит город Соль-Илецк — значительный промышленный и культурный центр Чкаловской области.

В итоге неоднократных посещений Илецкой Защиты появился труд Рычкова — «Описание Илецкой соли» (1772). Разбор его был сделан нами в предыдущей главе.

Последние 15 лет жизни Рычков провел в «просвещенное» царствование Екатерины II. Неприкрытая дворянская крепостническая диктатура достигает при ней наивысшего развития. Число крепостных при Екатерине II росло из года в год. Миллионы крестьян находились в собственности помещиков, подвергались самой безудержной эксплуатации.

Крепостные по существу были превращены в рабов, помещик их не только эксплуатировал, но и чинил над ними свой суд и расправу. В ряде своих работ Рычков рисует это тяжелое, бесправное положение крестьян. «При употреблении в господские работы тягловых крестьян, — пишет он в «Наказе для управителя», поступается у нас по произволению помещиков. Есть такие строгие, что крестьянам своим одного дня на себя работать не дают, а давая всем их семействам месячной провиант, употребляют их без изъятия на господские работы повседневно. У иных четыре дни в неделе работают на помещика, а три дни с воскресеньем оставляется им. Кой-ж умеренно их содержат, у тех по три дни на помещика, и столько же дней на себя работают, а воскресенье оставляется на отдых; но пашня более уроками исправляется. У некоторых пашут с лишком по две, у других по две, по полторы и по одной десятина на тягло»¹.

¹ Рычков П. И. Наказ для управителя или прикащика о порядочном содержании и управлении деревень в отсутствие господина, Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 16, 1770, стр. 26—27.

Ответом на все более усиливавшийся гнет крепостничества явилось массовое бегство крестьян от помещиков и не прекращавшиеся волнения. О размахе крестьянских волнений можно судить по тому, что только за одно десятилетие — с 1762 по 1772 год — насчитывалось до 40 крупных выступлений крестьян, для подавления которых потребовалось привлечение военной силы².

В 1773—1774 годах эти волнения переросли в настоящую крестьянскую войну под руководством Емельяна Пугачева против крепостнической империи Екатерины II. Зародившись на Яике, крестьянская война, как степной пал, пронеслась по деревням и городам Заволжья, Южного Урала, Поволжья. В войну втягивались все новые массы обездоленных людей — крепостные крестьяне, работные люди с уральских заводов, башкиры, чуваша. Один за другим города Поволжья переходили в руки восставших крестьян. Царицын, Саратов, Самара, Пенза, Казань — все они видели на своих улицах крестьянскую армию Пугачева.

Длительной осаде зимой 1773/74 г. подвергся город Оренбург. Умно организованной осадой Оренбурга руководил сам Пугачев, ставка которого долгое время находилась в пригородной слободе Берды.

Осада Оренбурга началась осенью, в первых числах октября. Положение осажденных вскоре стало тяжелым. Не только у гражданского населения, но и у военной администрации не было уверенности, что крепость со дня на день не будет взята. Военные вылазки гарнизона, как правило, заканчивались неудачей. Крепость обстреливалась артиллерией, пригород — Казачья слобода — была сожжена. Вокруг Оренбурга, на виду осажденных разъезжали отряды участников крестьянской войны. Они перехватывали обозы с продовольствием, направлявшиеся в Оренбург, и среди осажденных начался голод. Цены на продукты выросли настолько, что они стали недоступными для основной массы населения осажденной крепости.

А. С. Пушкин, изучивший подробным образом материалы по осаде Оренбурга, и в числе их — летопись Рычкова, в следующих словах описывает бедственное состояние жителей осажденного Оренбурга:

«Положение Оренбурга становилось ужасным. У жителей отобрали муку и крупу, и стали им производить ежедневную раздачу. Лошадей давно уже кормили хворостом. Большая часть их пала и употреблена была в пищу. Голод увеличивался. Куль муки продавался (и то самым тайным образом) за двадцать пять рублей. По предложению Рычкова (академика, находившегося в то время в Оренбурге¹), стали жарить бычачьи и лошадиные кожи и, мелко изрубив, мешать в хлебы. Произошли болезни. Ропот становился громче. Опасались мятежа»¹.

Находясь вместе с семьей в Оренбурге, Рычков стойко переносил все тяготы осадной жизни и, что замечательнее всего, не прекращал научной работы. Он вел подробную запись всем событиям в осажденной крепости и таким образом готовил материал для будущей работы об осаде Оренбурга. Одновременно с этим Рычков прилагал все усилия к тому, чтобы помочь голодающему населению. Он изыскивал способы замены хлеба и мяса, предлагал рецепты изготовления съедобных продуктов из сохранившейся в городе животной кожи и т. д. Правда, не все рекомендации Рычкова в этом направлении оказались удачными, что можно видеть из слов Пушкина, приведенных выше.

В конце зимы (в марте) 1774 года Пугачев прекратил шестимесячную осаду Оренбурга. Вскоре после снятия осады стало известно о разорении имения Спасского, где вторично погибла большая часть библиотеки Рычкова. Еще более тяжелая весть пришла

² Лященко П. И. История народного хозяйства СССР, т. 1, изд. 2-е, 1950, стр. 424.

¹ Пушкин здесь и в других местах ошибочно называет Рычкова академиком, а не членом-корреспондентом Академии наук.

¹ Пушкин А. С. История Пугачева, Сочинения, 1949, стр. 678.

из Симбирска: в боях был убит старший сын Рычкова — Андрей. При встрече с Пугачевым, когда тот уже находился под стражей в Симбирске, Рычков не преминул поставить ему в вину гибель сына.

Живой свидетель крестьянской войны, в частности осады Оренбурга, Рычков как ученый не мог пройти мимо этого события. С присущей ему добросовестностью он описывает весь ход осады Оренбурга и приводит в рукописи много интересных данных о ходе крестьянской войны в целом. Много лет спустя, в 1834 году, А. С. Пушкин, издавая «Историю Пугачева», опубликовал и «Осаду Оренбурга» Рычкова. «Осада Оренбурга», или «Летопись Рычкова», занимает почти всю вторую часть «Истории Пугачева» Пушкина (246 страниц из 336). К основному тексту «Летописи Рычкова» присоединены также три «Прибавления» к ней, написанные тем же автором.

Рычков в своей «Летописи» дает более или менее беспристрастное описание событий. Пушкин во второй редакции Предисловия к «Истории Пугачева» следующим образом отзывается о Рычкове и его рукописи: «Трудолюбивый Рычков, автор «Оренбургской топографии» и многих других умных и полезных изданий, оставил любопытную рукопись о сем времени. Я имел случай ею пользоваться. Она отличается смиренной добросовестностью в развитии истины, добродушным и дельным изложением оной, которые составляют неоценимое достоинство ученых людей того времени»¹.

Говоря о беспристрастности и добросовестности Рычкова при изложении осады Оренбурга, не следует забывать, что для Рычкова-помещика, сторонника крепостного права, Пугачев всегда оставался «разбойником» и «вором». Рычков в своих работах нигде не поднимался до критики крепостного права, а поэтому и в крестьянской войне Пугачева он видел только бунт и «душегубство», а не законное стремление эксплуатируемых людей к свободной жизни.

Работа над «Осадой Оренбурга» и другими исследованиями по истории крестьянской войны окончательно поссорила Рычкова с оренбургским губернатором. Должность губернатора в то время исполнял недалекий и чванливый немец Рейнсдорп. С непоколебимой убежденностью тупицы он воображал, что имеет право, если не контролировать и направлять научную работу Рычкова, то уж во всяком случае требовать от него безудержных восхвалений по поводу своих администраторских и военных «талантов».

Но единственным «талантом», которым обладал Рейнсдорп, это был талант бездарности. В самом деле, чего стоит военная деятельность этого губернатора, если он во время осады Оренбурга не мог придумать ничего другого для борьбы с пугачевцами, как расставить вблизи крепостного вала... капканы и ловить в них восставших. «Сами осажденные, — писал об этом А. С. Пушкин, — смеялись над сею военной хитростью, хотя им было не до смеха»².

Рычков отличался большой принципиальностью в научной работе. Он не побоялся пойти на открытый конфликт с губернатором, только чтобы в своих исторических сочинениях не исказить действительности, не подправлять ее в интересах бездарной администрации.

Первые столкновения с губернатором Рейнсдорпом начались вскоре после переезда Рычкова в Оренбург. Рычков в 1771 году имел смелость отправить в Академию наук, не спросив разрешения у губернского начальства, одно историческое сочинение с описанием событий, недавно имевших место в Оренбургской губернии. Прослышавший об этом Рейнсдорп в январе 1772 года пишет в Академию наук на имя Миллера письмо, состоящее сплошь из грубых выпадов против Рычкова. В изображении Рейнсдорпа научные труды Рычкова являются безвкусной компиляцией, а у самого Рычкова «неограниченное

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, т. 8, АН СССР, М. — Л., 1951, стр. 475.

² Пушкин А. С. История Пугачева, Сочинения, 1949, стр. 678.

себялюбие есть любимая страсть». Сравнив далее Рычкова с Тартюфом, Рейнсдорп вынужден был однако тут же признать за Рычковым недюжинный ум: «Впрочем я отдаю всю справедливость его, хотя и невосделанному, уму»¹.

Рычков, как это было ему ни трудно, старался не обращать внимания на гнев губернатора. Попрежнему при составлении исторических работ он меньше всего думал советоваться с ограниченным Рейнсдорпом. Вполне самостоятельным, далеким от чьего-либо влияния исследователем показал он себя в «Осаде Оренбурга» и в некоторых других материалах по истории крестьянской войны. Рычков в ряде случаев был вынужден высылать свои рукописи в Петербург без предварительного ознакомления с ними губернатора.

Прослышав о таком «самоуправстве» Рычкова, взбешенный Рейнсдорп 16 октября 1774 года пишет Миллеру: «Г. Рычков получил от меня и других генералов все материалы для пугачевской истории. Действительно он написал ее и показывал разным лицам, но для меня его хартия до сих пор остается тайною, из чего я с уверенностью вывожу, что он, по своему обыкновению, наполнил ее сказками и лжами»².

Из писем Рычкова к Миллеру мы узнаем действительные причины вражды к нему оренбургского губернатора. 29 мая 1774 года Рычков писал: «Я с моей стороны все способы употребляю привлекать к себе благосклонность его превосходительства Ивана Андреевича (Рейнсдорпа. — Ф. М.); но сей, весьма мною любимый человек отвращаем бывает людьми, суще не достойными его милости, привыкшими к самолюбию и ласкательству. Я не могу быть таков, как они, и никогда таким не бывал: черное не называю белым. Вот вам, любезный мой друг и милостивец, причины тому, для чего я часто выдерживаю огорчения и возбуждаю противу себя ненавистников добру»¹.

Миллер был склонен считать Рычкова в какой-то мере виновным в этой вражде к нему оренбургского губернатора. В письмах к Рычкову он делал намеки по этому поводу и предлагал ему быть более сговорчивым с Рейнсдорпом. Неуместное посредничество Миллера встретило со стороны Рычкова суровую отповедь. В этом отношении показательно его письмо к Миллеру от 19 февраля 1775 года: «Вы, милостивый государь мой, многожды уже делали мне напоминания к согласию, которое я всегда наблюдал и наблюдаю; нынешнее ваше письмо и увещание, чтоб я не созидал моего счастья ко вреду других, довольно уже дает мне знать, в рассуждении ково изволите писать. Я по крайней моей возможности стараюсь сохранять честь всех людей, а наипаче тех, от коих я еще и одолжен бывал; но рассудите, милостивый государь мой, чего нет, можно ли сказать, что оно есть, и что есть, можно ли выговорить, что нет? Я во всю мою жизнь ласкателем и клеветником не бывал, держусь справедливости и резону во всех моих поведениях»².

Следует подчеркнуть корректное поведение Рычкова по отношению к Рейнсдорпу. Если последний, как мы видели, пользовался любым случаем, в том числе и частной перепиской, чтобы очернить Рычкова, снабдить его имя самыми обидными эпитетами, то Рычков нигде не позволил себе сделать ни одного резкого замечания в адрес Рейнсдорпа. Даже в семейных «Записках», совсем не предназначавшихся для печати, Рычков, упоминая не один раз губернатора Рейнсдорпа, ни одним словом не обмолвился о своей к нему неприязни. Да и едва ли Рычков мог иметь что-нибудь личное против Рейнсдорпа. Вся его «вина» состояла в том, что он отказывался ставить свою научную работу под контроль губернского начальства. Но уже и этого было достаточно для того, чтобы заставить Рейнсдорпа помышлять в 1775 году о своем отзыве со службы и отъезде из

¹ Пекарский П. П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова, СПб., 1867, стр. 131.

² Там же, стр. 145.

¹ Пекарский П. П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова, СПб., 1867, стр. 141.

² Там же, стр. 150.

Оренбурга, если он только не избавится от «нелепого Рычкова»¹.

Более чем натянутые отношения с Рейнсдорпом не могли не затруднять научной работы Рычкова. И тем не менее Рычков продолжал не покладая рук трудиться. В начале 1773 года его избирают в члены Вольного Российского Собрания при Московском университете. В это время Рычков находился в Москве, и торжественное избрание в члены Собрания состоялось в его присутствии.

Не в привычках Рычкова было числиться в списках какого-нибудь общества или комиссии и не проявлять при этом активной деятельности. Через год после вступления в члены Вольного Российского Собрания при Московском университете он на средства этого Собрания печатает в Москве «Введение к Астраханской топографии». Небольшая по объему (76 печатных страниц) работа эта выполнена как историческое исследование. Содержание работы раскрывается в ее полном названии: «Введение к Астраханской топографии, представляющее в первой части разные известия о древнем состоянии сей губернии и обитавших в ней народов; а во второй — о покорении сего царства под державу российских монархов».

* *
*

Здоровье Рычкова с каждым годом ухудшалось. В довершение ко всему 13 февраля 1775 года с ним произошел несчастный случай. Выходя из Оренбургской губернской канцелярии, Рычков поскользнулся, упал на пороге и так повредил правую ногу, что пролежал несколько дней дома без движения. Острые боли не прекращались; весь 1775 год он чувствовал себя плохо, и «хотя, — как пишет он о себе, — и выезжал для присутствия к порученным мне делам, но всегда с великим трудом, ибо на ту больную мою ногу еще поныне иначе приступить не могу, как точно слегка подпираясь под пазуху длинным костылем, а с другой стороны поддерживаем человеком»².

Казалось, болезнь окончательно вывела Рычкова из строя. Инвалид, почти потерявший способность к передвижению, он с трудом исполнял служебные обязанности, и можно было бы предполагать, что для научной работы у него не оставалось уже ни времени, ни сил. Тем более удивительной представляется нам его кипучая и плодотворная деятельность в эти последние годы жизни. Он оставался полон замыслов и проектов. Труженик, он испытывал внутреннюю неудовлетворенность, если не отдавал все свое свободное время работе над очередным научным трудом. Поэтому так характерна для Рычкова следующая запись его в семейных «Записках», подводящая итог событиям за 1776 год: «Впрочем домашнее мое упражнение состояло большею частью в сочинении топографического словаря на всю Оренбургскую губернию»¹.

Идея создания топографического (географического) словаря Оренбургской губернии возникла у Рычкова после ознакомления с только что опубликованным в Москве географическим словарем Ф. А. Полунина (1773). Словарь Полунина имеет длинное название даже для книг XVIII века: «Географический лексикон Российского государства или словарь, описующий по азбучному порядку реки, озера, моря, горы, города, крепости, знатные монастыри, остроги, ясашные зимовья, рудные заводы и прочие достопамятные места обширной Российской империи, с объявлением и тех мест, которые в прежнюю и нынешнюю Турецкую войну, а некоторые преж того и от Персии российскою храбростью овладаемы были, из достопамятных известий собранный коллежским асессором и города Вереи воеводою Федором Полуниным, а с поправлениями и пополнениями для пользы

¹ Пекарский П. П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова, СПб., 1867, стр. 150.

² Записки Петра Ивановича Рычкова. Русский архив, кн. 3 М 1905, стр. 338.

¹ Записки Петра Ивановича Рычкова. Русский архив, кн. 3, М., 1905, стр. 339.

общества в печать изданный трудами и с предисловием... Герарда Фредерика Миллера». Лексикон Полунина представляет первый в России опубликованный географический словарь². Рычков сразу же после выхода его в свет оценил все важное значение таких географических трудов и пошел еще дальше — увидел необходимость составления не только общероссийских, но и местных, губернских географических словарей (лексиконов).

К работе над географическим словарем Оренбургской губернии Рычков приступил в конце 1775 или, быть может, в самом начале 1776 года. Это видно из его письма к Миллеру от 28 января 1776 года. В письме говорится: «Мне рассудилось вместо прибавления к вашему географическому лексикону¹ собрать особливой на здешнюю губернию лексикон так, чтоб ни едино жительство и обстоятельство, примечания достойное, упущено в нем не было... и я разослал уже во все присутственные здешние места справки о присылке потребных к оному известий»².

Составляя географический лексикон Оренбургской губернии, Рычков не собирался следовать уже готовым образцам. Да этого он и не мог сделать, так как региональных географических словарей тогда еще не существовало. Рычкову предстояло выступить пионером и в этом деле. По его замыслу, «Сей одной здешней губернии лексикон может служить образчиком и для других губерний». Текст словаря он предполагал снабдить набором ландкарт, что впоследствии не было выполнено.

Начинание Рычкова вместо поддержки встретило прямое противодействие со стороны оренбургского чиновничьего мира. И хотя оренбургский губернатор формально был вынужден поддерживать инициативу Рычкова, в действительности же он, будучи враждебно настроен по отношению к Рычкову, не оказывал ему никакого содействия в сборе материала для лексикона. Вскоре Рычков был принужден обратиться в Академию наук за помощью. 4 февраля 1776 года он писал туда, что хотя сбор материала для лексикона он и начал с согласия губернатора, но «есть уже здесь беспокойные головы, которые почитают сие за ненадобное дело, служащее к отягощению люда». Поэтому он просит Академию наук написать письмо губернатору, чтобы тот содействовал составлению лексикона и «не допускал бы беспокоить меня от такой негодной и вредной критики. Слышу, что здешний прокурор принимает в ней участие, слушая приказных служителей самых подлых душей. Вот каковы здешние обстоятельства и как помогают полезным делам»¹.

Несмотря на все трудности, работа над словарем подвигалась быстро, и уже 8 декабря 1776 года Рычков отправил генерал-прокурору А. А. Вяземскому первую часть словаря на буквы от А до М. В феврале следующего года (1777) лексикон был закончен полностью. Переписанный в нескольких экземплярах, лексикон был направлен в Петербург разным лицам, и в числе их — Екатерине II, которая, одобрив его, распорядилась выдать Рычкову денежное вознаграждение.

«Лексикон Оренбургской губернии» Рычкова не был опубликован. Рукопись его долгое время считалась затерянной. П. Пекарский в 1867 году сообщал, что часть «Лексикона» хранится в имении Д. В. Поленова. «Уцелел ли еще где-нибудь полный

² Еще раньше, в 1745 г., был написан историко-географический «Лексикон» Татищева, долгое время (до 1793 г.) остававшийся в рукописи. О «Лексиконе» Татищева Рычков был также знаком (см. выше, гл. 3).

¹ Здесь Рычков имеет в виду лексикон Полунина, к которому Миллер написал дополнения и предисловие.

² Пекарский П. П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова, СПб., 1867, стр. 151.

¹ Пекарский П. П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова, СПб., 1867, стр. 152.

список последнего трудна его, неизвестно»², — писал П. Пекарский о «Лексиконе».

Совсем недавно полная рукопись «Лексикона» была обнаружена историком П. Е. Матвиевским³ в архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР (фонд Воронцовых, 521/442). Благодаря этой находке мы получили возможность ознакомиться с последним капитальным трудом Рычкова в области географии⁴.

«Лексикон» Рычкова представляет рукопись хорошей сохранности на 512 листах, в переплете. Рукопись легко читается: она переписана разборчивым писарским почерком, без помарок и исправлений. Карт или других иллюстраций в рукописи нет.

В том же архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР имеется второй экземпляр рукописи «Лексикона», оканчивающийся на букве М. Это тот экземпляр «Лексикона», который был выслан Рычковым 8 декабря 1776 года генерал-прокурору А. А. Вяземскому, о чем свидетельствует соответствующая дата окончания рукописи и особое посвящение ее генерал-прокурору.

Вся первая страница рукописи занята ее названием, которое гласит: «Лексикон или словарь топографической Оренбургской губернии, в котором описаны все города, крепости, редуты, пригороды, остроги и селения, находящиеся во оной губернии, со внесением туту морей, знатнейших озер, рек, мест урочищ, внутри ея и смежно с нею лежащих, и как в Азию, так и в Европу простирающихся, разные народы, дворянские фамилии, знатные особы, отменные от других великороссийских мест звери, птицы, продукты, вещи и товары, кои по делам и по комерции сей губернии и ведению принадлежат». Собран и в алфавитный порядок приведен в Оренбурге по Экспедиции пограничных и иностранных дел.

В «Лексиконе» в алфавитном порядке изложены самые разнообразные — географические, исторические, экономические — сведения об Оренбургской губернии. В нем описаны реки, озера, горы, полезные ископаемые, животные, города, заводы, крепости, народности, населяющие губернию, выдающиеся деятели, как И. Кирилов, В. Татищев, И. Неплюев и др. Много внимания в «Лексиконе» отводится истории Оренбургского края. Характеристике некоторых наиболее важных объектов губернии посвящены целые статьи. Например, описание города Оренбурга занимает 6 страниц рукописи.

«Лексикон или словарь топографической Оренбургской губернии» Рычкова является первым в России региональным географическим словарем, посвященным отдельной губернии. Такие печатные губернские географические словари, вообще немногочисленные, стали появляться в России намного позже, а именно во второй половине XIX века¹.

К сожалению, некоторая поспешность в составлении «Лексикона» сказалась на его качестве. Большая часть природоведческого материала — характеристика гор, озер, животных и т. д. — представляет дословный пересказ текста «Топографии Оренбургской».

Более оригинальным является в «Лексиконе» статистический и экономико-географический материал. Сведения о городах, крепостях, заводах и других населенных пунктах даны с учетом тех изменений, которые произошли за последние 15 лет, отделяющие «Лексикон» от «Топографии Оренбургской».

Для примера попробуем сравнить описание города Оренбурга в «Топографии

² Там же, стр. 154.

³ Матвиевский П. Е. К истории изучения географии и производительных сил Оренбургского края по рукописям и архивным документам XVIII века. Изв. Чкаловского отдела Географ. об-ва, вып. 2, 1948, стр. 77.

⁴ Краткая характеристика и оценка «Лексикона» Рычкова была дана в нашей статье, посвященной 175-летию со дня смерти Рычкова.

¹ Кауфман И. М. Русские географические словари, Вопросы географии, сб. 4, 1947.

Оренбургской» и в «Лексиконе»¹.

Между ними есть много общего, вплоть до полного совпадения текста, но есть и существенные различия, отражающие изменения в облике и экономике губернского центра за промежуток времени между 1760 и 1777 годами. Казачьей слободы, примыкавшей к городу, в 1777 году уже не существовало: ее сожгли во время осады Оренбурга Пугачевым. В городе появились новые здания: «изрядный» каменный дом, в котором помещались провиантская комиссия и главное соляное правление, каменные казармы для офицеров гарнизона, деревянная лютеранская церковь — десятая по счету церковь в городе Оренбурге. Значительно выросла в городе купеческая прослойка: в 1760 году записанного в оренбургское гражданство купечества было только 29 душ, а в 1777 году — 2 061 человек, в том числе 1 986 торговых татар. С ростом города все более и более ощущался недостаток в лесе — топливе и строительном материале. За 17 лет стоимость дров в Оренбурге выросла в три раза: сажень трехполенная в 1760 году стоила 70-90 коп., а в 1777 году — цена той же сажени дров составляла 2,5-3 рубля.

В то же время характеристика многих других населенных пунктов осталась в «Лексиконе» той же, что и в «Топографии Оренбургской». Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с описанием Орской крепости: в «Лексиконе» в него не внесено ни одной новой фразы по сравнению с «Топографией».

«Лексикон или словарь топографической» — последняя крупная работа Рычкова.

14 марта 1777 года Рычков получает новое служебное назначение — должность «главного командира» Екатеринбургских заводских правлений. Трудно предполагать, чтобы инициатива в этом служебном перемещении исходила от самого Рычкова. Сорок три года, почти всю сознательную жизнь, провел он в Оренбургском крае, и едва ли после этого у него, больного 65-летнего старика, могло появиться желание к перемене жительства. Дорожные сборы и длинный путь от Оренбурга до Екатеринбурга (ныне Свердловск) показались бы тяжелыми и для более крепкого физически человека. Скорее всего новое служебное назначение Рычкова — результат происков его оренбургских недоброжелателей при дворе Екатерины II.

Получив назначение, Рычков, несмотря на болезнь и бездорожье, едет в Екатеринбург и приступает к работе. Но силы его уже были истощены. 15 октября 1777 года Петр Иванович Рычков скончался. Тело его было доставлено из Екатеринбурга в имение Спасское. К настоящему времени следы погребения Рычкова не сохранились. Как сообщает Р. Г. Игнатьев, уже в 1877 году на могиле Рычкова не было никакой надписи.

¹ Статью о городе Оренбурге из «Лексикона или словаря топографического» см. в приложении к настоящей книге.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Со дня смерти Петра Ивановича Рычкова прошло свыше 175 лет. С особенной теплотой вспоминаем его имя мы, советские географы. Современник гениального Ломоносова, он принимал активное участие в зарождении и оформлении многих отраслей наук — физической и экономической географии, истории, пчеловодства, степного лесоводства, карстоведения и др.

Во всей многообразной научной деятельности Рычков оставался горячим патриотом своей родины. Забота о процветании России руководила им во всех его научных начинаниях.

Рычков — русский ученый-самородок, самостоятельно пробивший себе путь к вершинам научной мысли. Он вынужден был постоянно совмещать научные занятия с чиновничьей службой. Только истинное призвание исследователя, непрерывное творческое горение спасли его от отупелой жизни губернского канцеляриста и подняли до уровня выдающегося русского ученого — первого русского члена-корреспондента Академии наук.

Рычкова не удовлетворяли в науке старые, пробитые дороги. Он шел самостоятельно, прокладывая пути новым научным направлениям. Рычков не преклонялся перед авторитетами. Еще меньше он склонен был низкопоклонствовать перед иностранной наукой. Горячий патриотизм, борьба с низкопоклонством перед границей, побудили Рычкова написать «Топографию Оренбургскую», статьи о пчелах, медных рудах, илецкой соли и многие другие труды.

Рычков предстает перед нами краеведом, посвятившим всего себя изучению природы, экономики и истории Оренбургского края. Но он был краеведом в самом лучшем и прекрасном смысле этого слова.

Рычков оставил для нас почти первый по времени появления классический труд по региональной географии России — «Топографию Оренбургскую». По своей структуре, широте охвата темы, теоретическим обобщениям, принципам отбора материала «Топография Оренбургская» оставила далеко позади аналогичные географические сочинения XVIII века. В «Топографии Оренбургской» Рычков показал себя непревзойденным мастером географического описания. По своему научному уровню и значению для развития географии этот труд Рычкова можно поставить в один ряд с наиболее талантливым страноведческим географическим трудом середины XVIII века — «Описанием Земли Камчатки» С. Крашенинникова.

Рычков шел в ногу с новейшими достижениями естественных наук. Геолого-геоморфологические идеи Рычкова (происхождение Уральских гор, изменения рельефа земной поверхности под влиянием эрозионного размыва и др.) близки к опередившим свое время геологическим идеям Ломоносова.

Научное творчество Рычкова глубоко материалистично. Его работы проникнуты верой в познаваемость мира, в могущество человеческого знания. Он не оставляет места для таинственных, необъяснимых сил даже в сложном вопросе происхождения Уральских

гор, возникших, по Рычкову, в результате землетрясений и вертикальных поднятий земной коры.

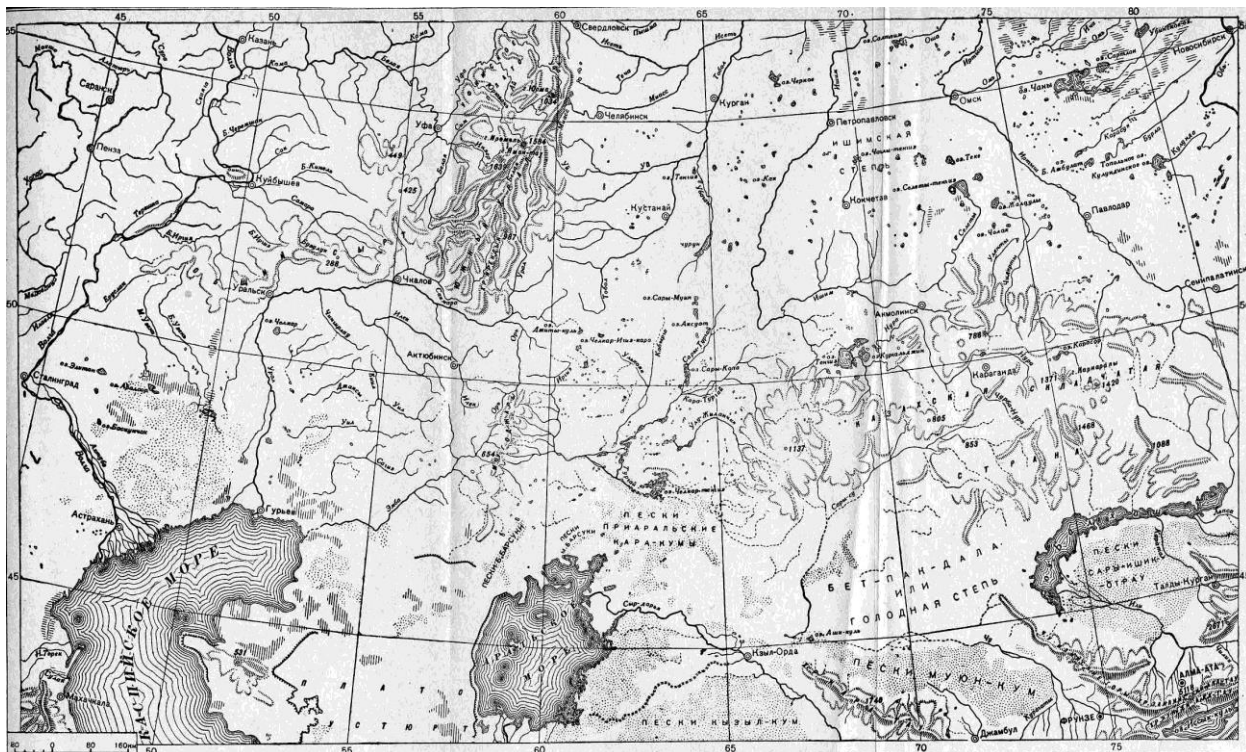
Рычков принадлежал к тому типу передовых русских ученых, для которых наука и практика неразделимы. Все его работы — от «Топографии Оренбургской» до самой небольшой заметки в Трудах Вольного Экономического общества — ставят своей целью удовлетворение разнообразных практических запросов. Появление большинства работ Рычкова было вызвано его заботами о процветании земледелия, торговли и промыслов в Оренбургской губернии и России в целом. В этом отношении Рычков следовал примеру своего знаменитого современника — Ломоносова.

Влияние П. И. Рычкова можно без труда проследить на многих топографических описаниях второй половины XVIII века. И не только на топографических описаниях. Его лучшие прогрессивные идеи были подхвачены и развиты в трудах передовых географов последующих поколений. Академик И. И. Лепехин, хотя и не прямой ученик Рычкова, но имеет много общего с ним в научном творчестве. Позже, в первой половине XIX века, Э. А. Эверсманн не без влияния Рычкова написал замечательный географический труд — первую часть «Естественной истории Оренбургского края» (1840). Еще позже идеи Рычкова — мастера географического описания — нашли определенное отражение в трудах классиков русской географии второй половины XIX века (Семенов-Тянь-Шанский, Докучаев и др.). Советские географы бережно относятся к наследию классиков, изучают их, перенимают лучшее. Среди этого наследия до сих пор видное место занимают и труды Петра Ивановича Рычкова.

Произведения Рычкова характеризуются необычайной ясностью стиля. Мысль его не блуждает в нагромождении слов, и лишние фразы не затемняют смысла. Недаром Рычкова в прошлом именовали писателем: его статьи и книги читаются легко и с большим интересом. Ясность мысли, четкость и образность изложения составляют характерную черту всей русской классической географии. Эта черта прослеживается далее в работах П. П. Семенова-Тянь-Шанского, Н. М. Пржевальского, В. В. Докучаева, А. И. Воейкова и др.

Степное Заволжье, Южный Урал и Казахские степи, изучению которых посвятил свою жизнь Рычков, в настоящее время стали совсем иными. Кануло в вечность «безлюдье», на которое жаловался Рычков. Русские, казахи, башкиры и татары дружно работают на полях, заводах, рудниках и нефтепромыслах. «Хлебопашество», о развитии которого беспокоился Рычков, превратилось в мощное социалистическое земледелие с посевами лучших твердых сортов пшеницы, подсолнечника, проса. Преобразились города. Чкалов (Оренбург), Орск, Уральск, Уфа, Челябинск и многие другие населенные пункты стали важными промышленными и культурными центрами страны. Усилиями геологов за советские годы заново раскрыты недра земель, когда-то описанных П. И. Рычковым. Железо, медь, никель, золото, нефть, каменная соль, уголь — чего только не дают стране Башкирия, Чкаловская область, северный Казахстан.

Ежегодно в заволжские степи выезжают научные экспедиции, геологопоисковые партии, отряды топографов и т. д. И всегда, как только мы обращаемся к вопросам связанным с изучением природы и природных ресурсов степей и пустынь Заволжья, нам вспоминается имя Петра Ивановича Рычкова — энтузиаста-ученого XVIII века первого географа, историка и экономиста Оренбургского края.

Обзорная карта районов, описанных П.И. Рычковым.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Важнейшие даты жизни и научной деятельности П. И. Рычкова

1 октября 1712 г. — Родился в городе Вологде. 1720 г. — Переезд вместе с родителями в Москву.

1730 г. — Начало службы в качестве правителя казенных Ямбургских и Жабинских заводов.

1734 г. — Направляется в Оренбургский край в составе «Оренбургской экспедиции» Кирилова.

1755 г. — В начале года закончена в рукописи первая часть «Топографии Оренбургской губернии», в этом же году рукопись одобрена к изданию Академией наук.

1759 г. — В журнале «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие» печатается труд Рычкова «История Оренбургская».

10 февраля 1759 г. — Утверждение Рычкова членом-корреспондентом Академии наук.

1760 г. — Уход со службы в Оренбургской губернской канцелярии в долгосрочный отпуск, а затем (1761) и в отставку. Переезд на постоянное жительство в имение Спасское.

1762 г. — Опубликованы первая и вторая часть «Топографии Оренбургской».

2 ноября 1765 г. — Избрание Рычкова членом Вольного Экономического общества, активным корреспондентом «Трудов» которого он был на протяжении последующих лет.

8 февраля 1770 г. — Назначение Рычкова начальником правления Оренбургских соляных дел.

5 ноября 1770 г. — Вольное Экономическое общество присуждает Рычкову большую золотую медаль за сочинение «Наказ управителю или прикащику».

28 февраля — 2 марта 1773 г. — Избрание Рычкова в члены Вольного Российского собрания при Московском университете.

Февраль 1777 г. — Закончено составление «Лексикона или словаря топографического Оренбургской губернии».

Март 1777 г. — Назначение Рычкова в Екатеринбург (ныне Свердловск) на службу.

15 октября 1777 г. — Смерть Рычкова в Екатеринбурге.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Описание города Оренбурга по неопубликованной рукописи П. И. Рычкова «Лексикон или словарь топографической Оренбургской губернии» (1777)

Листы рукописи Л. 350

Оренбург — главный город Оренбургской губернии. С начала, то-есть в 1735 году застроен он был статским советником Кириловым при устье реки Ори, впадающей в реку Урал по данным при отправлении его Кирилова инструкциям, как то и в привилегии, пожалованной сему городу, показано. Потом на представлении бывшего в Оренбургской экспедиции главным командиром тайного советника Василья Никитича Татищева в 1739 году последовал именной указ за подписанием блаженной памяти государыни императрицы Анны Иоанновны, чтобы ево строить ниже по речке Уралу при урочище Красной горы от первого в 184 верстах, а прежде застроенной велено именовать Орскою крепостью. К чему хотя и все потребные приуготовления были уже учинены, но по вступлении в главное правление помянутой экспедиции господина тайного советника и кавалера (кой после был действительной тайной со-

Л. 350 об.

ветник и сенатор) Ивана Ивановича Неплюева изыскано для него третье место на реке Урале ж близь устья реки Сакмары, где прежде была Бердянская слобода, на котором он по имянному указу, подписанному собственною рукою блаженной и вечно достойной памяти государыни императрицы Елисаветы Петровны, состоявшемуся в Правительствующем Сенате 1742 года, а в 1743 он и застроен. По справедливости надлежит признать, что сие третье место прежде означенных двух для многих имеющихся при нем к житию человеческому выгод, да и в рассуждении производимых в нем великих торгов есть наиспособнейшее.

Крепостное строение города Оренбурга состоит все на ровном месте, но по ситуации оно расположено овальною фигурою об одиннадцати полигонах, имеют в себе десять целых бастионов и два полубастиона, которые начались от большой соборной церкви Преображения господня называются: Успенской, Преображенской, Неплюевской, Никольской (от церкви Николая чудотворца близь его имеющейся), потом Штокманской, Галафеевской, Губерн-

Л. 351

ской, Петропавловской, Провиантской, Берденской (от места гда бывала Бердская крепость), Торговой и Воскресенской, при том на поверхности той горы, коя к реке Уралу лежит между полубастионов от Воскресенского до Успенского по длине на 275 сажень, по прямой линии положено быть брустверному укреплению с одним редантом, о середине для закрытия в том месте строения и для всякой обороны с речной стороны с тем намерением, чтоб под ним крутость горы, коя из пригородного камня, со временем обрезать. Высота крепостному валу по ровным местам 12 футов, но по низким более, а по высоким менее, шириною рампал в сажень, глубина рва 12, а ширина 35 футов. Наружная крутость оной крепости лицуетя вся плитным камнем. Ширина сего города по интервалу в широком месте 570, а длина 677 сажень, считая по середине. Окружность сей фортеции, идучи по валу, сочиняет 5 верст 192 сажени, а со внешней стороны 4 версты и 289 сажень, не причисляя к тому Казачей слободы пред двумя полигонами Преображенским и Неплюевским застроенной, около которой, начиная от Неплюевского бастиона, положено быть по длине

Л. 351 об.

на 388 саженьях с тремя бастионами ретрашаменту с одним к реке редантом, что яснее видно на плане. Для въезда в город и для выезда имеются четверы ворота и называются первые Сакмарские, потому что состоят к стороне Сакмары реки, прямо от губернской канцелярии по большой Губернской улице; другие Орские для того, что

сквозь их лежит дорога в Орскую крепость; третьи Уральские по реке Уралу; четвертые Самарские посему, что на Самарскую дистанцию и к городу Самаре зимняя дорога туда лежит, а к тому может причислен быть и ввоз от реки Урала на гору, где положено быть сквозь вал же 5 водяным воротам. Домов всякого звания людей, а по большей части служивых воинских из татарских чинов, внутри и вне города построенных, по переписи по нынешней 1777 года (кроме имеющих за городом землянок) более 2000. Знатные улицы внутри города именованы: первая Губернская, потом Орская, Уральская, Пензенская, Самарская, Гостиная, Петровская, Троицкая, Воскресенская, Посадская, Садовая, Нижняя Кожижская, Преображенская, Успенская, Артиллерийская, Уфимская и Никольская.

Л. 352

Церквей во всем городе и с теми что за городом в Казачьей слободе (коя по причине бывшего пугачевского возмущения для очищения города во время приступов злодейской толпы до основания сожжена, а церковь опустела) и за Уралом на каменном дворе 10, из которых две соборные, первая во имя Преображения господня, а другая Введения пресвятыя богородицы, а третья приходская на главной улице при въезде в город во имя святых апостол Петра и Павла, каменные и с сводами для их пространства и изрядной архитектуры достойны особливому примечания, наипаче первая яко главная украшена преизрядным иконостасом и богатою ж церковною утварью, покрыта она вся белым листовым железом и куполы как на церкви так и над колокольнею вызолочены.

Публичные каменные строения, во-первых, Губернская канцелярия о дву этажах, из которых нижний этаж для архивы и денежной казны зделан со сводами. В рассуждении сего здания можно сказать, что в прочих губерниях для такого канцелярского правления лучше едва где находятся. По ней губернаторский дом, который ныне состоит еще из 2 флигелей (однако около 20 покоев имеет), к настоящему ж дому по определению вышепомянутого госпо-

Л. 352 об.

дина действительного тайного советника зделан только фундамент; и когда б он по назначенному плану и фалисаду отделан быть мог, то достойно было почесть его между лучших строений в резиденциях императорских имеющих. Цейг-гаус и артиллерийский двор достойны особливому ж примечания, полицейская контора, большой питейный дом, где и трактир имеется, под некоторыми для производимаго на оренбургские кружечные дворы, зделаны большие выходы с сводами. Почтовой и аманатский двор, где и для приезжих штаб- и обер-офицеров изрядные покои зделаны. Гаубвахта о средине самого города каменная с несколькими покоем. Тут же и площадь довольно пространства и колодезь с изрядною кровлею, аптека и гошпиталь с принадлежащими к ним каменными ж казармами (при чем доктор, аптекарь, лекарь и несколько подлекарей и учеников содержатся), також провиантские и соляные магазейны, для провианта особливая комиссия, а в рассуждении соли главное соляное правление учреждены. Для главных же оных дел правителей особой на. Губернской улице изрядной каменной дом построен, а против зимняго

Л. 353

собора под именем казарм для штаб- и обер-офицеров знатной каменной дом построен. Да и в прошлом 1775 году на той же Губернской улице лютеранского исповедания церковь хотя и деревянная, но на каменном фундаменте с преизрядным внутренним и наружным украшением построена, в некоторой уже и служба отправляется.

Для купечества внутри города имеется каменной гостинный двор четвероугольной, которого длина по большой улице, называемой Губернской, 104 сажени с полуаршином, а ширина 94 сажени; лавки все внутри двора с сводами и с навесом, так что никакая погода торгующих тут не беспокоит и у каждой лавки подъемные затворы. Всех лавок и анбаров считается 150. Для выезду и въезду зделаны с 2 сторон на самой средине ворота, из которых над первыми, кои от большой Губернской улицы, для купечества церковь с

изрядным украшением во имя Благовещения пресвятые богородицы, а над другими зделана с куполом

Л. 353 об.

колокольня. Среди онаго двора построена каменная таможня о 4 покоях, между которыми пространной пакгауз, где для всякого развесу учреждены весы; все оное строение покрыто листовым железом и вычернено смолою; при сем же гостином дворе бывает повсядневной торг и становятся приезжающие из уездов с хлебом и со всякими харчевыми и прочими припасами, а под осень, когда на меновом дворе торгу нет, и киргисцы, а иногда и азиатские купцы тут же торгуют.

Меновой двор, на котором с азиатскими народами чрез все лето до самой осени торг и мена производится, построен на степной стороне реки Урала в виду из города разстоянием от берегу версты с два, ибо ближе строить было ево невозможно по тому, что прилегли места низменные и водопоемные, для выезду и въезду зделаны двои ворота с сводами, из которых над теми, кои в реку Урал и к городу, для таможенного директора изрядные и довольно

Л. 354

просторные покои, а над другими, кои на степь и бывает в них въезд и выезд азиатских народов, пограничная таможня, лавок вокруг сего двора 246, да анбаров 140, кои все внутри двора и с сводами, внутри же того Менового двора построен особливой двор для азиатских купцов и называется Азиатским, имеет двои же ворота, из коих над теми, что к таможне, построена изрядной архитектуры церковь во имя Захария и Елисаветы. На сем Азиатском дворе таких лавок 98, да по углам по 2, итого 8 анбаров и 344 лавки, с них полавочных денег положено в год 4854 рубли. Большая часть того Менового двора покрыта листовым железом, по углам, кои на степь, сделаны две батареи и поставлены на них пушки. В разсуждении пространства и изрядства сего строения можно объявить, что внутри государства для купечества толь великое здание едва имеется ль. Записного в оренбургское гражданство

Л. 354 об.

купечества 2061 человек, в том числе одних торговых татар 1986. А при том (из) оренбургским казакам, из коих много людей пожиточных, торги иметь позволено и торгуют они не мало.

В разсуждении Оренбурга не можно и сего оставить без примечания, что для толь великаго города, который год от году жителями и строениями умножается, в получении не только строельных лесов, но и дров оказываются трудности, ибо уже и ныне от 2 рублей 50 копеек до 3 рублей сажень трехполенная, а иногда и свыше покупается, по немалому ж их расходу в одном Оренбурге на одни домашние нужды, считая на 3000 домов по самой средней пропорция на каждой по 20 сажен, сажен до 60000 в год потребно, не упоминая сего, сколько их еще требуется на зжение кирпича и извески, уголья и на строельные расходы, я для того кажется самая необходимость требует, чтоб в Оренбурге деревянное строение вовсе запретить

Л. 355

благовременно и по меньшей мере хотя б сие определить, чтоб каждой житель не свыше своего чина деревянное строение производил; ибо многие малочиновные и бесчиновные люди ни мало не рассуждая о недостатке лесов не по состоянию своему, но гораздо немалые дома строят, а имеется в самом городе к вырубке весьма мягкое камень (кое на воздухе крепнет) и всем жителям в строениях своих оным исправляться можно, вместо же извести по тутошнему климату, а паче по нужде, и глина, особливо же белая, та коя при Орской крепости находится, весьма вязкая и клейкая, и кою на низ по Уралу реке способно доставать, служить может, наипаче же когда она со внешних и внутренних сторон хотя несколько известью будет затерта, чрез что множество и почти на всегдашнее время дровяной лес может быть сбережен к немалой пользе города и всех онаго жителей, а паче когда рубка дровам и на самые необходимые нужды к строениям будет чиниться

порядочно, и имеющиеся в вершинах Сакмары и по впа-

Л. 355 об.

дающим в нее рекам заплавы к способнейшей сплавке оттуда лесу будут прочищены. Сверх того на, низких и водопоемных местах не невозможно б оной и саженьем разводить, особливо же тот, который и без кореньев от сырых кольев воткнутых только в землю отрождается, яко то осокорь, ветла, тополь и сим подобные, в чем как в деле весьма нужном, касающемся до пользы всего жительствова, всемерно ни труда, ни иждивения жалеть ненадобно, но должно иметь благовременное к тому начало и старание.

ЛИТЕРАТУРА

Труды П. И. Рычкова¹

Рычков П. И. — Письмо о земледельстве в Казанской и Оренбургской губерниях. Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1758, май, стр. 410—428; июнь, стр. 483—524.

Рычков П. И. — История Оренбургская по учреждению Оренбургской губернии. Оренбург, 1896. (Первое издание этой работы см. Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие, СПб., 1759).

Рычков П. И. — Описание пещеры, находящейся в Оренбургской губернии при реке Белей, которая из всех пещер, в Башкирии находящихся, за славную и наибольшую почитается. Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. Март, 1760, стр. 195—220.

Рычков П. И. — Топография Оренбургская, то-есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым, ч. 1 и 2, СПб., 1762.

Рычков П. И. Опыт о козьей шерсти, Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 2, 1766, стр. 63—68.

Рычков П. И. О мануфактурах из хлопчатой бумаги и из верблюжьей шерсти, Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 2, 1766, стр. 89—101.

Рычков П. И. О медных рудах и минералах, находящихся в Оренбургской губернии, Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 4, 1766, стр. 30—56.

Рычков П. И. Опыт о березовой воде, Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 4, 1766, стр. 57—64.

Рычков П. И. Опыт Казанской истории древних и средних времен, СПб., 1766.

Рычков П. И. Опыты винного курения на домашней расход Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 5, 1767, стр. 46—59.

Рычков П. И. О деле юфтей, Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 5, 1767, стр. 70—77.

Рычков П. И. О содержании пчел, Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 5, 1767, стр. 150—196.

Рычков П. И. Примечания о прежнем и нынешнем земледелии, Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 6, 1767, стр. 56—68.

Рычков П. И. О кошениле и червеце, Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 6, 1767, стр. 69—83.

Рычков П. И. О сбережении и размножении лесов. Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 6, 1767, стр. 84—112.

Рычков П. И. О способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии, Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 7, 1767, стр. 1—25.

Рычков П. И. Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия, по разности провинций кратко и по возможности изъяснённые, в рассуждении Оренбургской губернии, Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 7, 1767, стр. 111—212.

Рычков П. И. Первое продолжение о пчелах, Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 9, 1768, стр. 1—27.

Рычков П. И. О травяных корешках и семенах, пригодных к винной сидке. Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 9, 1768, стр. 74—82.

Рычков П. И. О горючей угольной земле, Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 9, 1768, стр. 82—91.

Рычков П. И. О травяном пухе и о домашнем его употреблении вместо хлопчатой бумаги, Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 13, 1769, стр. 44—64.

¹ В список литературы включены труды П. И. Рычкова, представляющие интерес для географов.

Рычков П. И. О крапивной кудели и о употреблении ее в пряжу и в другие экономические надобности, Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 15, 1770, стр. 71—75.

Рычков П. И. Наказ для управителя или прикащика о порядочном содержании и управлении деревень в отсутствии господина, Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 16, 1770, стр. 11—68.

Рычков П. И. О пряже из ветошек и тряпиц и о употреблении оной в разные рукоделия, Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 17, 1771, стр. 167—174.

Рычков П. И. О крапивном холсте, Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 18, 1771, стр. 215—222.

Рычков П. И. Описание Илецкой соли, Тр. Вольн. Эконом. общ., ч. 20, 1772, стр. 25—62.

Рычков П. И. — Введение к Астраханской топографии, М., 1774.

Рычков П. И. — Записки Петра Ивановича Рычкова. Русский архив, 1905, кн. 3, М., 1905, стр. 289—340.

Краткий список работ о П. И. Рычкове

Бак И. С. — Экономические воззрения П. И. Рычкова. Исторические записки. 16. АН СССР, 1945, стр. 126—138.

Каратаев Н. К. — П. И. Рычков — выдающийся русский экономист XVIII века. Вестник АН СССР, № 3, 1950, стр. 84—93.

Милюков Ф. Н. — Естествоиспытатели Оренбургского края. Чкалов, 1948.

Милюков Ф. Н. — Оренбургские степи в трудах П. И. Рычкова, Э. А. Эверсманна и С. С. Неуструева. Вводная статья в кн.: «Оренбургские степи в трудах П. И. Рычкова, Э. А. Эверсманна и С. С. Неуструева», Географгиз, М., 1949, стр. 3—39.

Милюков Ф. Н. — К 175-летию со дня смерти П. И. Рычкова. Известия Академии наук СССР, серия географическая, 1952, № 5, стр. 34—39.

Пекарский П. П. — Сношения П. И. Рычкова с Академией наук в XVIII столетии. Сб. статей, читанных в отделении русского языка и словесности АН, том 1, № 3, СПб., 1866, стр. 1 — 16.

Пекарский П. П. — Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб., 1867.

